

ПЕПЕЛ

ХОРИВА

СПЕКТАКЛЪ НА КРОВИ

ДЖАРЕД
КЕНТ

Пепел Хорива: Спектакль на крови

Джаред Кент

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Гора Хорив

Глава 2. Сестра с Севера

Глава 3. Первые тени

Глава 4. Газета на столе Эбигейл

Глава 5. Утро 28 февраля

Глава 6. Эбигейл перед экраном

Глава 7. Расследование Эбигейл. Часть 1. Дик Росс

Глава 8. Голоса изнутри

Глава 9. Расследование Эбигейл. Часть 2. CAN и Марк Броут

Глава 10. Ложь под присягой

Глава 11. Эби, меня не показывают людям

Глава 12. Расследование Эбигейл. Часть 3. Московский след

Глава 13. Голос Бога

Глава 14. Расследование Эбигейл. Часть 4. За линией оцепления

Глава 15. Симфония разрушения

Глава 16. Последние дни

Глава 17. 19 апреля. 6:00 утра

Глава 18. Эпилог. Эбигейл пишет

Пролог

19 апреля 1993 года. 05:52 утра. Ранчо «Гора Хорив», близ Вэйлора, штат Техас.

Бетонный пол подвала вибрирует. Это не мелкая дрожь, от которой дребезжат стёкла в оконных рамах — стёкол давно нет, они вылетели ещё в феврале, в первый день бойни. Это тяжёлая, ритмичная пульсация, идущая из самых недр земли. Она отдаётся в коленях, поднимается по позвоночнику и оседает гулким стуком в висках.

Я прижимаю к себе свою маленькую дочь Сару. За пятьдесят один день осады мы все стали похожи на тени. Сара прячет лицо в складках моей пропахшей гарью юбки, её маленькие пальцы побелели от напряжения. На моих коленях, свернувшись калачиком, спит Михей. Он единственный, кто ещё может спать под этот звук. Детская психика выстроила глухую стену, отгородив его от реальности, в которой мы живём почти два месяца.

Снаружи ревут двигатели. Я знаю этот звук. Это боевые инженерные машины M728 — бронированные монстры с бульдозерными отвалами. Вчера они просто кружили вокруг здания, сминая брошенные автомобили и разрушая наши заборы. Сегодня их рёв звучит иначе. Он звучит так, словно они больше не собираются останавливаться перед стенами.

В полумраке подвала, освещённого лишь тусклым лучом единственного уцелевшего аккумуляторного фонаря, я вижу лица других женщин. Мы сидим вплотную друг к другу. Никто не плачет. Слезы закончились где-то на третьей неделе, когда нам отключили электричество, а громкоговорители снаружи начали по ночам транслировать звуки умирающих кроликов и тибетские песнопения на оглушающей громкости. Мы научились экономить силы. Мы научились молчать.

Внезапно тишину подвала разрывает резкий, неестественный звук. Звонит мой сотовый телефон.

Большой, неуклюжий аппарат Motorola, который Томас — мой муж, чьё простреленное плечо так и не зажило до конца — чудом умудрился зарядить от старого автомобильного аккумулятора. Это один из немногих оставшихся каналов связи с

внешним миром. ФБР думает, что контролирует все наши линии, но этот номер знают только два человека.

Я смотрю на мигающий индикатор. Сердце пропускает удар. — Мама? — шепчет Сара, поднимая на меня огромные, ввалившиеся глаза. — Это папа? — Нет, милая. Папа наверху, в коридоре.

Я передаю спящего Михея на руки соседке, Мэри, и дрожащими пальцами нажимаю кнопку ответа. Пластик телефона холодный и липкий от пота.

— Алло? — мой голос звучит как шелест сухой листвы. Горло пересохло от цементной пыли, висящей в воздухе. — Рэйчел?! Господи, Рэйчел, ты меня слышишь?!

Голос Эбигейл. Моей старшей сестры. Она кричит так громко, что динамик хрипит, искажая звуки. В её голосе нет привычной чикагской сдержанности, нет той снисходительной интонации школьной учительницы, с которой она всегда со мной разговаривала. Там только чистый, первобытный ужас.

— Эби... — я пытаюсь говорить громче, но рёв танковых двигателей снаружи нарастает. С потолка сыплется штукатурка. — Эби, они заводят моторы. Они близко. — Рэйчел, послушай меня! — перебивает она, глотая слова. На заднем фоне я слышу шелест бумаг и гудки машин — она звонит из автомата или из машины. — Я всё выяснила! Ты должна понять...

Я закрываю свободное ухо рукой, пытаюсь сосредоточиться на её голосе. — О чём ты говоришь? Эби, они не дают нам выйти. Дэниел сказал, что мы выйдем, как только он допишет... — Забудь про Дэниела! — кричит сестра. — Рэйчел, это все спланировано! Я нашла их связи. Те люди, которые выступают по телевизору, эти так называемые эксперты... Дик Росс, Симсен Хансен... они все в одной сети!

Снаружи раздаётся оглушительный скрежет. Металл рвёт дерево. Здание содрогается так сильно, что фонарь падает на бок, и луч света начинает безумно плясать по серым стенам. Сара вскрикивает.

— Эби, они ломают стену спортзала! — кричу я, прижимая телефон к губам. — Рэйчел, умоляю, слушай! — голос сестры срывается на рыдание. — Они используют вас как полигон. Я нашла след... он ведёт в Москву! Они называют вас «деструктивным

культом», чтобы оправдать убийство! Они консультировались с русским специалистом по психотехнологиям!

Слова Эбигейл сливаются в бессвязный поток. Москва? Психотехнологии? Мой мозг, истощённый голодом и страхом, отказывается воспринимать эту информацию. Какая Москва? Мы в Техасе. Мы просто фермеры, музыканты, матери. Мы изучаем Библию. Мы никому не желали зла.

— Эби, я не понимаю... — шепчу я. — Они не собираются вас спасти! — кричит она, и в её голосе звучит абсолютное отчаяние человека, который видит, как поезд сходит с рельсов, но не может дотянуться до стоп-крана. — Ордер был основан на лжи! Марк Броут солгал им! Агилар солгал под присягой! Я видела affidavit! Рэйчел, бери детей и беги! Прямо сейчас! Выходи с поднятыми руками!

— Мы пытались! — я тоже начинаю кричать, слёзы наконец прорываются, обжигая грязные щёки. — Раньше люди выходили — их сразу задерживали и увозили! Они не показывают нас людям, Эби! Они делают из нас монстров!

Глухой удар сотрясает фундамент. С потолка обрушивается кусок бетона, едва не задев Мэри. В коридоре наверху раздаются крики мужчин. Затем — странный, шипящий звук. В подвал начинает просачиваться белый, густой дым. Он пахнет перцем и химикатами. Глаза мгновенно начинает резать, словно в них плеснули кислотой.

— Газ! — кричит кто-то в темноте. — Они пускают газ! — Рэйчел?! — голос Эбигейл в трубке звучит как из другого измерения. — Что там происходит?! Рэйчел, ответь мне! — Эби... — я кашляю, горло сжимается спазмом. Я тянусь свободной рукой к Саре, нащупываю её маленькое плечо. — Эби, я чувствую запах дыма. Не газа. Дыма.

— Рэйчел, нет... нет, нет, нет! — Эбигейл рыдает. — Я расскажу всем! Я напишу об этом! Я знаю их имена! Слышишь меня?! Я знаю, кто дёргает за ниточки!

Белый туман заполняет подвал. Михей просыпается и начинает задыхаться в плаче. Я бросаю телефон на пол, чтобы схватить детей обеими руками. Из динамика, лежащего в серой пыли, доносится искажённый расстоянием и помехами крик моей сестры: — Рэйчел! РЭЙЧЕЛ!!!

А затем раздаётся взрыв, и мир перестаёт существовать.

Глава 1. Гора Хорив

Утреннее солнце Техаса обладает особым, почти осязаемым весом. Оно ложится на плечи тёплой ладонью, пробивается сквозь щели в деревянных ставнях и заливает комнату густым золотым светом. На часах половина шестого утра, но ранчо «Гора Хорив» уже давно проснулось. Для нас, живущих здесь, день начинается не со звонка будильника, а с пения птиц, далёкого гула трактора и запаха свежесваренного кофе, который тянется из общей кухни.

Я стою у окна, прижимая к груди годовалую Сару. Она ещё сонная, её маленькие пальчики крепко вцепились в воротник моего хлопкового платья. От её макушки пахнет детским мылом и тёплым молоком. За окном расстилается наш мир — бескрайняя равнина, поросшая мескитовыми деревьями и сухой травой, над которой возвышаются деревянные постройки нашей общины.

Мой муж, Томас, уже там, на улице. Я вижу его силуэт на крыше главного здания. Он плотник, и его руки покрыты мозолями, а кожа приобрела оттенок тёмной меди от постоянной работы под открытым небом. Сейчас он вместе с другими мужчинами меняет старую черепицу. Они переговариваются, смеются, звук молотков разносится в утреннем воздухе чётким, ритмичным эхом. Это звук созидания. Звук дома.

Мы называем себя «Давидова Лоза». Мы — ветвь, отколовшаяся от древа адвентистов седьмого дня, группа людей, которые решили, что вера — это не просто воскресный поход в церковь в нарядных костюмах, а ежедневный труд, совместная жизнь и глубокое, непрерывное изучение Священного Писания. Наша община была основана здесь, неподалёку от городка Вэйлор, ещё в 1935 году. Более пятидесяти лет эти земли служили приютом для тех, кто искал тишины и Бога. Мы не прячемся от мира. Мы просто решили построить свой собственный, где главным законом является любовь к ближнему и стремление понять замысел Творца.

Если вы приедете к нам в любой день недели, первое, что вы заметите — это отсутствие заборов. У нас нет высоких стен, нет колючей проволоки, нет охранников у ворот. Главный въезд на территорию ранчо обозначен лишь двумя деревянными столбами, между которыми свободно гуляет ветер. Дорога всегда открыта.

Каждое утро сюда приезжает почтовый фургон. Мистер Хендерсон, пожилой почтальон из Вэйлора, всегда останавливается выпить с нами чашку чая и обсудить виды на урожай. Дважды в неделю прибывают грузовики с доставкой стройматериалов или продуктов, которые мы не можем вырастить сами. Наши люди свободно садятся в свои автомобили и едут в город — кто-то работает в местной автомастерской, кто-то в больнице, кто-то просто отправляется в супермаркет за подгузниками и стиральным порошком.

Никто никого не держит. Это правило, о котором даже не нужно говорить вслух, настолько оно естественно. Буквально в прошлом месяце семья Миллеров, прожившая с нами около года, решила, что им тяжело даётся техасская жара и фермерский быт. Они собрали вещи, чтобы вернуться к родственникам в Огайо. Мы устроили им прощальный ужин, испекли огромный яблочный пирог, Томас помог им починить карбюратор в их старом форде, а потом мы все стояли у дороги и махали им вслед, пока их машина не скрылась в облаке пыли. Двери «Горы Хорив» открыты в обе стороны. Ты свободен прийти, и ты абсолютно свободен уйти.

Я спускаюсь на первый этаж, в общую столовую. Здесь уже кипит жизнь. Кухня — это сердце нашей общины, место, где переплетаются ароматы печёного хлеба, тушёных овощей и специй. За длинными деревянными столами женщины чистят картошку, нарезают зелень, замешивают тесто в огромных металлических чанах.

— Доброе утро, Рэйчел! — окликает меня Марта, женщина с добрым, морщинистым лицом, приехавшая к нам из Великобритании. Она вытирает руки о передник и тянется, чтобы пощекотать Сару за пятку. Сара заливается звонким смехом. — Как спала наша маленькая принцесса?

— Как ангел, — улыбаюсь я, усаживая дочь в деревянный стульчик для кормления, который Томас смастерил специально для неё.

Я присоединяюсь к работе. Мои руки привычно погружаются в тёплое, податливое тесто. Вокруг меня звучат голоса с самыми разными акцентами. Наша община — это удивительный плавильный котёл. Здесь есть американцы, австралийцы, британцы, выходцы из стран Карибского бассейна. Мы разных рас, разных возрастов, но за этим столом мы все — сестры.

Люди снаружи часто думают, что религиозные общины состоят из необразованных, потерянных людей, которым некуда пойти. Если бы они только знали, кто сидит рядом со мной за обеденным столом.

Возьмите, к примеру, доктора Элиаса Вэнса. Ещё три года назад он был успешным педиатром в Далласе, имел собственную частную практику, дом с бассейном и членство в гольф-клубе. Вчера днём я видела, как он, сидя на крыльце медпункта в простых джинсах и клетчатой рубашке, терпеливо обрабатывал разбитую коленку семилетнему мальчишке. Элиас привёз с собой всё своё медицинское оборудование. Он организовал на ранчо настоящую клинику. Когда я спросила его однажды, почему он оставил свою блестящую карьеру, он ответил: «Там я лечил симптомы болезней у детей, чьи родители были слишком заняты зарабатыванием денег, чтобы просто с ними поговорить. Здесь я лечу детей, которые растут в любви, на свежем воздухе. Здесь я чувствую, что моя работа имеет смысл перед Богом».

Или Джулиан Хейс. Выпускник Гарварда, математик и блестящий скрипач. Он преподаёт нашим старшим детям алгебру и геометрию. Джулиан считает, что математика — это язык, на котором Бог написал Вселенную, и он учит детей видеть красоту в уравнениях так же, как в стихах псалмов. Наши дети получают образование, которому позавидовали бы многие частные школы. Они изучают историю, литературу, иностранные языки. Они растут без телевизора, без агрессивной рекламы, без жестокости улиц. Они читают книги, играют на музыкальных инструментах и умеют отличать семена моркови от семян пастернака.

Ближе к полудню жара становится невыносимой. Воздух над землёй дрожит, искажая очертания дальних деревьев. Работа на улице замирает. Мужчины спускаются с крыш, фермеры возвращаются с полей. Наступает время обеда и отдыха.

Именно в это время на крыльце главного здания обычно появляется он.

Его настоящее имя — Вернон Хьюэтт, но для нас он Дэниел Кордеш. Ему двадцать девять лет, как и мне. Когда он идёт по двору, в нём нет ничего от того образа сурового, недостижимого пророка, который так любят рисовать на страницах религиозных брошюр. Дэниел носит потёртые джинсы, футболку и кроссовки. У него копна непослушных кудрявых волос и очки в тонкой оправе. Он часто носит с собой гитару.

Дэниел не требует, чтобы перед ним расступались. Он может остановиться, чтобы помочь починить сломанный велосипед, или сесть на траву, чтобы сыграть детям какую-нибудь весёлую песню. В обычной жизни он иногда даже немного заикается, подбирая слова. Но всё меняется, когда он открывает Библию.

Наши вечерние собрания — это не скучные проповеди, где паства покорно клюёт носом под монотонный голос священника. Это похоже на интенсивный университетский семинар. Мы собираемся в просторном зале, рассаживаемся на деревянных скамьях, стульях или прямо на полу. У каждого в руках Библия, блокнот и ручка.

Дэниел садится на простой табурет в центре. Он не возвышается над нами на кафедре. Он среди нас.

— Откройте Откровение Иоанна Богослова, главу шестую, — говорит он, и его голос звучит чисто, уверенно, без малейшего следа заикания. В этом голосе есть магнетизм, но это не гипноз. Это страсть человека, который искренне верит в то, что говорит.

Мы изучаем Семь Печатей. Для многих христиан книга Откровения — это пугающий, непонятный текст, полный жутких метафор и апокалиптических ужасов. Но Дэниел учит нас читать её иначе. Он показывает связи между Ветхим и Новым Заветом, цитирует пророков Исаию и Иезекииля по памяти, выстраивая сложную, но невероятно логичную картину божественного замысла.

— Бог не хочет нас запугать, — говорит Дэниел, расхаживая между рядами. — Он хочет нас предупредить. Печати — это не просто наказания. Это этапы очищения. Это история человечества, история наших ошибок и Божьей милости. Вы не должны верить мне на слово! Читайте сами. Ищите. Задавайте вопросы.

И люди задают. Джулиан Хейс часто поднимает руку, чтобы поспорить о лингвистических нюансах перевода с древнегреческого. Доктор Вэнс задаёт вопросы о

природе человеческого страдания в контексте пророчеств. Дэниел никогда не злится на возражения. Наоборот, его глаза загораются. Он любит интеллектуальный вызов. Он поощряет сомнения, потому что считает, что только через сомнение и поиск можно прийти к истинной, осознанной вере.

Никто не заставляет нас сидеть на этих занятиях. Если кто-то устал после работы в поле, он может пойти спать. Если кто-то хочет почитать книгу в своей комнате — пожалуйста. Но большинство из нас приходит добровольно, потому что эти часы совместного изучения Писания дают нам то, чего мы не могли найти в холодных, формальных церквях больших городов — чувство живого, дышащего Слова.

После собрания я выхожу на улицу. Жара спала, уступив место приятной вечерней прохладе. Томас подходит ко мне сзади и обнимает за плечи. От него пахнет опилками и мылом — он уже успел принять душ после работы.

— Крыша почти готова, — тихо говорит он, глядя на плоды своего труда. — Завтра закончим южный скат. Если осенью будут сильные дожди, в детских комнатах будет сухо.

— Ты хорошо потрудился, — я прислоняюсь к его плечу.

Мы идём по территории ранчо. Вокруг нас кипит тихая, размеренная вечерняя жизнь. На крыльце одного из домов группа молодых людей играет на гитарах и поёт. Чуть дальше, у загона с лошадьми, две девочки-подростка расчёсывают гриву старой кобыле. Из открытых окон доносится звон посуды — дежурные моют тарелки после ужина.

Я смотрю на лица этих людей. Я знаю историю каждого из них. Я знаю, что миссис Картер приехала сюда после смерти мужа, потому что не могла вынести одиночества пустой квартиры в Чикаго, и здесь она нашла новую семью. Я знаю, что молодой парень по имени Дэвид, который сейчас смеётся над чьей-то шуткой, раньше имел проблемы с алкоголем, но здесь, вдали от искушений города и окружённый поддержкой, он не пьёт уже два года. Мы не святые. У нас бывают ссоры, мы спорим из-за того, чья очередь убирать коровник, мы устаём и раздражаемся. Но мы решаем всё это вместе.

Мы — обычные люди. Мы платим налоги. Мы соблюдаем законы. Мы любим своих детей и хотим, чтобы они выросли честными, добрыми людьми, знающими Бога.

Я подхожу к главным воротам. Они, как всегда, распахнуты настежь. Дорога, ведущая к шоссе, пуста. Вдали, над горизонтом, небо начинает окрашиваться в невероятные цвета. Техасские закаты — это нечто особенное. Сначала небо становится бледно-золотым, затем наливается густым оранжевым светом, который постепенно переходит в глубокий, бархатный пурпур.

Солнце медленно опускается за линию горизонта, бросая длинные, мягкие тени на деревянные стены «Горы Хорив». Ветер стихает. В высокой траве начинают стрекотать цикады, их хор сливается с далёким перебором гитарных струн. Воздух становится прохладным и кристально чистым.

Я делаю глубокий вдох. В этот момент, стоя у открытых ворот с мужем, я чувствую абсолютную, непоколебимую уверенность в том, что мы находимся в самом безопасном месте на земле. Мир вокруг нас огромен, сложен и порой жесток, но здесь, на этом клочке земли, мы построили свой тихий причал.

Солнце скрывается за горизонтом, оставляя после себя лишь тлеющую полосу света. Наступает ночь, укрывая наше ранчо своим спокойным, звёздным куполом. Никто из нас не знает, что принесёт завтрашний день, но сегодня мы засыпаем в мире. И в этой тишине нет ни единого намёка на то, что этот мир может быть разрушен.

Глава 2. Сестра с Севера

Пыль от колёс арендованного тёмно-синего «Форда» медленно оседает на сухую техасскую траву. Я стою у обочины, придерживая рукой подол простого хлопкового платья, чтобы его не трепал горячий полуденный ветер, и смотрю, как из машины выходит моя старшая сестра.

Эбигейл тридцать восемь лет. Она выглядит так, словно привезла с собой в багажнике кусочек прохладного, упорядоченного Чикаго. На ней безукоризненно выглаженный бежевый брючный костюм, туфли на невысоком, но элегантном каблуке,

а тёмные волосы собраны в строгую причёску, которую не смеет растрепать даже наш бесцеремонный южный сквозняк.

Она оглядывается по сторонам, щурясь от слепящего солнца, и её лицо на мгновение выдаёт ту самую смесь тревоги и скепсиса, которую я ожидала увидеть. Затем её взгляд находит меня.

— Рэйчел! — выдыхает она, и вся её чикагская строгость мгновенно испаряется.

Мы бросаемся друг другу навстречу. Я обнимаю её так крепко, что чувствую, как хрустит крахмаленная ткань её жакета. От Эбигейл пахнет дорогим парфюмом и чем-то неуловимо городским — запахами, от которых я давно отвыкла. В ответ она, должно быть, чувствует запах древесной стружки, печёного хлеба и детского мыла, которыми пропитана вся моя одежда.

— Боже мой, Рэйчел, как вы тут дышите? — говорит она, отстраняясь и держа меня за плечи. Её глаза внимательно, почти сканирующе изучают моё лицо. — Воздух можно резать ножом. Он же абсолютно неподвижен.

— К этому привыкаешь, Эби, — смеюсь я, забирая из её рук тяжёлую дорожную сумку. — К августу ты даже начинаешь находить в этой жаре своё очарование. Добро пожаловать на «Гору Хорив».

Пока мы идём к гостевому домику, я физически ощущаю, как работает её мозг. Эбигейл — школьная учительница средних классов. У неё нет своих детей, и, возможно, именно поэтому всю свою нерастраченную материнскую энергию и гиперопеку она перенесла на учеников, а заодно и на меня. Она привыкла всё анализировать, раскладывать по полочкам и выставлять оценки. Я знаю, с какими мыслями она ехала сюда. В её баптистской картине мира моя жизнь в религиозной общине где-то на задворках Техаса выглядит как добровольное безумие.

Она смотрит на мужчин, чинящих трактор у амбара. Смотрит на женщин, развешивающих бельё на длинных верёвках. И, конечно, она смотрит на детей.

Из личных записей Эбигейл Лейн-Мортон. 14 октября 1989 года. «Дорогой Артур, я пишу это, сидя на веранде деревянного дома, который Рэйчел называет своим. Признаюсь честно, всю дорогу от аэропорта Далласа до Вэйлора у меня

сводило желудок. Ты знаешь, чего я ожидала. Я начиталась статей о закрытых коммунах, где люди ходят с пустыми глазами, где царит антисанитария, а дети похожи на запуганных зверьков. Как учитель, я каждый день вижу в школе детей из неблагополучных семей. Я знаю, как выглядит ребёнок, которого подавляют. Я знаю этот рефлекторный испуг при резком звуке, этот бегающий взгляд. Но то, что я увидела здесь, сбивает меня с толку. Когда мы шли по территории, к нам подбежала стайка детей лет семи-восьми. Они были перемазаны землёй — строили какую-то крепость у ручья, — но это была здоровая, счастливая грязь нормального детства. Они поздоровались со мной, глядя прямо в глаза. Никакой зажатости. Никакого страха. Рэйчел познакомила меня с мужчиной по имени Джулиан — он преподаёт у них математику. Артур, этот человек цитировал мне труды по педагогике, которые мы обсуждали на последнем семинаре в Чикаго! У них здесь настоящая школа. Я проверила тетради старших ребят (не удержалась, профессиональная привычка). У них каллиграфический почерк и программа по истории, которая опережает нашу государственную на год. Я приехала спасать сестру из секты. Но пока я вижу только очень странную, очень религиозную, но абсолютно нормальную ферму».

Вечером, после ужина, мы сидим на крыльце моего дома. Томас уложил маленькую Сару спать и тактично ушёл к соседям, чтобы дать нам с сестрой поговорить наедине. Техасская ночь опускается на ранчо густым, тёплым одеялом. В траве оглушительно трещат цикады, а небо здесь такое глубокое и звёздное, какого в Чикаго не бывает никогда из-за городского смога.

Между нами на маленьком деревянном столике стоит кувшин с домашним лимонадом и лежат две Библии. Моя — в простой кожаной обложке, испещрённая пометками на полях. И Библия Эбигейл — массивная, с золотым обрезом, подаренная ей пастором её баптистской церкви.

Разговор, который зрел весь день, наконец прорывается наружу.

— Я вижу, что ты счастлива, Рэйчел, — медленно произносит Эбигейл, обхватывая стакан с лимонадом обеими руками. — Я вижу, что Томас заботится о тебе, а Сара растёт чудесной девочкой. Она здорова, ухожена. Вы хорошо питаетесь. Но я не понимаю... зачем всё это? Зачем изолировать себя от мира?

— Мы не изолируем себя, Эби, — мягко возражаю я. — Ты же видела сегодня днём. Наши люди ездят в город на работу. Мы покупаем газеты. Мы просто выбрали жить вместе, потому что так легче следовать тому, во что мы верим.

Эбигейл пододвигает к себе свою Библию и кладёт на неё ладонь. Её голос становится твёрже, в нём появляются те самые интонации, которыми она призывает к порядку расшумевшийся класс.

— То, во что вы верите... Рэйчел, это же ересь. Прости, что говорю так прямо, но я должна. Вы слушаете этого молодого человека, Дэниела. Я наблюдала за ним за ужином. Обычный парень в джинсах. Но вы относитесь к его словам так, словно он пророк. В Послании к Ефесеянам чётко сказано: «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился». Христос уже всё совершил на кресте. Зачем вам эти сложности с Печатями? Зачем вам человек, который утверждает, что только он может открыть книгу Откровения?

Я улыбаюсь, потому что ожидала именно этих слов. Мы с Эбигейл выросли в одной семье, читали одни и те же книги, но наши пути к пониманию Бога разошлись.

— Мы не отрицаем крест, Эби, — я подаюсь вперёд, заглядывая в её тёмные, умные глаза. — И мы не считаем, что спасаемся делами. Но история не закончена. Посмотри на мир вокруг. Разве он похож на Царство Божье, которое уже наступило? Книга Откровения — это не просто страшная сказка о конце света. Это чертёж того, как Бог завершит историю человечества. И Дэниел не называет себя спасителем. Он учитель. Разве в твоей церкви пастор не объясняет вам Писание каждое воскресенье?

— Мой пастор не говорит, что он единственный, кто обладает ключом к истине! — парирует сестра. — Он не заставляет людей переезжать на ферму и жить коммуной.

— Никто никого не заставляет, — я качаю головой. — Ты была здесь весь день. Ты видела заборы? Ты видела замки на воротах? Люди здесь, потому что они хотят здесь быть. Когда Дэниел открывает Писание, всё обретает смысл. Ветхий Завет соединяется с Новым. Пророчества Исаии переплетаются с видениями Иоанна. Это не слепая вера, Эби. Это глубокое, ежедневное изучение. Мы задаём вопросы. Мы спорим.

Эбигейл вздыхает и откидывается на спинку кресла-качалки. Дерево тихо скрипит под её весом.

— Я просто боюсь за тебя, сестрёнка, — её голос теряет учительскую строгость и становится тихим, уязвимым. — Когда власть над умами людей сосредотачивается в руках одного человека, это всегда заканчивается плохо. Люди слабы. Лидеры становятся деспотами.

— Дэниел не деспот, — твёрдо отвечаю я. — Если бы ты пришла на наше вечернее занятие, ты бы увидела. Он поощряет сомнения. Он говорит: «Не верьте мне, верьте Слову. Проверяйте всё сами».

Мы замолкаем. Спор не окончен, он просто поставлен на паузу, как это часто бывает между любящими людьми, которые понимают, что их мировоззрения лежат в разных плоскостях. Эбигейл не переубедить меня, а мне не переубедить её. Но в этой тишине на веранде нет враждебности. Есть только стрекотание цикад и тёплый ветер, путающийся в волосах.

На следующий день Эбигейл помогает мне на кухне. Мы чистим морковь для большого общего обеда. Солнце заливает помещение через широкие окна, в воздухе пахнет укропом и свежей выпечкой. Эбигейл работает ножом быстро и ловко — сказывается привычка к порядку во всём.

— Знаешь, я всё пытаюсь вспомнить, — задумчиво произносит она, не отрывая взгляда от оранжевой стружки, падающей в металлическую миску. — В одном из своих писем, кажется, года полтора назад, ты писала о каком-то удивительном человеке. Австралийце. Ты говорила, что он знает наизусть чуть ли не половину Библии и что его проповеди очень вдохновляют. Я не видела его здесь. Как его звали? Марк?

Мои руки на секунду замирают. Имя Марка Броута в общине не то чтобы под запретом, но вспоминать о нём не любят. Это как говорить о старой, неприятной ссоре с родственником, которая оставила после себя горький осадок.

— Марк Броут, — киваю я, бросая очищенную морковь в кастрюлю. — Да, он был здесь. Удивительный человек, это правда. И он слепой.

Эбигейл удивлённо поднимает брови: — Слепой? И при этом так хорошо знал Писание?

— У него была феноменальная память, — я вытираю руки о передник. — Он мог цитировать целые главы без единой запинки. Когда он только приехал, многие были очарованы его умом. Он действительно глубоко понимал тексты. Но... — я заминаюсь, подбирая слова. — Понимаешь, Эби, иногда выдающийся ум становится ловушкой для человека. Марк был очень амбициозен.

— В каком смысле? — Эбигейл откладывает нож, её журналистский, исследовательский инстинкт мгновенно просыпается.

— Он хотел быть лидером, — просто отвечаю я. — Он считал, что его понимание Писания превосходит понимание Дэниела. Сначала это были просто теологические дискуссии. Как я уже говорила, у нас поощряются споры. Но потом Марк начал требовать особого отношения. Он хотел, чтобы его признали со-руководителем общины. Он начал собирать вокруг себя людей, пытался сеять сомнения не ради поиска истины, а ради того, чтобы подорвать авторитет Дэниела.

— И что сделал Дэниел? Выгнал его? — в голосе Эбигейл снова проскальзывает напряжение. Она явно ищет подтверждение своей теории о деспотичном лидере.

— Нет, — я качаю головой. — Дэниел сказал ему: «Марк, перед Богом мы все равны. Здесь нет иерархии власти, есть только служение. Если ты хочешь служить — оставайся. Если ты хочешь властвовать — тебе здесь не место». Марк воспринял это как личное оскорбление. Удивительно, как человек, лишённый физического зрения, может быть настолько ослеплён собственной гордыней. Было много крика с его стороны. Он обвинял всех нас в слепоте, как бы иронично это ни звучало. А потом он просто собрал вещи и уехал.

— Куда?

— Кажется, вернулся в Австралию. Или сначала в Калифорнию, я точно не знаю. Мы молимся за него, Эби. Никто не держит на него зла. У нас свободная страна. Люди приходят, люди уходят. Это нормально.

Эбигейл долго смотрит на меня, словно пытаюсь найти в моих словах двойное дно. Но его там нет. История Марка Броута — это просто история человеческого эгоизма, одна из тысяч подобных историй, которые случаются в любой церкви, в любом коллективе.

— Значит, он ушёл сам, — задумчиво повторяет она, возвращаясь к чистке моркови. — И никто его не преследовал?

— Кому это нужно? — искренне удивляюсь я. — У нас слишком много работы на ферме, чтобы тратить время на преследование тех, кто решил пойти своим путём.

Эбигейл кивает, но я вижу, что она мысленно делает какую-то пометку в своей внутренней картотеке. Для неё этот эпизод — доказательство того, что из общины действительно можно уйти без последствий. Для меня — просто закрытая страница нашего прошлого. Ни я, ни она в тот залитый солнцем день на кухне не могли даже представить, какие семена ненависти увёз с собой этот слепой человек, и какие ядовитые всходы они дадут всего через несколько лет.

Из личных записей Эбигейл Лейн-Мортон. 16 октября 1989 года. «Завтра я улетаю обратно в Чикаго. Мои чувства смешаны. Я по-прежнему считаю их теологию ошибочной. Я по-прежнему думаю, что их увлечённость книгой Откровения граничит с одержимостью. Но я не могу отрицать фактов, которые вижу своими глазами. Рэйчел не сломлена. Она расцвела. В ней появилась какая-то спокойная, глубокая уверенность, которой ей так не хватало в юности. Томас — прекрасный муж. Дети здесь окружены такой заботой и вниманием, о которых многие мои ученики в Чикаго могут только мечтать. Я говорила с несколькими людьми, которые покинули общину в прошлом, и с теми, кто живёт здесь сейчас. Никто не держит их силой. История с этим австралийцем, Марком, показательна. У них произошёл конфликт амбиций, и человек просто уехал. Никакой драмы, никаких угроз. Просто разошлись пути. Они странные. Они живут по правилам, которые мне непонятны. Но это хорошие люди. Они не желают никому зла. Я возвращаюсь домой с лёгким сердцем».

Утро отъезда выдаётся прохладным. Мы стоим у открытого багажника арендованного «Форда». Эбигейл аккуратно укладывает свою сумку, проверяет билеты в сумочке. На ней снова тот же строгий костюм, но сейчас он кажется мне менее чужим.

Она поворачивается ко мне и крепко обнимает. Затем приседает на корточки перед маленькой Сарой.

— Раста умницею, малышка, — Эбигейл целует племянницу в пухлую щёку. — И слушайся маму.

Она выпрямляется и смотрит на меня. В её глазах блестят слёзы, которые она, как истинная леди из Чикаго, старается не пролить.

— Обещай звонить чаще, Рэйчел, — говорит она, беря меня за руки. — Не пропадай. Пиши мне обо всём.

— Обещаю, Эби. И ты приезжай. Двери «Горы Хорив» всегда открыты.

Она садится в машину, заводит двигатель. Я беру Сару на руки, и мы машем ей вслед. Тёмно-синий автомобиль медленно разворачивается и выезжает за пределы ранчо, поднимая облачко пыли на грунтовой дороге.

Эбигейл смотрит в зеркало заднего вида. Она видит фигуру своей младшей сестры с ребёнком на руках на фоне бескрайнего техасского неба. Она увозит с собой уверенность в том, что её семья в безопасности. Она увозит с собой мысль, которая будет согревать её долгие годы: «Это странные, но хорошие люди».

Машина скрывается за поворотом, унося мою сестру обратно на Север, в её привычный, рациональный мир, оставляя нас в нашем тихом, солнечном уединении.

Глава 3. Первые тени

Осень 1990 года выдалась в Техасе на удивление мягкой. Изнуряющая летняя жара отступила, уступив место прохладным ветрам, приносящим с равнин запах сухой полыни и пыли. Наша жизнь на «Горе Хорив» текла своим чередом. Мы собирали урожай, консервировали овощи на зиму, чинили крыши и готовились к холодам. Дети росли, вечера проходили за изучением Писания, и казалось, что этот размеренный, наполненный трудом и молитвой ритм ничто не способно нарушить.

Но именно тогда, в эти спокойные месяцы, воздух вокруг нас начал неумовимо меняться. Это не было похоже на внезапную бурю. Скорее, это напоминало то, как в

ясный день на горизонте появляется едва заметная серая дымка, которая медленно, день за днём, затягивает небо, пока солнце не превращается в тусклый, холодный диск.

Первые признаки надвигающейся беды проявились не на самом ранчо, а за его пределами, в городке Вэйлор, куда мы регулярно ездили за покупками.

Я хорошо помню тот вторник. Мы с Томасом отправились в местный строительный супермаркет за гвоздями и краской, а заодно заехали в бакалейную лавку мистера Хендрикса. Я знала Хендрикса уже несколько лет. Это был приветливый, тучный мужчина, который всегда угощал маленькую Сару лакричными леденцами и расспрашивал о том, как идут дела на ферме. Но в тот день, когда я подошла к кассе с корзиной продуктов, он даже не поднял на меня глаз. Он молча пробил товары, сухо назвал сумму и отвернулся, делая вид, что пересчитывает мелочь в кассовом аппарате.

Выходя из магазина, я поймала на себе взгляды двух женщин, стоявших у витрины. Они смотрели на меня не с обычным соседским любопытством, а с какой-то брезгливой настороженностью. Одна из них что-то прошептала другой, прикрыв рот ладонью, и обе поспешно отвернулись.

— Томас, ты не заметил ничего странного? — спросила я мужа, когда мы сели в наш старый пикап.

Он завёл мотор, задумчиво глядя на пустую улицу. — Заметил. В строительном отделе парни, с которыми я обычно обсуждаю цены на пиломатериалы, сегодня сделали вид, что очень заняты разгрузкой цемента. Словно я стал заразным.

Ответ на наши вопросы ждал нас на заправочной станции на выезде из города. Пока Томас заливал бензин, я подошла к стойке с прессой, чтобы купить свежий номер местной газеты «Вэйлор Трибьюн-Геральд». Мой взгляд упал на передовицу. Крупный, кричащий заголовок, набранный жирным шрифтом, гласил: «Тайны за закрытыми дверями: что скрывает община на Горе Хорив?».

Я замерла, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Дрожащими пальцами я развернула газету. Статья была огромной, она занимала почти целую полосу. В ней не было ни одного имени автора, только ссылки на некие «анонимные источники» и «бывших участников». Но слова, которые там использовались, били наотмашь. Нас,

обычных фермеров, плотников, учителей и врачей, впервые публично назвали словом «культ».

Автор статьи утверждал, что за фасадом мирной религиозной общины скрывается жёсткая диктатура. Что люди здесь лишены свободы воли, что они работают от зари до зари как бездумные рабы, а их умы подвергаются постоянному «промыванию». Там были абсурдные пассажи о том, что мы якобы готовимся к вооружённому противостоянию с миром, что наши дети живут в страхе и антисанитарии.

Я стояла у стойки с прессой, и буквы расплывались перед глазами. Это было настолько чудовищно, настолько далеко от реальности, что в первую секунду мне захотелось рассмеяться. Как кто-то может верить этой грязной лжи? Ведь любой житель Вэйлора мог приехать к нам в любой день, ворота всегда открыты! Они могли увидеть нашу школу, нашу чистую кухню, наших смеющихся детей. Но смех застрял в горле. Я вспомнила отведенный взгляд мистера Хендрикса и шепотки женщин у витрины. Люди уже поверили.

Вечером того же дня мы собрались в главном зале. Газета переходила из рук в руки. Лица людей выражали недоумение, гнев, растерянность. Доктор Элиас Вэнс, наш педиатр, снял очки и устало потёр переносицу. — Это не просто сплетни, — тихо сказал он. — Это целенаправленная кампания. Посмотрите на терминологию. «Деструктивный культ», «контроль сознания». Это не язык местных фермеров. Кто-то вкладывает эти слова в уста журналистов.

Дэниел сидел на своём обычном месте, внимательно слушая каждого. В его глазах не было страха, скорее глубокая печаль. — Мы знаем, откуда дует этот ветер, — произнёс он. — Марк Броут.

Имя слепого австралийца, покинувшего нас больше года назад, повисло в воздухе тяжёлым камнем. Мы знали, что после отъезда с ранчо Марк не успокоился. Его уязвлённая гордыня требовала выхода. До нас доходили слухи, что, вернувшись в Австралию, он провозгласил себя новым пророком. Он начал собирать вокруг себя других бывших членов общины — тех немногих, кто ушёл от нас с затаёнными обидами или неразрешёнными личными конфликтами.

Но мы не могли даже представить масштабов его ненависти. Марк Броут не просто читал проповеди в своём кругу. Он начал методично, шаг за шагом, выстраивать архитектуру лжи, цель которой была одна — уничтожить «Гору Хорив».

Вскоре мы узнали, как именно работает эта машина. В конце 1991 года до нас дошли новости из Мичигана, которые заставили содрогнуться каждую мать в нашей общине.

Среди нас жила Шерри Джуэлл — тихая, глубоко верующая женщина, которая воспитывала свою маленькую дочь Кирри. Бывший муж Шерри, Дэвид Джуэлл, жил в Мичигане. Он никогда не был членом нашей общины, но они с Шерри поддерживали нормальные отношения ради ребёнка. Так было до 31 октября 1991 года. В тот день, как мы узнали позже из судебных документов, Марк Броут позвонил Дэвиду Джуэллу.

Слепой «пророк» из Австралии нашёл идеальную мишень. Используя набор заготовленных страшилок, Броут начал убеждать Дэвида, что его дочь находится в смертельной опасности. Он описывал Шерри как «загипнотизированного члена секты», лишённого рассудка. Он рисовал картины ужасающего насилия, которое якобы творится за нашими дверями. И Дэвид, испуганный отец, поверил.

В феврале 1992 года начался судебный процесс. Дэвид Джуэлл подал иск о лишении Шерри родительских прав. Марк Броут лично выступал в суде Мичигана в качестве главного свидетеля обвинения. Он обрушил на судью поток антикультовой риторики, требуя немедленно спасти ребёнка из «лап фанатиков».

Мы молились за Шерри каждый день. И правосудие тогда ещё сработало. Судья, выслушав истеричные заявления Броута и спокойные, взвешенные показания Шерри, не нашёл никаких доказательств того, что ребёнку что-то угрожает. Суд вынес решение о совместной опеке, отвергнув попытку Броута использовать закон как дубину против матери.

Мы выдохнули с облегчением. Нам казалось, что правда победила, что система способна отличить факты от фанатичной клеветы. Но мы ошибались. Для Марка Броута и тех, кто стоял за ним, поражение в суде стало лишь поводом сменить тактику. Если не сработал суд, нужно было натравить на нас государственную машину напрямую.

В конце февраля 1992 года на грунтовую дорогу, ведущую к нашему ранчо, свернули несколько незнакомых автомобилей. Это были не почтовые фургоны и не машины соседей. Строгие седаны остановились у главного здания, подняв облако пыли. Из них вышли люди в строгих костюмах с папками в руках.

Это была Служба защиты детей Техаса (CPS).

Я помню, как инстинктивно прижала к себе Сару, когда они подошли к крыльцу. Их лица были непроницаемыми, взгляды — холодными и оценивающими. Они не поздоровались. Старший инспектор, женщина с плотно сжатыми губами, сухо объявила, что в их ведомство поступили официальные заявления о массовых случаях жестокого обращения с детьми на территории «Горы Хорив». Заявления были написаны Марком Броутом и Дэвидом Джуэллом.

— Мы обязаны провести осмотр всех несовершеннолетних и побеседовать с ними наедине, — металлическим голосом произнесла инспектор.

Внутри меня всё сжалось от возмущения. Мой дом, моя семья, мои дети — всё это внезапно оказалось под подозрением из-за писем человека, живущего на другом конце света. Но Дэниел вышел вперёд и спокойно кивнул. — Пожалуйста. Нам нечего скрывать. Проходите.

Следующие несколько часов превратились в унижительную, сюрреалистическую процедуру. Социальные работники заняли несколько комнат в школе и медпункте. Они вызывали детей по одному. Всего они осмотрели двенадцать детей разного возраста.

Когда подошла очередь Сары, я зашла в кабинет вместе с ней. Инспектор попросила меня раздеть дочь. Я дрожащими руками снимала с неё платице, чувствуя, как краска стыда заливает лицо. Чужие, холодные руки осматривали спину, руки и ноги моего ребёнка, выискивая синяки, ссадины, следы побоев. Сара испуганно жалась ко мне, не понимая, почему эти строгие тёти так пристально её разглядывают.

Затем начались вопросы. Инспекторы беседовали со старшими детьми без присутствия родителей. — Вас бьют? — Вас заставляют голодать? — Вас наказывают, запирая в тёмных комнатах?

Дети смотрели на них широко открытыми глазами и отрицательно качали головами. Они рассказывали о том, как играют у ручья, как учат математику с Джулианом, как помогают кормить лошадей. Взрослые также добровольно отвечали на все вопросы, категорически отрицая использование любых жестоких методов воспитания.

Инспекторы уехали, ничего не найдя. Но через неделю они вернулись снова. А потом ещё раз. Трижды Служба защиты детей переворачивала наше ранчо вверх дном. Трижды они искали подтверждения больным фантазиям отступников. И трижды уезжали с пустыми руками. Физические осмотры не выявили ни единой царапины, которая могла бы вызвать подозрения. Дети были здоровы, ухожены и спокойны. В итоге, за полным отсутствием улик, дело было официально закрыто.

Но осадок остался. Я впервые в жизни физически ощутила, что такое презумпция виновности. Нам приходилось доказывать, что мы не монстры. Мы были вынуждены оправдываться за преступления, которых никогда не совершали.

Именно тогда я начала понимать страшную истину: клевета работает не потому, что она правдива, а потому, что она заставляет тебя защищаться. А когда ты защищаешься, в глазах общества ты уже выглядишь виноватым.

Но Броут не собирался останавливаться. Поняв, что обвинения в насилии над детьми рассыпались в прах при столкновении с реальностью, он решил повысить ставки. Если общество не удалось напугать синяками, нужно было напугать его кровью. Большой кровью.

В марте 1992 года в государственные инстанции полетели новые письма. Марк Броут, Дэвид Джуэлл и ещё несколько бывших членов общины начали массово рассылать заявления с чудовищным утверждением: община «Ветвь Давидова» планирует совершить акт массового самоубийства. Они даже назвали точную дату — 18 апреля 1992 года.

Они использовали безотказный ярлык, который действовал на американские власти как красная тряпка на быка: «Новый Джонстаун».

Это было гениально в своей подлости. Как можно доказать, что ты не собираешься убивать себя в будущем? Никак. Письма полетели на стол конгрессмену из Мичигана

Фреду Аптону. Тот, встревоженный страшными формулировками, немедленно связался с конгрессменом из Техаса Четом Эдвардсом. А Эдвардс, в свою очередь, передал материалы прямо в ФБР.

Маховик государственной машины закрутился с новой силой. Мы узнали об этом не сразу, а лишь когда над ранчо начали подозрительно низко кружить лёгкие самолёты, а на холме неподалёку мы стали замечать припаркованные автомобили с тонированными стёклами. За нами наблюдали. Нас изучали в бинокли, ожидая, когда мы начнём рыть братские могилы или закупать яд.

Приближалось 18 апреля. В газете «Вэйлор Трибьюн-Геральд» градус истерии достиг предела. Статьи выходили одна за другой, нагнетая панику. Журналисты, не утруждая себя проверкой фактов, перепечатывали заявления Броута слово в слово. Они рисовали портрет фанатиков, готовых сжечь себя по первому слову своего лидера. Местные жители перестали с нами здороваться окончательно. В школе Вэйлора, куда ходили несколько наших подростков, учителя начали занижать им оценки, а родители других учеников требовали перевести «сектантов» в отдельные классы. Нас изолировали, превращая в прокажённых в нашем собственном округе.

Наступило утро 18 апреля 1992 года. День, когда мы, по версии Броута и ФБР, должны были массово шагнуть в небытие.

Я проснулась рано. Солнце привычно заливало комнату. Томас уже ушёл в коровник. Я одела Сару, спустилась на кухню, где Марта уже замешивала тесто для утренних булочек. Мы позавтракали. Мужчины отправились чинить забор на южном пастбище. Дети пошли на урок истории. Вечером мы собрались в зале, Дэниел читал нам псалмы Давида, мы пели гимны, а потом разошлись по домам и легли спать.

Апокалипсис был отменён за неявкой участников.

ФБР, прождав несколько дней и убедившись, что никто не собирается совершать самоубийство, тихо закрыло дело из-за полного отсутствия доказательств. Отступники, поднявшие эту панику, так и не удосужились объяснить властям, почему их «пророчество» не сбылось. Они просто замолчали на время, готовя новый удар.

Но ущерб уже был нанесён. И он был колоссальным.

Я стояла на крыльце своего дома через несколько дней после того, как миновала роковая дата. Весенний ветер трепал мои волосы. Я смотрела на пустую дорогу, ведущую к шоссе. Государственные машины уехали. Самолёты перестали кружить над нашими головами. Формально мы были чисты перед законом. Мы доказали, что не бьём детей и не собираемся убивать себя.

Но почему-то мне было страшно. Страшнее, чем когда-либо.

Я поняла, что факты больше не имеют значения. Истина перестала быть защитой. Газета «Вэйлор Трибьюн-Геральд» не опубликовала опровержения. Они не написали: «Извините, мы ошиблись, эти люди просто живут своей жизнью». Наоборот, отсутствие массового суицида они преподнесли как «временную отсрочку», как затишье перед бурей.

Я смотрела на Томаса, который нёс на плечах смеющуюся Сару, и чувствовала, как внутри меня разрастается ледяной ком тревоги. Мы были обычными людьми, которые просто хотели верить в Бога так, как подсказывало нам сердце. Но где-то там, за пределами нашего ранчо, невидимые режиссёры уже написали для нас другой сценарий. Они надели на нас маски монстров, и публика в зрительном зале уже поверила в эту постановку.

Тень, упавшая на «Гору Хорив», больше не исчезала. Она становилась гуще, плотнее, приобретая очертания надвигающейся катастрофы. И я знала, с пугающей материнской интуицией, что те, кто начал эту игру, не остановятся, пока не уничтожат нас полностью. Вопрос был лишь в том, какой предлог они придумают в следующий раз. И кто придёт за нами, когда слова в газетах превратятся в приказы.

Глава 4. Газета на столе Эбигейл

27 февраля 1993 года. Утро в Чикаго выдалось по-зимнему суровым. Ветер с озера Мичиган швырял мелкую, колючую ледяную крошку в стёкла окон, заставляя старые

рамы в квартире Эбигейл тихо дребезжать. В такие дни город казался монохромным, выкрашенным в оттенки серого и бледно-синего.

Эбигейл стояла на кухне, кутаясь в плотный шерстяной кардиган поверх пижамы. Ритуал субботнего утра был неизменен на протяжении многих лет: её муж Артур ещё спал, а она заваривала крепкий кофе в стеклянном френч-прессе, доставала из почтового ящика свежий выпуск «Чикаго Трибьюн» и садилась за кухонный стол. Для школьной учительницы, привыкшей к строгому расписанию и постоянному шуму детских голосов в будние дни, эти утренние часы тишины были священными. Она любила запах типографской краски, любила шелест широких газетных листов, любила ощущение того, что огромный, хаотичный мир аккуратно спрессован в колонки текста, с которыми можно ознакомиться за чашкой кофе.

Она пролистала первую полосу — политические новости, экономика, локальные городские происшествия. Перевернула страницу. Затем ещё одну.

На пятой полосе, в разделе национальных новостей, её взгляд внезапно споткнулся. Рука, державшая чашку с горячим кофе, замерла в воздухе.

В центре страницы располагался крупный блок текста, перепечатанный по синдикации из техасского издания. Заголовок, набранный жирным, кричащим шрифтом, гласил: «ГРЕШНЫЙ МЕССИЯ». Чуть ниже, более мелким шрифтом, шло пояснение: «*Специальное расследование. Часть первая*». А под ним располагалась чёрно-белая фотография. Снимок был сделан издалека, через телеобъектив, из-за чего перспектива казалась искажённой. На фото виднелись деревянные постройки, водонапорная башня и бескрайняя равнина.

Это было ранчо «Гора Хорив». Дом её сестры.

Эбигейл медленно опустила чашку на блюдце. Фарфор звякнул в утренней тишине слишком громко. Она придвинула газету ближе, чувствуя, как внутри начинает разворачиваться тугая, холодная спираль тревоги.

Она начала читать. С первых же строк текст обрушился на неё не как журналистский репортаж, а как обвинительный акт, написанный языком бульварного триллера. Автор статьи не использовал нейтральных формулировок. Каждое предложение было заряжено эмоциональной взрывчаткой. Община, которую Эбигейл

знала как группу странноватых, но мирных фермеров и исследователей Библии, на страницах газеты превратилась в «военизированный апокалиптический культ».

Абзац за абзацем статья рисовала картину, от которой стыла кровь. Дэниел Кордеш — молодой человек в джинсах, которого Эбигейл видела играющим на гитаре на крыльце, — описывался как «сексуальный маньяк» и «манипулятор с манией величия». Текст утверждал, что он обладает абсолютным, гипнотическим контролем над умами своих последователей, что женщины общины являются его безвольными наложницами, а дети растут в атмосфере постоянного страха и физического насилия.

Эбигейл читала, и её дыхание становилось всё более поверхностным. Журналисты не приводили конкретных доказательств, не цитировали официальные полицейские отчёты. Весь материал строился на показаниях неких «бывших участников», чьи имена либо скрывались, либо подавались как голоса чудом спасшихся жертв.

Но самое страшное ждало её в середине статьи. Журналисты намеренно били по самым болезненным точкам американской коллективной памяти, выстраивая ассоциативный ряд, который должен был вызвать у читателя мгновенный, рефлекторный ужас. В тексте проводилась прямая, недвусмысленная параллель с одной из самых мрачных страниц недавней истории. Автор статьи напоминал читателям о событиях 18 ноября 1978 года, когда в джунглях Гайаны, в изолированном поселении Джонстаун, более девятисот членов организации «Народный храм» расстались с жизнью по приказу своего лидера.

Статья в «Трибьюн» не просто вспоминала этот исторический факт — она использовала его как неизбежное пророчество для общины её сестры. Журналисты прямо заявляли: то, что происходит сейчас на техасском ранчо — это подготовка к «новому Джонстауну». Они писали о том, что община якобы накапливает огромные арсеналы нелегального оружия, готовясь к финальной, кровопролитной битве с внешним миром, и что в случае любого вмешательства властей лидер отдаст приказ о массовом самоубийстве.

«Они превратили ферму в вооружённую крепость, — гласил текст. — И за этими стенами десятки невинных детей находятся в заложниках у безумца, готового в любой момент нажать на курок».

Эбигейл отодвинула газету. Её руки дрожали. Она закрыла глаза, пытаясь выровнять дыхание. Перед её внутренним взором возникли воспоминания о её собственном визите на ранчо. Она вспомнила залитую солнцем кухню, запах печёного хлеба, чистые тетради старших учеников с аккуратно выведенными математическими формулами. Она вспомнила маленькую Сару, смеющуюся на руках у отца. Она вспомнила открытые настежь ворота, через которые любой мог войти и выйти.

Как это соотносилось с тем, что было напечатано чёрным по белому на страницах одной из крупнейших газет страны? Никак. Это были две абсолютно разные реальности.

Но Эбигейл была умной женщиной. Она понимала, как работают средства массовой информации. Она знала, что для миллионов людей, которые сегодня утром пьют кофе в Чикаго, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Далласе, реальностью станет именно то, что написано в газете. Никто из них не поедет в Техас проверять, открыты ли ворота на ранчо. Они прочитают слова «сексуальный маньяк», «оружие» и «новый Джонстаун», и в их сознании образ общины навсегда превратится в образ абсолютного зла, которое необходимо уничтожить.

Она резко встала из-за стола, едва не опрокинув стул. Подошла к настенному телефону, висевшему у холодильника, сняла тяжёлую пластиковую трубку и начала быстро набирать номер. Пальцы соскальзывали с кнопок.

Гудки шли долго. Один, второй, третий. На фоне слышалось характерное потрескивание междугородней линии.

— Алло? — наконец раздался в трубке голос. Тёплый, немного запыхавшийся голос её младшей сестры. На заднем фоне Эбигейл отчётливо услышала звон посуды и детский смех.

— Рэйчел! Слава Богу. Это Эбигейл.

— Эби! Доброе утро! — голос Рэйчел зазвучал радостно. — Как здорово, что ты позвонила. У нас тут такое чудесное утро. Томас только что принёс свежие яйца с птичника, мы собираемся делать омлет. Как там ваш чикагский мороз?

Контраст между паникой Эбигейл и безмятежностью сестры был настолько разительным, что Эбигейл на секунду потеряла дар речи. Она стояла на холодной кухне, сжимая трубку так, что побелели костяшки пальцев.

— Рэйчел, послушай меня внимательно, — произнесла она, стараясь, чтобы её голос звучал твёрдо и по-учительски строго. — Ты читала сегодняшние утренние газеты?

В трубке повисла короткая пауза. Затем Рэйчел тихо рассмеялась. — Ох, Эби. Ты из-за этого звонишь? Из-за статьи?

— Ты знаешь о ней? — Эбигейл была ошарашена.

— Конечно, знаю. Кто-то из наших парней ездил вчера вечером в Вэйлор за запчастями для трактора. Местная газета выпустила этот номер ещё вчера днём, а сегодня утром они раскидали его по всем почтовым ящикам в округе. Мы читали её за завтраком.

— И вы смеётесь?! — Эбигейл повысила голос, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Рэйчел, это перепечатала «Чикаго Трибьюн»! Понимаешь? Это вышло на национальный уровень! Это читает вся страна!

— Эби, успокойся, — голос Рэйчел оставался пугающе ровным, в нём слышалась лишь лёгкая усталость, словно она объясняла очевидные вещи неразумному ребёнку. — Это просто местная газета пытается поднять тиражи. Они собрали все грязные сплетни, которые только смогли найти. Это абсурд. Половина общины смеялась над этими выдумками, половина просто пожала плечами и пошла работать в поле. Нам нужно готовиться к весенним посадкам, у нас нет времени переживать из-за бульварного чтива.

Эбигейл вытянула шнур телефона на всю длину, подошла к столу и свободной рукой схватила газету.

— Бульварного чтива? Рэйчел, они называют вас культом самоубийц! — Эбигейл начала зачитывать куски текста прямо в трубку, её голос дрожал от напряжения. — «Грешный Мессия». Они пишут, что Дэниел — сексуальный хищник. Они пишут, что вы накапливаете арсенал для священной войны. Они сравнивают вас с Джонстауном! Ты

понимаешь, что это значит? Они готовят общественное мнение к тому, что вы — опасные фанатики!

— Эби, — мягко перебила её сестра. На заднем фоне послышался голос маленького Михея, просящего сок, и Рэйчел на секунду отвлеклась, чтобы ответить сыну.
— Эби, послушай меня. Ты была здесь. Ты жила в моём доме. Ты видела Дэниела. Ты видела наших детей. Скажи мне честно: ты видела здесь тюрьму? Ты видела здесь маньяка?

— Нет, — выдохнула Эбигейл. — Я видела нормальных людей. Станных, но нормальных.

— Вот именно. И любой, кто приедет сюда, увидит то же самое. Мы просто изучаем Библию. Мы ни от кого не прячемся. Если у полиции или властей есть к нам вопросы — пусть приезжают, наши двери всегда открыты. Мы платим налоги, мы не нарушаем законов. То, что они пишут про оружие... Эби, мы в Техасе. У каждого фермера в округе есть винтовки. Мы покупаем и продаём их на легальных оружейных ярмарках, это часть нашего дохода. У нас есть все лицензии. В этом нет никакой тайны.

Эбигейл закрыла глаза ладонью. Её сестра была невероятно наивна. Рэйчел рассуждала категориями здравого смысла и честности, не понимая, что в мире больших медиа эти категории не имеют никакого веса.

— Рэйчел, милая моя девочка, — голос Эбигейл смягчился, наполнившись горечью.
— Не имеет значения, что видела я. Не имеет значения, что ваши двери открыты. Имеет значение только то, что напечатано чёрным по белому. Люди верят тексту. Когда газета пишет «оружие» и «культ» в одном предложении, никто не будет разбираться в ваших лицензиях. Они создают образ врага. И они делают это прямо сейчас.

— Ты слишком много смотришь телевизор, Эби, — со вздохом ответила Рэйчел. — Никто не будет нападать на мирных людей из-за газетной статьи. Мы живём в Америке, а не в тоталитарном государстве. Здесь есть закон.

Эбигейл посмотрела на дату в верхнем колонтитуле газеты. 27 февраля 1993 года. Суббота.

Её аналитический ум, привыкший разбирать литературные тексты на уроках, внезапно уловил странную деталь. Статья была заявлена как первая часть большого расследования. Почему местная газета решила выпустить такой взрывоопасный, провокационный материал именно в субботу утром? Субботние выпуски имеют самую большую читательскую аудиторию за неделю. Люди сидят дома, читают прессу, обсуждают новости с соседями. Это идеальное время для того, чтобы вбросить в общество максимальную дозу информации и позволить ей настояться за выходные.

Это не было похоже на обычную журналистскую работу. Это было похоже на артиллерийскую подготовку перед наступлением. На информационную зачистку территории.

— Рэйчел, мне страшно за вас, — тихо сказала Эбигейл. — Я чувствую, что это не просто сплетни. Это кампания. Кто-то очень хочет, чтобы вас ненавидели.

В трубке повисла долгая тишина. Было слышно только, как на тexasском ранчо поёт какая-то утренняя птица.

— Приезжай, — наконец сказала Рэйчел. Её голос звучал тепло и примирительно. — Просто приезжай к нам, Эби. Поживи у нас пару дней. Посмотри сама, что у нас всё тихо и спокойно. Мы будем рады тебя видеть. Томас как раз закончил делать новую деревянную лошадку для Сары, она будет счастлива показать её тёте.

Эбигейл перевела взгляд на настенный календарь, висевший рядом с холодильником.

— У меня скоро начинаются весенние каникулы в школе, — сказала она, быстро просчитывая в уме расписание. — Я смогу взять несколько отгулов. Я прилечу на следующей неделе. В пятницу. Обещаю.

— Будем ждать, — улыбнулась в трубку Рэйчел. — Не переживай из-за газет, Эби. Бумага всё стерпит. А мы под защитой Господа. Передавай привет Артуру. Я люблю тебя.

— И я тебя люблю, сестрёнка. Береги детей.

Раздался щелчок, и линия отключилась. Эбигейл медленно опустила трубку на рычаг.

Она осталась одна в тишине своей чикагской кухни. Кофе в чашке окончательно остыл, покрывшись тонкой, маслянистой плёнкой. За окном продолжал завывать ледяной ветер, бросая снежную крупу в стекло.

Эбигейл снова села за стол. Она не стала допивать кофе. Она просто сидела и смотрела на развёрнутую газету.

Её сестра была права в одном: бумага действительно терпела всё. Но Эбигейл знала историю лучше, чем Рэйчел. Она знала, что слова, напечатанные огромными тиражами, имеют свойство материализоваться. Сначала общество убеждают в том, что где-то живёт монстр. Затем общество начинает требовать, чтобы этого монстра уничтожили. А потом появляются те, кто готов выполнить этот запрос, прикрываясь заботой о безопасности.

Она смотрела на заголовок «Грешный Мессия». Чёрная типографская краска казалась ей сейчас не просто текстом, а сажей, предвестником пожара, который кто-то старательно разжигал за тысячи миль от её дома.

«Часть первая», — гласила подпись.

Эбигейл провела пальцем по шершавой газетной бумаге. Если сегодня вышла первая часть, значит, завтра выйдет вторая. Маховик был запущен. И почему-то, глядя на размытую фотографию деревянных построек «Горы Хорив», Эбигейл не могла отделаться от леденящего душу предчувствия, что до следующей пятницы, когда она обещала приехать, может произойти нечто непоправимое.

Она сидела в пустой кухне, слушая гул холодильника, и смотрела на газетный лист, который лежал перед ней как подписанный, но ещё не приведённый в исполнение смертный приговор.

Глава 5. Утро 28 февраля

Воскресное утро 28 февраля 1993 года началось так же, как и сотни других воскресных утр на «Горе Хорив». Техасская зима неохотно сдавала свои позиции, и воздух за окном был по-утреннему свежим, с лёгким привкусом влажной земли и пожухлой травы. Небо затянуло плотной серой пеленой облаков, сквозь которую тщетно пыталось пробиться бледное солнце.

Я стояла на кухне нашего дома, нарезаю яблоки для утренней овсянки. Маленькая Сара сидела за деревянным столом, болтая ногами и старательно раскрашивая картинку в книжке, которую Томас привёз ей из города на прошлой неделе. Двухлетний Михей ещё спал в своей кроватке на втором этаже. Томас сидел в кресле у окна, попивая горячий кофе и просматривая свои записи по плотницким работам — мы планировали расширить восточное крыло школы, и он делал расчёты необходимых материалов.

Вчерашняя статья в газете, этот мерзкий пасквиль под названием «Грешный Мессия», всё ещё оставляла горький осадок на душе. Вечером мы долго обсуждали её с соседями. Люди были возмущены, кто-то предлагал написать коллективное опровержение в редакцию, кто-то просто отмахивался, считая это очередной попыткой журналистов заработать на дешёвой сенсации. Дэниел на вечернем собрании призвал нас к спокойствию. «Слово Божье всегда встречало сопротивление мира, — сказал он тогда, глядя на нас своими спокойными, умными глазами. — Наша задача — не вступать в перебранку с клеветниками, а продолжать жить по совести. Истина защитит сама себя».

Мы поверили ему. Мы всегда верили в то, что здравый смысл и закон в этой стране имеют вес. Мы были наивны.

Первым признаком того, что наш мир рушится, стал звук.

Сначала это была просто едва уловимая вибрация. Вода в стакане Томаса покрылась мелкой рябью. Затем задребезжали стёкла в оконных рамах. Звук нарастал с пугающей скоростью, превращаясь в тяжёлый, ритмичный рокот, от которого закладывало уши.

— Что это? — Томас нахмурился, отставляя чашку и подходя к окну. — Сельскохозяйственные самолёты? В воскресенье?

Я вытерла руки о полотенце и подошла к нему. Звук был слишком мощным для лёгких «кукурузников», которые иногда распыляли удобрения над соседними фермами. Это был густой, агрессивный рёв военных двигателей.

Внезапно над линией деревьев, едва не задевая верхушки мескитовых кустов, вынырнули три огромных тёмных вертолётa. Они шли боевым порядком, хищно накренив носы, их лопасти рубили холодный утренний воздух с оглушительным треском. Лошади в загоне неподалёку в панике заметались, вставая на дыбы и с силой ударяя копытами в деревянные ограждения.

— Национальная гвардия? — голос Томаса дрогнул от непонимания. — Что они здесь забыли?

Но вертолётa были лишь отвлекающим манёвром. Пока мы, затаив дыхание, смотрели в небо, на грунтовую дорогу, ведущую к главным воротам ранчо, на огромной скорости вылетел конвой. Впереди неслись несколько неприметных седанов, а за ними — два длинных, крытых брезентом фургона для перевозки скота. Они не сбавили скорость у ворот. Они влетели на территорию общины, поднимая тучи серой пыли, и с визгом тормозов остановились прямо перед главным зданием.

То, что произошло дальше, заняло считанные секунды, но в моей памяти этот момент растянулся в бесконечную, сюрреалистическую замедленную съёмку.

Брезент на фургонах откинулся. Из них, словно потревоженные осы, начали выпрыгивать люди. Десятки людей. Они были одеты в тёмно-синюю и чёрную тактическую форму, на головах — кевларовые шлемы, лица скрыты масками или защитными очками. На их спинах и груди ярко выделялись крупные жёлтые буквы: ATF. Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием.

В руках у каждого было автоматическое оружие. Штурмовые винтовки, дробовики, пистолеты-пулемёты. Они двигались слаженно, по-военному, мгновенно рассредотачиваясь по периметру двора и беря наше деревянное здание на прицел.

— Господи Иисусе, — прошептал Томас, инстинктивно делая шаг назад от окна. — Рэйчел, хватай Сару. На пол! Быстро!

Я бросилась к столу, схватила замершую от ужаса дочь и повалила её на деревянный пол кухни, прикрывая своим телом. Сердце колотилось в горле так сильно, что я почти не могла дышать.

Снаружи раздались крики. Грубые, усиленные адреналином мужские голоса перекрывали шум вертолётных винтов. — Полиция! Всем лежать! Оружие на землю!

Я знала, что Дэниел в это время находился в главном холле, прямо за двойными входными дверями. Позже те, кто был рядом с ним, рассказывали, как всё произошло. Услышав шум, Дэниел не стал прятаться. Он был уверен, что произошла какая-то чудовищная ошибка. Он подошёл к дверям, безоружный, в своей обычной футболке и джинсах, и распахнул их настежь.

— Эй! — крикнул он, поднимая пустые руки вверх, чтобы агенты могли их видеть. — Что происходит? Не стреляйте! Здесь женщины и дети!

Ответом ему стал выстрел.

Никто до сих пор не знает, кто именно нажал на курок первым. Агенты ATF позже будут утверждать, что огонь открыли изнутри. Наши люди клялись, что первый выстрел прозвучал со двора, от одного из нервных спецназовцев, чьё оружие было направлено на безоружного Дэниела. Но в тот момент, когда прозвучал этот первый, сухой хлопок, истина перестала иметь значение. Этот выстрел стал искрой, брошенной в пороховой погреб.

Мир взорвался.

Оглушительный, непрерывный грохот автоматической стрельбы обрушился на «Гору Хорив». Это не было похоже на перестрелку из полицейских фильмов. Это была стена свинца, обрушившаяся на хрупкие деревянные постройки. Наше ранчо строилось для жизни, а не для войны. Стены из фанеры, гипсокартона и тонких досок не представляли абсолютно никакой преграды для армейских пуль калибра 5.56.

Пули прошивали внешние стены насквозь, пробивали внутренние перегородки, разрывали в щепки мебель, разбивали посуду. Воздух мгновенно наполнился едким запахом пороховой гари, древесной пылью и белой взвесью от разрушенного гипсокартона.

Над моей головой с оглушительным звоном разлетелось кухонное окно. Осколки стекла дождём осыпались на мою спину. Сара закричала — пронзительно, на одной ноте, зажимая уши маленькими ручками.

— Михей! — в ужасе вспомнила я. Мой сын был на втором этаже. Прямо под крышей, которую сейчас поливали свинцом с вертолётот.

Я попыталась подняться, но Томас грубо дёрнул меня обратно на пол. — Лежи! — крикнул он, перекрывая грохот стрельбы. — Я пойду за ним!

Томас вскочил на ноги, пригнувшись, и бросился к лестнице. Он успел сделать лишь три шага.

Очередная очередь прошила стену коридора. Я увидела, как тело моего мужа внезапно дёрнулось, словно натолкнувшись на невидимую преграду. Раздался звук удара пули о плоть. Томаса развернуло вокруг своей оси, и он рухнул на пол, тяжело ударившись плечом о деревянные половицы.

— Томас! — мой крик потонул в грохоте новой автоматной очереди.

Я поползла к нему по-пластунски, не обращая внимания на осколки стекла, впивающиеся в колени. Сара ползла за мной, цепляясь за подол моего платья.

Томас лежал на боку, тяжело и хрипло дыша. Его правое плечо представляло собой кровавое месиво. Пуля вошла чуть ниже ключицы, разорвав мышцы и раздробив кость. Тёмно-красная кровь толчками выплёскивалась из раны, мгновенно пропитывая его светлую рубашку и растекаясь липкой лужей по полу. Его лицо побледнело, губы плотно сжались от болевого шока.

— Я в порядке... — прохрипел он, пытаясь зажать рану здоровой рукой. Кровь сочилась сквозь его пальцы. — Рэйчел... телефон. Звони в полицию. Звони кому-нибудь!

Это звучало как безумие. Звонить в полицию, когда полиция прямо сейчас расстреливает твой дом? Но в состоянии абсолютного ужаса мозг цепляется за привычные паттерны спасения. Если тебя убивают — звони 911.

Телефонный аппарат висел на стене в коридоре, в нескольких метрах от нас. Я прижала Сару к полу рядом с отцом. — Держи её, — приказала я Томасу, хотя видела, что он едва находится в сознании.

Я поползла к стене. Пули продолжали с визгом прошивать пространство над моей головой. Одна из них ударила в дверной косяк в дюйме от моего лица, осыпав меня горячими щепками. Я дотянулась до витого шнура, потянула его на себя, срывая трубку с рычага, и, лёжа на спине в луже крови собственного мужа, дрожащими, скользкими пальцами набрала три цифры.

Гудки. Один. Второй. Каждый из них казался вечностью.

— Служба спасения 911, округ Макленнан. Что у вас случилось? — раздался в трубке спокойный, профессиональный женский голос. Контраст между её тоном и адом, творящимся вокруг меня, был настолько нереальным, что я на секунду потеряла дар речи.

— Помогите! — закричала я в трубку, срывая голос. — Гора Хорив! Ранчо Ветви Давидовой! Нас убивают!

— Мэм, успокойтесь. Кто вас убивает? — голос диспетчера дрогнул, в нём появились нотки тревоги. На заднем фоне она, несомненно, слышала непрерывный грохот автоматического огня.

— Я не знаю! Люди в чёрном! Вертолёты! Они приехали на фургонах и просто начали стрелять по дому! Мой муж ранен! Здесь женщины, здесь маленькие дети! Скажите им, чтобы они прекратили! Умоляю вас, скажите им остановиться!

— Мэм, вы говорите о федеральных агентах? — диспетчер явно была в замешательстве. Местная полиция не имела юрисдикции над операциями ATF, и, судя по всему, шериф округа даже не был предупреждён о масштабах готовящейся бойни. — Я... я свяжусь с департаментом шерифа. Оставайтесь на линии. Не кладите трубку!

— Они стреляют сквозь стены! — рыдала я, прижимая трубку к уху. — Мы не стреляем в них, мы просто прячемся! Пожалуйста, остановите их!

В этот момент из главного холла донёсся истошный женский крик. — Дэниел! Дэниел ранен! Врача!

Я вытянула шею, пытаюсь заглянуть в коридор. Сквозь клубы белой пыли я увидела, как двое наших мужчин волокут по полу Дэниела. Он держался обеими руками за живот. Между его пальцами пузырилась кровь. Пуля попала ему прямо в брюшную полость,

когда он стоял у открытых дверей, пытаясь остановить атаку. Его лицо было серым, как пепел, очки слетели, кудрявые волосы слиплись от пота.

Доктор Элиас Вэнс, наш педиатр, полз к нему на четвереньках, волоча за собой свою медицинскую сумку. Вэнс был в одной пижаме, его руки тряслись, но глаза оставались сфокусированными. Он мгновенно оценил ситуацию, разорвал футболку на животе Дэниела и начал накладывать тугую повязку, пытаясь остановить кровотечение.

— Рэйчел! — крикнул Вэнс, заметив меня с телефоном. — Скажи им, что нам нужны скорые! У нас тяжёлые ранения!

Я снова закричала в трубку: — Нам нужны машины скорой помощи! У нас раненые в живот, раненые в грудь! Вы слышите меня?!

— Мэм, я передала информацию, — голос диспетчера звучал беспомощно. — Но они не могут отправить скорые в зону активной перестрелки. Федеральные агенты не дают разрешения на въезд медицинских бригад.

Они не дают разрешения. Они приехали убивать, и они не собирались позволять кому-либо спасать нас.

Я бросила трубку на пол, не прерывая связь, и подползла обратно к Томасу. Он был бледен, его дыхание стало прерывистым. Я сняла с себя передник и изо всех сил прижала его к ране на плече мужа. Томас глухо застонал, но не открыл глаз. Сара зарылась лицом в мою подмышку, её маленькое тело была крупная дрожь.

Стрельба не утихала. Наоборот, она становилась всё более интенсивной. Агенты ATF перезаряжали магазины и продолжали поливать здание свинцом. И тогда произошло то, что было неизбежно.

Наши мужчины, поняв, что это не арест, а казнь, поняв, что их жён и детей прямо сейчас расстреливают сквозь тонкие стены, открыли ответный огонь.

У нас было оружие. Мы жили в Техасе, мы легально торговали винтовками на оружейных ярмарках, это был один из источников дохода общины. И сейчас те, кто мог держать оружие, бросились к сейфам. Они занимали позиции у разбитых окон и стреляли в ответ, пытаясь подавить огневые точки агентов и дать возможность женщинам увести детей в более безопасные внутренние помещения без окон.

Здание превратилось в адскую какофонию звуков. Треск рвущегося дерева, звон гильз, падающих на пол, крики раненых, плач детей и непрерывный, сводящий с ума грохот выстрелов.

Я сидела на полу, зажимая рану мужа, и в моей голове билась только одна мысль: почему?

Почему они не постучали в дверь? Почему они не предъявили ордер? Дэниел каждый день выходил за пределы ранчо. Он бегал трусцой по утрам вдоль шоссе. Он ездил в Вэйлор за покупками. Его можно было арестовать в любой момент, тихо и без единого выстрела, если к нему были вопросы у закона.

Более того, я знала — мы все знали, — что Дэниел сам приглашал их.

Из материалов Конгрессионального расследования 1996 года и отчёта Министерства финансов США: «В июле 1992 года агент ATF Дэйви Агилера провёл инспекцию у лицензированного продавца оружия Генри Макмахона, с которым сотрудничала община. Узнав об этом, Дэвид Кореш лично предложил агентам ATF приехать в “Маунт-Кармел” и проверить находившееся там оружие и любые возможные нарушения. Неясно, почему ATF не приняло предложение провести инспекцию огнестрельного оружия у Кореша на соответствие требованиям... Отказ агентов от предложения Кореша был серьёзной ошибкой. Вместо этого ATF сознательно отказались арестовать Кореша за пределами резиденции и выбрали метод “динамичного вторжения”. Высшие командиры рейда ATF, Филип Чойнакки и Чак Сарабин, знали или должны были знать, что давидианцам было известно о предстоящем рейде. Тем не менее, они безрассудно продолжили операцию, подвергнув смертельной опасности как агентов ATF, так и жителей комплекса».

Они хотели шоу. Они хотели продемонстрировать силу. Накачанные ложью антикультистов о том, что мы — фанатики-самоубийцы, они решили разыграть военную операцию, превратив наш дом в полигон. И теперь за их амбиции и чужую клевету мы расплачивались своей кровью.

Перестрелка длилась почти сорок пять минут. Сорок пять минут непрерывного, животного ужаса, когда каждая секунда могла стать последней.

Наконец, интенсивность огня начала спадать. Сначала замолчали вертолёты, сделав крутой вираж и уходя в сторону города. Затем автоматные очереди сменились одиночными, редкими выстрелами, а потом наступила тишина.

Но это не была тишина мира. Это была тишина склепа.

Воздух в здании был настолько густым от порохового дыма и пыли, что дышать приходилось через раз. Я осторожно приподняла голову. Коридор выглядел так, словно по нему прошёлся ураган. Стены напоминали решето, сквозь пулевые отверстия пробивались тусклые лучи утреннего света. Повсюду валялись гильзы, куски дерева, разбитое стекло.

И тела.

Я увидела Уинстона. Этот мягкий, улыбчивый мужчина с Ямайки, который пёк для нас самый вкусный хлеб, лежал у входа в столовую. Половина его лица была снесена пулей. Он был мёртв.

Чуть дальше, у лестницы, лежал Джей — наш механик. Он пытался прикрыть собой беременную жену и получил несколько пуль в грудь. Его глаза были открыты и смотрели в пробитый потолок.

Всего в то утро погибло шестеро наших братьев и сестёр. Шесть человек, которые ещё час назад пили кофе, читали Библию и строили планы на день. Их кровь впитывалась в деревянные доски «Горы Хорив», навсегда меняя историю этого места.

Доктор Вэнс, закончив с Дэниелом, подполз к нам. Его руки были по локоть в крови лидера общины. Он быстро осмотрел Томаса, проверил пульс. — Жить будет, — хрипло сказал он, доставая из сумки стерильные бинты. — Кость раздроблена, но артерия не задета. Ему нужны антибиотики и нормальная хирургия, иначе начнётся сепсис.

— Я принесу Михея, — прошептала я, чувствуя, как адреналин начинает отступать, уступая место ледяной, парализующей слабости.

Я оставила Сару с Томасом и на ватных ногах поднялась на второй этаж. Комната детей была изрешечена пулями. Окно выбито полностью. Но кровать Михея стояла в слепой зоне, за массивным дубовым шкафом. Мой сын сидел в кровати, сжимая в руках

плюшевого медведя, и беззвучно плакал, размазывая слёзы по грязным щекам. Я схватила его, прижала к груди так крепко, что он пискнул, и бегом спустилась вниз.

В холле кто-то включил портативный радиоприёмник. Сквозь треск помех пробивался взволнованный голос местного диктора новостей. «...экстренное сообщение. Масштабная перестрелка на ранчо Ветви Давидовой близ Вэйлора. По предварительным данным, в ходе рейда убиты четверо специальных агентов ATF, ещё шестнадцать получили ранения. Агенты отступили и заняли периметр вокруг комплекса...»

Четверо агентов мертвы.

Я закрыла глаза, чувствуя, как по щекам текут горячие слёзы. Четыре человека снаружи. Шесть человек внутри. Десять жизней оборвались в это воскресное утро из-за чьей-то гордыни, из-за чьей-то лжи, из-за приказа начать штурм там, где достаточно было просто позвонить в дверь.

Я вспомнила про телефон. Трубка всё ещё лежала на полу, из неё доносились какие-то невнятные голоса диспетчерской службы. Я подняла её. Мне нужно было позвонить Эбигейл. Мне нужно было сказать сестре, что мы живы, что нас атакуют, что всё, что писали в газетах — это подготовка к этому убийству. Она должна была поднять шум в Чикаго, связаться с конгрессменами, с прессой. Она должна была рассказать миру правду.

Я нажала на рычаг, сбрасывая вызов 911, и начала набирать код Чикаго.

Но на третьей цифре в трубке раздался резкий, сухой щелчок.

Звук был физическим, он донёсся не из динамика, а откуда-то снаружи, со стороны распределительного щитка на столбе у дороги.

Гудок исчез.

Я несколько раз судорожно нажала на рычаг. Ничего. Абсолютная, мёртвая тишина.

Я подошла к разбитому окну и осторожно выглянула наружу. На безопасном расстоянии от ранчо, за линией деревьев, агенты ATF разворачивали командный пункт. Я видела, как один из людей в чёрной форме спускается с деревянного столба, на котором крепились наши телефонные провода. В его руках были массивные кусачки.

Они перерезали линию.

Они не просто отступили. Они отрезали нас от внешнего мира. Они заперли нас в этой простреленной деревянной коробке вместе с нашими мёртвыми, нашими ранеными и нашими детьми.

Я стояла у окна, прижимая к груди телефонную трубку, из которой больше не доносилось ни звука, и смотрела на вооружённых людей, сжимающих кольцо вокруг моего дома. Утро 28 февраля закончилось. Началась осада. И в этой глухой, искусственно созданной тишине я поняла самое страшное: теперь они могли рассказать миру любую историю о том, что здесь произошло. А мы больше не могли им ответить.

Глава 6. Эбигейл перед экраном

Свет от экрана телевизора отбрасывал холодные, пульсирующие блики на стены чикагской квартиры. За окном завывал ледяной февральский ветер, швыряя снежную крупу в стёкла, но Эбигейл не слышала его. Она стояла посреди гостиной, выронив из рук стопку школьных тетрадей, которые собиралась проверить. Тетради веером разлетелись по ковру, обнажив красные пометки на полях, но её взгляд был намертво прикован к экрану.

Шёл экстренный выпуск новостей CNN. Прямое включение.

На экране, снятом с дрожащей камеры вертолёта, разворачивалась картина абсолютного хаоса. Бескрайняя техасская равнина, которую Эбигейл так хорошо помнила по своему визиту, теперь была изуродована гусеницами тяжёлой техники. Вокруг знакомых деревянных построек «Горы Хорив» клубился густой, едкий дым. Вспышки выстрелов мерцали в окнах второго этажа — того самого этажа, где находилась детская комната маленького Михея. По периметру двора, прячась за бронированными машинами и конскими фургонами, суетились десятки людей в тёмно-синей тактической форме с жёлтыми буквами ATF на спинах.

— Артур... — голос Эбигейл сорвался на хриплый шёпот. — Артур, иди сюда. Быстрее.

Её муж выбежал из кухни, на ходу вытирая руки полотенцем. Он замер у дверного косяка, глядя на экран. Диктор в студии, мужчина с идеально уложенными седыми волосами и тревожно сдвинутыми бровями, чеканил слова с профессионально поставленной драматической интонацией:

«...масштабная перестрелка продолжается уже несколько часов. По предварительным данным, федеральные агенты, прибывшие для исполнения ордера на обыск в резиденции военизированного культа, попали под шквальный огонь. Сообщается о многочисленных потерях среди сотрудников правоохранительных органов. Комплекс, который местные жители называют вооружённой крепостью, полностью оцеплен...»

Эбигейл бросилась к телевизору и упала на колени, вглядываясь в зернистое изображение. Камера взяла крупный план. Она увидела разбитое окно кухни. Того самого окна, у которого они с Рэйчел чистили морковь и пили домашний лимонад. Теперь из этой зияющей дыры валил серый дым.

— Это дом моей сестры, — произнесла она, и её пальцы впились в ворс ковра. — Они стреляют по дому моей сестры. Там Сара. Там Михей. Господи, Артур, они же стреляют прямо по детским спальням!

Она вскочила на ноги и бросилась к настенному телефону. Пальцы дрожали так сильно, что она дважды ошиблась, набирая знакомый техасский номер. Наконец, длинный гудок сменился серией коротких, резких щелчков. Линия была мертва. Связь оборвали. Эбигейл набрала номер оператора междугородней связи, требуя соединить её с округом Макленнан, но услышала лишь механический голос, сообщающий, что все линии в данном квадрате временно заблокированы по требованию федеральных властей.

Она вернулась в гостиную. Артур молча обнял её за плечи, прижав к себе. Они стояли и смотрели, как их семья, их кровь, превращается в телевизионное шоу, транслируемое на всю страну.

Но настоящий ужас начался не в момент перестрелки. Настоящий ужас начал разворачиваться в последующие часы, когда активная фаза штурма сменилась осадой, и в дело вступила тяжелая артиллерия средств массовой информации.

Эбигейл, как школьный учитель литературы и истории, привыкла анализировать тексты. Она умела читать между строк, умела видеть, как выстраивается нарратив. И то, что она наблюдала на экранах всех центральных каналов в тот воскресный вечер и в последующие дни, заставило её содрогнуться от осознания чудовищной, хладнокровной работы невидимых редакторов.

Информационное поле было зачищено мгновенно. Ни один репортёр не задал вопроса о том, почему федеральные агенты начали стрелять по деревянному дому, полному женщин и детей. Никто не спросил, почему ордер не был вручён мирным путём. Вместо этого эфир заполнили приглашённые «эксперты».

Они сидели в мягких креслах в студиях Нью-Йорка и Вашингтона. Мужчины в дорогих костюмах, с холодными, уверенными взглядами и натянутыми, сочувственными улыбками. Их титры гласили: «Специалист по деструктивным культам», «Консультант по психологии сект», «Эксперт по контролю сознания». Эбигейл слушала их речи, и её кровь стыла в жилах.

Они не говорили о людях. Они говорили о «биологических единицах культа».

Один из таких экспертов, вальяжно закинув ногу на ногу, вещал с экрана: «То, что мы видим сегодня в Техасе — это классический паттерн тоталитарной секты. Эти люди лишены самостоятельного мышления. Они запрограммированы на насилие. Мы не должны обманываться наличием там женщин — они такие же фанатичные солдаты своего лидера, готовые умереть по первому его слову».

Эбигейл смотрела на этого человека и вспоминала Марту, пожилую британку, которая пекла яблочные пироги. Вспоминала доктора Вэнса, лечившего разбитые коленки. Вспоминала Джулиана, игравшего на скрипке. Эксперт в телевизоре одним взмахом руки стирал их личности, их прошлое, их человечность. Он превращал их в безликую, опасную массу, которую не жалко уничтожить.

Процесс расчеловечивания шёл в прямом эфире. Эбигейл физически ощущала, как общество, прильнувшее к экранам, впитывает этот яд. Зрителям внушали, что танки,

давящие заборы фермы, и пули, прошивающие стены — это не акт государственного террора против своих граждан, а необходимая санитарная мера. Эксперты создавали атмосферу, в которой убийство становилось не просто приемлемым, но и морально оправданным.

Апогеем этого информационного безумия стал репортаж, вышедший в эфир на следующий день.

Эбигейл сидела на диване, обхватив колени руками. Перед ней стояла остывшая чашка кофе. На экране появилась репортёр. Она стояла на фоне полицейского оцепления в Вэйлоре, ветер трепал её волосы. Лицо журналистки выражало профессиональную скорбь, смешанную с сенсационным азартом. Она рассказывала о первых подтверждённых жертвах внутри комплекса.

Именно тогда прозвучала фраза, которая навсегда врезалась в память Эбигейл, разделив её жизнь на «до» и «после».

Глядя прямо в объектив камеры, журналистка заявила в прямом эфире: «Среди погибших внутри комплекса числится двухлетний член секты, который был застрелен в перестрелке».

Двухлетний. Член. Секты.

Эбигейл перестала дышать. В комнате повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь гулом холодильника на кухне.

Двухлетний ребёнок не может быть членом секты. Двухлетний ребёнок не имеет теологических убеждений. Он не читает проповеди, не держит в руках оружие и не планирует конец света. Двухлетний ребёнок умеет только плакать, проситься на ручки к маме и пугаться громких звуков. Назвать младенца, убитого шальной пулей в собственном доме, «членом секты» — значило совершить акт высшего, запредельного садизма. Это означало сказать миллионам зрителей: «Не жалейте его. Он один из них. Он сам виноват в своей смерти, потому что его вера была неправильной».

В этот момент Эбигейл поняла, что моральный релятивизм, о котором она так часто дискутировала с коллегами на кафедральных собраниях, перестал быть философской концепцией. Он обрёл плоть и кровь. Общество заключило сделку со

своей совестью. Люди у экранов готовы были принять смерть невинных детей, если на этих детей предварительно наклеить правильный, пугающий ярлык.

— Они убивают их, — прошептала Эбигейл в пустой комнате. — Они убивают их прямо сейчас, и никто даже не пытается их спасти.

Следующие три дня превратились для неё в непрерывный, изматывающий кошмар бюрократического ада. Она взяла отпуск за свой счёт в школе и превратила гостиную в оперативный штаб. Стол был завален блокнотами, справочниками и распечатками телефонных номеров.

Она звонила в полицию Вэйлора. Дежурный офицер, услышав, что она родственница кого-то из «Горы Хорив», сухо ответил, что юрисдикция полностью передана федеральным властям, и бросил трубку.

Она звонила в больницы Далласа и Остина, куда, по сообщениям новостей, увозили раненых. Она умоляла медсестёр проверить списки поступивших, называла имена Томаса, Рэйчел, Сары, Михея. Везде она получала один и тот же ответ: «Мэм, мы не имеем права разглашать информацию. Обращайтесь на горячую линию ФБР».

Горячая линия ФБР была стеной из пуленепробиваемого стекла. Эбигейл висела на телефоне часами, слушая монотонную музыку ожидания. Когда ей удавалось пробиться к живому оператору, разговор всегда шёл по одному и тому же сценарию.

— Моя сестра внутри! — кричала Эбигейл в трубку. — Её зовут Рэйчел Лейн. У неё двое маленьких детей. Пожалуйста, скажите мне, живы ли они!

— Мэм, назовите ваше имя и степень родства, — отвечал ровный, лишённый всяких эмоций голос агента. — Ваша информация зафиксирована. В данный момент мы ведём переговоры с подозреваемыми. Мы не можем подтвердить статус отдельных лиц внутри комплекса.

— Подозреваемыми?! В чём она подозревается? В том, что пекла хлеб на своей кухне, когда вы начали стрелять по её окнам?!

— Мэм, если вы не можете предоставить оперативную информацию, способствующую разрешению кризиса, я вынужден прервать звонок.

Щелчок. Гудки.

Эбигейл плакала от бессилия. Она видела, как государственная машина сомкнула свои стальные челюсти вокруг её семьи. И самое страшное заключалось в том, что эта машина действовала при полной, безоговорочной поддержке общества.

Каждый вечер она включала телевизор и видела, как ложь становится всё более изощрённой. Журналисты, ссылаясь на анонимные источники в правоохранительных органах, рассказывали о подземных бункерах, забитых взрывчаткой. Они смаковали детали личной жизни лидера общины, превращая его в карикатурного злодея из комиксов. Они ни разу не упомянули о том, что внутри находятся обычные врачи, учителя и фермеры. Они ни разу не показали кадры, где дети общины играют на солнце.

Они показывали только огонь, оружие и людей в чёрной форме, которых называли героями.

Наступило 3 марта. Среда. Четвёртый день осады.

Чикаго за окном был укрыт плотным слоем серого снега. Эбигейл сидела на полу у дивана, бездумно глядя на выключенный экран телевизора. Она больше не могла смотреть новости. Каждое слово экспертов отдавалось физической болью в висках.

Резкий, пронзительный звонок телефона заставил её вздрогнуть.

Она бросилась к аппарату, едва не опрокинув журнальный столик. Схватила трубку. — Алло?

— Миссис Эбигейл Лейн-Мортон? — голос на другом конце провода был мужским, глубоким и профессионально спокойным. В нём не было металлического холода операторов горячей линии. Это был голос человека, привыкшего контролировать чужие эмоции.

— Да. Это я.

— Говорит специальный агент ФБР Байрон Сейдж. Я являюсь одним из координаторов переговорного процесса на месте событий в Вэйлоре.

Сердце Эбигейл пропустило удар. Она вцепилась в трубку обеими руками. — Моя сестра... Рэйчел. Она жива?

— Ваша сестра жива, миссис Мортон. Как и её дети. В данный момент мы пытаемся снизить градус напряжения внутри комплекса. Мы установили полевой телефон для

связи с находящимися внутри. Ваша сестра выразила настойчивое желание поговорить с вами. Мы приняли решение разрешить этот звонок в качестве жеста доброй воли.

Эбигейл закрыла глаза, по её щекам покатились горячие слёзы облегчения. Жива. Господи, она жива.

— Послушайте меня внимательно, — тон агента Сейджа стал жёстче. — Звонок будет строго лимитирован по времени. Три минуты. Линия прослушивается и записывается. Вы не должны обсуждать тактические вопросы, перемещения агентов снаружи или давать ей советы по противодействию властям. Ваша задача — убедить её выйти наружу вместе с детьми. Вы меня поняли?

— Да, — выдохнула Эбигейл. — Да, я поняла. Соедините меня.

В трубке раздалась серия щелчков, затем гулкое эхо, словно связь шла через длинный бетонный туннель. На заднем фоне Эбигейл слышала странный, ритмичный шум — гул мощных генераторов и отдалённый треск вертолётных винтов.

А затем сквозь эти помехи пробился голос. — Эби?

Это была Рэйчел. Но её голос изменился до неузнаваемости. Из него исчезла та тёплая, солнечная уверенность, которая всегда была её визитной карточкой. Голос звучал глухо, надтреснуто, он был пропитан абсолютным истощением.

— Рэйчел! Родная моя! — Эбигейл зарыдала, не в силах сдерживать эмоции. — Слава Богу! Как вы там? Что с детьми?

— Дети со мной, — голос Рэйчел дрогнул. — Они напуганы, Эби. Михей всё время плачет. Мы сидим во внутренних коридорах, подальше от окон. Здесь холодно. Они отключили нам электричество.

— А Томас?

Повисла тяжёлая пауза. Эбигейл слышала, как сестра судорожно втягивает воздух. — Томас жив. Но он плох, Эби. Пуля раздробила плечо. Доктор Вэнс делает всё возможное, но у нас заканчиваются антибиотики. У него жар. Дэниел тоже ранен в живот. У нас... у нас здесь мёртвые, Эби. Они лежат в коридорах. Мы не можем их похоронить, потому что снайперы стреляют по всему, что движется во дворе.

Эбигейл прижала ладонь ко рту, подавляя крик. Реальность, о которой говорила сестра, была в тысячу раз страшнее любой телевизионной картинки.

— Рэйчел, умоляю тебя, — зашептала Эбигейл, помня о том, что агент ФБР слушает каждое слово. — Выходи. Бери Сару, бери Михея и выходи к ним. Они обещают безопасность тем, кто сдастся.

Рэйчел издала короткий, горький смешок, который перешёл в кашель. — Безопасность? Эби, они приехали убивать нас без предупреждения. Вчера двое наших женщин попытались выйти. Их повалили на землю лицом в грязь, надели наручники и бросили в фургоны, как скот. Мы не знаем, куда их увезли. Социальные службы заберут моих детей. Я не отдам им Сару и Михея. Мы выйдем все вместе, когда Дэниел закончит переговоры и когда нам дадут гарантии, что нас не расстреляют на пороге.

— Рэйчел, ты не понимаешь, что происходит снаружи! — Эбигейл повысила голос, чувствуя, как утекают драгоценные секунды. — Они не собираются вести честные переговоры. Я смотрю новости. Они делают из вас монстров! Они называют вас культом самоубийц. Они сказали по телевизору, что убитый ребёнок был «членом секты»! Они готовят людей к тому, что вы все должны умереть!

На другом конце провода воцарилась тишина. Эбигейл слышала только тяжёлое, прерывистое дыхание сестры. Когда Рэйчел заговорила снова, в её голосе больше не было страха. В нём появилась пугающая ясность человека, который внезапно осознал истинные правила игры.

— Значит, вот как они это делают, — медленно произнесла Рэйчел. — Они не показывают нас людям.

— Что? — не поняла Эбигейл.

— Они не показывают нас людям, Эби, — повторила сестра, и её голос зазвенел от напряжения. — Мы просили их передать наши видеокассеты в прессу. Мы снимали детей, чтобы показать, что они живы и здоровы. ФБР забрало кассеты и скрыло их. Они не хотят, чтобы мир видел наши лица. Они хотят, чтобы мир видел только их экспертов.

— Рэйчел...

— Послушай меня, Эбигейл, — перебила её сестра, и в этот момент она снова стала той сильной женщиной, которую Эбигейл видела на залитом солнцем ранчо. — У нас мало времени. Нас убивают. Нас убивают информационно, чтобы потом оправдать физическое убийство. Я чувствую это. Я знаю, что это не случайность. Эти слова, эти обвинения... они звучат одинаково. Кто-то вкладывает их в уста журналистов.

— Миссис Мортон, ваше время истекает, — сухо вмешался в разговор голос агента Сейджа. — Заканчивайте разговор.

— Эби! — крикнула Рэйчел, перекрывая голос агента. — Найди их!

— Кого?!

— Найди первоисточник! Найди тех, кто пишет для них эти сценарии! Кто эти эксперты в телевизоре? Откуда они взялись? Почему они говорят одними и теми же фразами? Это целая сеть, Эби. Я знаю, что Марк Броут был только пешкой. За ним стоит кто-то другой. Кто-то, кто профессионально занимается уничтожением таких, как мы. Пожалуйста, Эби. Если мы не выйдем отсюда... мир должен знать правду. Найди, кто начал эту ложь!

— Я найду, Рэйчел! Обещаю тебе, я найду! — закричала Эбигейл в трубку. — Держись! Я люблю тебя!

— Я люблю...

Связь оборвалась с резким, болезненным щелчком. В трубке повисли короткие гудки.

Эбигейл медленно опустила телефон на рычаг. Её руки больше не дрожали. Слёзы высохли, оставив на щеках стягивающие соляные дорожки.

Она стояла посреди своей чикагской квартиры, окружённая разбросанными школьными тетрадями, и чувствовала, как внутри неё происходит необратимая трансформация. Страх, парализовавший её все эти три дня, выгорел дотла.

Рэйчел была права. То, что происходило на экранах телевизоров, не было хаотичной реакцией прессы на трагедию. Это была выверенная, структурная кампания. Журналисты не придумывали термины вроде «деструктивный культ» или «контроль

сознания» на ходу. Они получали их в готовом виде от тех самых людей в дорожных костюмах, которые сейчас оккупировали все новостные эфиры.

Кто-то предоставил этим людям площадки. Кто-то дал им статус непререкаемых авторитетов. Кто-то позволил им выносить смертные приговоры в прямом эфире, называя двухлетних младенцев фанатиками.

Эбигейл подошла к телевизору. Она не стала его включать. Вместо этого она взяла со стола чистый блокнот и чёрную ручку.

Она была исследователем. Она умела работать с архивами, умела сопоставлять факты и искать первоисточники. Если эти люди думали, что могут безнаказанно стереть её семью с лица земли, прикрываясь экранами телевизоров, они глубоко ошибались.

Эбигейл села за стол, включила настольную лампу и открыла блокнот на первой странице. В самом верху листа, крупными печатными буквами, она вывела первый вопрос своего расследования:

«КТО ТАКИЕ ЭКСПЕРТЫ?»

Она ещё не знала, в какие тёмные глубины человеческой психики заведёт её этот вопрос. Она не знала, что нити от тexasского ранчо потянутся к криминальным синдикатам, правительственным кабинетам и даже на другой континент. Сейчас она знала только одно: её сестра заперта в горящем доме, а те, кто поднёс спичку, прямо сейчас улыбаются с экранов национального телевидения. И она собиралась сорвать с них эти маски, чего бы ей это ни стоило.

Глава 7. Расследование Эбигейл. Часть 1.

Дик Росс

Тяжёлые дубовые двери библиотеки Регенстайна при Чикагском университете всегда казались мне границей между двумя мирами. Снаружи оставался шумный,

хаотичный, продуваемый ледяными ветрами город, а внутри царила абсолютная, почти стерильная тишина академического святилища. Запах старой бумаги, полированной древесины и нагретой пыли на лампах микрофиширующих аппаратов обычно действовал на меня успокаивающе. Я любила это место. Как учитель, я верила, что в этих стенах можно найти ответ на любой вопрос, если проявить достаточно терпения.

Но в тот промозглый мартовский день 1993 года я пришла сюда не за знаниями. Я пришла за правдой, которая могла спасти жизнь моей сестре.

Слова Рэйчел, сказанные во время того короткого, обрывающегося телефонного звонка, непрерывно звучали в моей голове: *«Найди первоисточник. Кто эти эксперты в телевизоре? Откуда они взялись?»*

Я заняла угловой стол в секции периодики и архивов, разложив перед собой чистые блокноты, стопку карандашей и список имен, которые я методично выписывала с экрана телевизора все эти дни. Новостные каналы пестрели титрами «консультантов» и «специалистов», но одно имя звучало громче и безапелляционнее других. Человек, который с ледяной уверенностью выносил приговор моей семье в прайм-тайм. Человек, чьи слова цитировали ведущие газеты.

Дик Росс.

В эфире национальных телеканалов его представляли как ведущего эксперта по деструктивным культам, специалиста по контролю сознания и официального консультанта правоохранительных органов. Он говорил гладко, использовал сложные психологические термины и излучал ауру непререкаемого авторитета.

Мой план был прост и логичен. Если человек является ведущим экспертом национального уровня, его след в академической среде должен быть огромным. Я подошла к терминалам электронных каталогов и баз данных — в начале девяностых они были громоздкими, с мерцающими зелёными символами на чёрных экранах, но они содержали индексы всех научных публикаций страны.

Я ввела имя «Дик Росс» в базу данных Американской психологической ассоциации (APA). Результат: ноль совпадений.

Я переключилась на социологические архивы, проверила индексы *Journal for the Scientific Study of Religion* и *Sociological Analysis*. Я искала монографии, рецензируемые статьи, диссертации, выступления на научных симпозиумах. Я искала хоть какое-то подтверждение того, что этот человек имеет профильное образование в области психологии, психиатрии, социологии или теологии.

Спустя три часа непрерывных поисков экран терминала продолжал выдавать мне одну и ту же холодную пустоту. Дик Росс не имел ни одной научной публикации. Он не состоял ни в одной признанной академической ассоциации. Более того, у него вообще не было высшего образования. Никакого. Ни степени бакалавра, ни диплома колледжа.

Я откинулась на спинку деревянного стула, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Человек, который прямо сейчас объяснял всей Америке тонкости психологического состояния десятков людей, запертых в осаждённом здании в Техасе, был академическим призраком. Самозванцем, чья «экспертиза» существовала исключительно благодаря телевизионным титрам.

Но если он не был учёным, то кем он был? Как он получил доступ к микрофонам и кабинетам федеральных агентов?

Я сменила тактику. Оставив в покое научные базы, я перешла к архивам криминальной хроники и судебных протоколов через систему LexisNexis. Если человек публичен, он оставляет следы в юридическом поле.

Машина загудела, обрабатывая запрос. На этот раз зелёные строчки текста побежали по экрану с пугающей скоростью. Дик Росс действительно имел богатую биографию, но она не имела ничего общего с наукой. Она была написана языком полицейских рапортов.

Я распечатала первую найденную статью из архива газеты *The Arizona Republic* и подошла к окну, чтобы прочитать её при дневном свете. Текст датировался июлем 1975 года.

В статье сухо и протокольно описывалось преступление, совершённое в городе Финикс. 23 июля 1975 года Дик Росс вместе с сообщником совершил попытку ограбления ювелирного магазина. Их метод не отличался ни изощрённостью, ни интеллектом: они попытались похитить более трёхсот ювелирных изделий, угрожая

продавцу картонной коробкой, в которой якобы находилась бомба, готовая взорваться в любую секунду.

Я перечитала этот абзац трижды. Эксперт ФБР. Консультант по психологии. Человек, решающий судьбу моей сестры. Вор, пугавший людей фальшивой взрывчаткой.

Дальнейшие документы подтвердили, что 2 апреля 1976 года Росс был официально признан виновным в краже со взломом и крупной краже, за что получил тюремный срок.

Мои руки начали дрожать. Я вернулась к столу и начала лихорадочно выписывать даты и номера дел. Это была не просто ошибка кастинга на телевидении. Это была системная, чудовищная слепота государственных органов. Как Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием (ATF) могло привлечь в качестве консультанта по вооружённой осаде человека с судимостью за вооружённое ограбление?

Но криминальное прошлое оказалось лишь вершиной айсберга. Позже, систематизируя эти данные и пытаясь понять природу патологической ненависти этого человека к любым религиозным меньшинствам, я наткнулась на поразительное подтверждение своих догадок.

В материалах расследования приводились выдержки из медицинских заключений, сделанных в разные годы. Одно из них, подписанное доктором Домисиано Э. Сантосом, поразило меня своей пугающей точностью. Я переписала этот текст в свой блокнот слово в слово, потому что он объяснял всё:

«Я считаю, что у Дика есть нарушение личности, которое началось ещё в детстве. У него были эмоциональные трудности, он не усвоил привычные нормы поведения для общения, из-за чего в детстве у него случались вспышки гнева, он был требовательным, манипулятивным и спорящим ребёнком без друзей, демонстрировал упрямство. Дик, похоже, не извлекает уроков из прошлого и не понимает, что его поведение социально неприемлемо и опасно. Он не осознаёт свою ответственность перед обществом за контроль своего поведения. Впервые он выражал чувство вины за свои действия, но повторял их, несмотря на выговоры и наказания. Он не мог контролировать свои

импульсы, независимо от применяемых наказаний. Дик требует немедленного удовлетворения своих желаний и нужд, не учитывая интересы других людей, с которыми у него были эмоциональные связи. Он не идентифицирует себя с обществом и его законами, считая наказания несправедливостью. У него есть склонность переносить ответственность на других, хотя постепенно он берёт её на себя. У него также есть проблемы с обучением из-за неспособности слушать. Я вижу в Дике личность с социопатическими наклонностями и проблемами с обучением. Рекомендация — строгий испытательный срок с конкретными ограничениями и интенсивным наставничеством или психотерапией. Заключение под стражу не принесёт ему пользы. Прогноз — от умеренного до осторожного. Домисиано Э. Сантос, врач».

Я сидела в тишине библиотеки, глядя на эти строки. Как педагог, я каждый день работала с детьми. Я знала, как выглядят трудные подростки, как проявляются проблемы с эмпатией и контролем гнева. Но передо мной лежал портрет не просто трудного ребёнка. Это был профиль взрослого социопата. Человека, не способного к состраданию, манипулятивного, требующего немедленного удовлетворения своих амбиций и не признающего законов общества.

И именно этот человек с экранов телевизоров называл жителей тexasского ранчо «психически нездоровыми фанатиками». Он проецировал свой собственный диагноз на ни в чём не повинных людей. А общество, ослеплённое его уверенным тоном, жадно впитывало эту ложь.

Я закрыла лицо руками, чувствуя подступающую тошноту. Моя сестра, её муж, маленькие Сара и Михай находились под прицелом снайперов, потому что федеральные агенты слушали советы осуждённого преступника с социопатическими наклонностями.

Но как он вообще смог убедить власти прислушаться к нему? Какую наживку он им бросил?

Я снова обратилась к архивам, на этот раз сосредоточившись на терминологии, которую Росс использовал для оправдания своих действий. Главным оружием в его арсенале было слово «депрограммирование» — процесс якобы спасения людей от

«промывки мозгов». Он утверждал, что члены религиозных общин лишены свободы воли, что они находятся под гипнозом, и поэтому их можно и нужно спасать насильно.

Я решила проверить, как американская правовая и научная система относится к концепции «промывки мозгов». Если это признанный медицинский факт, то, возможно, у действий Росса была хоть какая-то легальная основа?

Поиск по юридическим прецедентам привел меня к делу, которое стало поворотным моментом в американской юриспруденции. Дело называлось «*United States v. Fishman*», слушания по которому завершились в 1990 году, всего за три года до событий в Техасе.

Я распечатала постановление суда и начала читать. Стивен Фишман обвинялся в мошенничестве с использованием почты. В свою защиту он заявил, что не несет ответственности за свои действия, так как подвергся «промывке мозгов» со стороны одной из известных религиозных организаций. Его адвокаты попытались привлечь в качестве экспертов психологов, которые продвигали теорию контроля сознания — ту самую теорию, на которой Дик Росс строил всю свою карьеру.

Судья Дженсен, председательствующий по делу, подошел к вопросу с холодной юридической строгостью. Он назначил слушания по стандарту Фрая (Frye standard), чтобы определить, является ли теория «промывки мозгов» общепризнанной в научном сообществе.

Результат был разгромным.

В постановлении суда черным по белому было написано, что Американская психологическая ассоциация (APA) официально отвергла отчет своей собственной рабочей группы (DIMPAC), которая пыталась легитимизировать концепцию «коэрцитивного убеждения» и «промывки мозгов». APA заявила, что эти теории не имеют под собой научной базы, лишены эмпирических доказательств и не могут считаться достоверными.

Суд исключил предложенные Маргарет Сингер и Ричардом Офше экспертные показания по этому делу, поскольку соответствующая теория не отвечала требованию общего признания по стандарту Фрая.

Я подчеркнула эти строки красным маркером, едва не порвав бумагу.

Это было важное решение о допустимости конкретных экспертных показаний. Не существует никакого мистического «контроля сознания», лишаящего людей свободы воли. Это был просто удобный медийный ярлык, страшилка для обывателей, не имеющая юридического веса.

Но если суды отвергли эту псевдонауку, почему Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием (ATF) взяло её на вооружение? Почему они строили военную операцию на теориях, которые были официально признаны несостоятельными?

Ответ крылся в методах, которыми пользовался Росс. Ему не нужна была наука. Ему нужны были показания. И он знал, как их добывать.

Я начала искать любые упоминания имени Дика Росса в связке с названием общины моей сестры до начала осады. Мне нужно было найти ту самую искру, из-за которой разгорелся этот пожар. И к вечеру, когда за окнами библиотеки уже сгустились сумерки, а большинство студентов разошлись по домам, я нашла её.

Это был микрокейс, затерянный в полицейских сводках и гражданских исках 1992 года. Имя жертвы — Дэвид Блок.

Дэвид Блок был бывшим членом общины «Давидова Лоза». В 1992 году он покинул ранчо, но его родственники, напуганные статьями в желтой прессе и слухами, решили, что его нужно «спасать» окончательно. Они наняли Дика Росса.

То, что в прессе элегантно называлось «депрограммированием», на языке уголовного кодекса имело совершенно иные определения: похищение человека, незаконное лишение свободы, физическое насилие и психологические пытки.

Я читала показания о том, как происходил этот процесс. Взрослого мужчину, например, Дэвида Блока, хватают против его воли, запирают в чужом доме. Далее идет классическая процедура слома личности: лишение сна, постоянное психологическое давление, унижения, крики, угрозы. Вероятно, Дэвида Блока держали в состоянии непрерывного стресса, пока его психика не начала давать трещины.

Цель депрограммирования заключалась не в том, чтобы вернуть человеку критическое мышление. Цель заключалась в том, чтобы заставить его отказаться от своих убеждений и принять картину мира, которую навязывал похититель. Жертва должна была признать свою бывшую общину абсолютным злом.

И Дэвид Блок сломался. Находясь под жесточайшим давлением, истощенный и напуганный, он начал говорить то, что от него требовал Дик Росс.

Именно в этот момент в истории появилось оружие.

Россу не нужны были просто теологические разногласия. Чтобы натравить на общину федеральные власти, ему нужен был криминальный предлог. И сломленный Дэвид Блок «вспомнил» о том, что на ранчо якобы существуют огромные, нелегальные арсеналы оружия, лаборатории по производству наркотиков и планы вооруженного восстания.

Это была ложь. Фантазия, рожденная в воспаленном мозгу похищенного человека, пытающегося угодить своему мучителю, чтобы прекратить издевательства.

Росс взял эти сфабрикованные, вырванные силой показания и понес их напрямую в ATF.

Я сидела, обхватив голову руками. Картина, вырисовывавшаяся передо мной, была настолько чудовищной в своей циничности, что в неё было трудно поверить.

Федеральное агентство, обладающее колоссальными ресурсами, бюджетами и аналитическими отделами, не стало проводить независимое расследование. Они не обратились к академическим ученым, изучающим религию. Они не учли решение суда по делу Фишмана, признавшее теории Росса псевдонаукой.

Вместо этого они приняли информацию от человека с криминальным прошлым и социопатическим диагнозом, который добыл эту информацию путем уголовно наказуемого похищения и психологических пыток. Они взяли эти грязные, сфабрикованные данные и положили их в основу запроса на ордер, который привел к отправке военных вертолетов и вооруженного спецназа к дому, где спали дети моей сестры.

Но мне нужно было неопровержимое доказательство. Одно дело — понимать логику событий, и совсем другое — иметь на руках документ, подтверждающий, что правительство США официально сотрудничало с этим человеком.

Я подошла к стойке дежурного библиотекаря. Пожилая женщина в очках на цепочке удивленно посмотрела на меня — я выглядела растрепанной, с красными от недосыпа глазами и перепачканными графитом пальцами.

— Мне нужны предварительные отчеты слушаний Конгресса, любые доступные меморандумы Министерства финансов или Министерства юстиции за последние недели, касающиеся инцидента в Уэйко, — хрипло сказала я. — Всё, что уже попало в открытый доступ или правительственные вестники.

Она вздохнула, но провела меня к секции правительственных документов. Следующий час я провела, просматривая свежие поступления микрофишей с правительственными брифингами и предварительными оценками экспертных комиссий, которые уже начали анализировать провал рейда 28 февраля.

Мои глаза болели от резкого света аппарата, строчки сливались воедино. Но я продолжала крутить ручку прокрутки, пока мой взгляд не зацепился за абзац в одном из предварительных аналитических отчетов, посвященных тактике правоохранительных органов.

Я остановила пленку. Настроила фокус.

Текст на экране был написан сухим, бюрократическим языком, но каждое слово в нем звучало как выстрел. Это был фрагмент, описывающий источники информации, на которые опирались федеральные агенты при планировании операции.

Я достала блокнот и начала переписывать текст, чувствуя, как ледяной гнев вытесняет из моего тела последние остатки усталости.

«Расшифровки допросов свидетельствуют о том, что Росс был тесно связан с ATF и ФБР. Он, по-видимому, имел самый широкий доступ к обоим ведомствам среди всех лиц из списка “экспертов по культам”, и к нему прислушивались более внимательно. ATF допросила лиц, к которым он их направил, и, очевидно, использовала информацию из этих допросов при планировании рейда 28 февраля. В

конце марта Росс рекомендовал агентам попытаться унижить лидера общины, надеясь вбить клин между ним и его последователями...».

Я перестала писать. Ручка выпала из моих пальцев и со стуком покатилась по деревянному столу.

Они не просто слушали его до рейда. Они продолжали слушать его прямо сейчас.

В то время как моя сестра сидела в темном, простреленном коридоре без воды и электричества, пытаюсь успокоить плачущих детей, человек с диагнозом социопата советовал ФБР «унижать» их лидера. Он применял к целой общине те же самые садистские методы психологического давления, которые использовал при похищении людей. Он дирижировал этой осадой, превращая её в масштабный акт депрограммирования, где вместо запертой комнаты использовалось оцепление из танков, а вместо криков похитителей — пули федеральных агентов.

Я нажала кнопку печати на аппарате. Машина зажужжала, выплевывая теплый, пахнущий тонером лист бумаги с копией документа.

Я взяла этот лист в руки. Он был легким, почти невесомым, но в нем заключалась вся тяжесть преступления, совершаемого государством против собственных граждан. Я смотрела на черные буквы, подтверждающие официальную связь между криминальным психопатом и федеральными ведомствами, и понимала, что пути назад больше нет.

Библиотекарь выключила верхний свет в зале, давая понять, что время работы истекло. Вокруг меня погружались во мрак стеллажи с тысячами книг, хранящих историю человеческих ошибок и достижений. Но история, которая разворачивалась прямо сейчас в Техасе, писалась не учеными и не судьями. Она писалась человеком, который построил свою карьеру на насилии и лжи, и государством, которое решило закрыть на это глаза.

Я аккуратно сложила распечатанный документ, поместила его в пластиковую папку вместе с выписками о криминальном прошлом Росса и решением суда по делу Фишмана. Я прижала папку к груди, словно щит.

Росс был найден. Его маска эксперта была сорвана, по крайней мере, для меня. Но интуиция подсказывала мне, что такой человек, не имеющий ни образования, ни статуса, не мог провернуть операцию национального масштаба в одиночку. Он был лишь громким голосом, инструментом в чьих-то более могущественных руках. Кто-то должен был направлять к нему напуганных родственников. Кто-то должен был обеспечивать ему юридическое прикрытие после похищений. Кто-то должен был открыть ему двери в кабинеты ФБР.

Я вышла из библиотеки в холодную чикагскую ночь, сжимая в руках доказательства того, что осада «Горы Хорив» была построена на фундаменте из криминальной лжи. Ветер ударил мне в лицо, но я не почувствовала холода. Внутри меня горел огонь, разожженный пониманием того, что я только что приоткрыла дверь в бездну, масштабы которой мне еще предстояло осознать.

Глава 8. Голоса изнутри

Темнота внутри простреленного здания имеет свой особый, тяжелый вес. Она не приносит успокоения, не дарит отдых уставшим глазам. Это густая, удушливая мгла, пропитанная запахом пороховой гари, сухой цементной пыли и запекшейся крови. Когда солнце садится за горизонт техасской равнины, наш дом превращается в склеп.

Федеральные агенты отключили нам электричество на третий день осады. Просто повернули рубильник где-то там, снаружи, за линией оцепления, отрезав нас от привычного течения времени. Следом ушла вода. Насосы, качавшие её из скважин, остановились, и краны издали последний, жалобный хрип, выплюнув ржавую жижу. Мы остались в деревянной коробке, изрешеченной пулями, наедине со своими ранеными и нашими детьми.

Я сижу на полу во внутреннем коридоре первого этажа. Это самое безопасное место в здании — здесь нет окон, и пули снайперов, которые периодически щелкают по внешним стенам, сюда не долетают. Моя спина опирается на холодный гипсокартон. На

моих коленях спит Михей, его дыхание прерывистое, во сне он часто вздрагивает и тихо скулит. Сара сидит рядом, прижавшись плечом к моему бедру. Она не спит. В темноте я чувствую, как напряжено ее маленькое тело. Она смотрит в пустоту коридора широко открытыми глазами, в которых отражается тусклый свет, пробивающийся из щелей.

Мы учимся жить в режиме жесточайшей экономии. Вода теперь — величайшая драгоценность. У нас остались запасы в пластиковых канистрах и старом резервуаре на крыше, но никто не знает, сколько продлится эта блокада. Каждое утро мы выдаем по половине пластикового стаканчика на человека. Этого едва хватает, чтобы смочить пересохшее горло. О мытье не может быть и речи. Я протираю лица детей влажной тряпкой, стараясь стереть серую пыль, которая оседает на коже, волосах, одежде. Эта пыль везде. Она скрипит на зубах, когда мы едим сухие крекеры и консервированные бобы из наших кладовых.

Томас лежит в соседней комнате, на матрасе, брошенном прямо на пол. Доктор Вэнс сделал всё, что мог, в этих полевых условиях. Он извлек осколки кости из раздробленного плеча моего мужа, используя инструменты, прокипяченные на портативной газовой горелке. Но у нас заканчиваются антибиотики. Каждую ночь у Томаса поднимается температура. Я сижу рядом с ним, вытираю пот с его лба и слушаю его тяжелое, свистящее дыхание. Дэниел, раненный в живот, находится в таком же состоянии. Его рана воспалилась, он почти не встает, но продолжает диктовать свои мысли по поводу Семи Печатей, веря, что как только он закончит этот труд, власти поймут нас и отпустят.

Но власти снаружи не хотят ничего понимать. Они не хотят нашего выхода. Они хотят нашего слома.

Сначала я думала, что отключение света и воды — это просто тактика принуждения. Стандартная полицейская процедура, чтобы заставить подозреваемых сдаться. Но то, что началось потом, не имело ничего общего с правосудием. Это была изощренная, садистская лаборатория по уничтожению человеческой психики.

Как только наступает ночь, и мы пытаемся погрузиться в спасительный сон, чтобы хоть на несколько часов забыть о голоде и страхе, снаружи вспыхивает свет.

ФБР подогнало к периметру ранчо мощные армейские прожекторы — те самые, что используются на стадионах или при ночных поисковых операциях. Они направляют эти ослепительные, безжалостные лучи прямо в наши разбитые окна. Свет настолько яркий, что он пробивает тонкие деревянные перегородки, проникает сквозь пулевые отверстия, создавая внутри здания безумную, пульсирующую паутину теней. Ночь превращается в искусственный, больной день. Спрятаться от этого света невозможно. Он режет глаза даже сквозь закрытые веки. Он лишает нас чувства времени, разрушая естественные биоритмы. Дети начинают путать день и ночь, их нервная система истощается.

Но свет — это лишь прелюдия. Настоящая пытка начинается со звука.

Они установили по всему периметру гигантские громкоговорители. В первые дни из них доносились голоса переговорщиков, монотонно призывающих нас выйти. Но вскоре слова сменились акустическим террором.

Звук обрушивается на нас внезапно, заставляя стены вибрировать. Это не просто громкая музыка. Это физическая волна, которая бьет по барабанным перепонкам, отдается болью в грудной клетке и вызывает тошноту. Они включают поп-музыку на максимальной, искаженной громкости. Голос Нэнси Синатры, поющей «These Boots Are Made for Walkin'», разносится над тexasской равниной, превращаясь в демонический, металлический скрежет. Песня играет на повторе. Десять раз. Двадцать раз. Пятьдесят раз подряд. Басы бьют по фундаменту нашего дома, словно удары кувалды.

Мы пытаемся затыкать уши ватой, обрывками ткани, но звук проникает сквозь кости. Он не дает думать. Он не дает молиться. Он не дает утешить плачущего ребенка, потому что ты просто не слышишь собственного голоса.

А потом музыка резко обрывается. Наступает секундная, звенящая тишина, в которую мы жадно втягиваем воздух. И в эту тишину врывается нечто гораздо более страшное.

Пронзительный, вибрирующий, нечеловеческий визг. Он начинается на высокой ноте, срывается в хрип, захлебывается кровью и начинается снова. В первую секунду, когда я услышала это, мое сердце остановилось. Мне показалось, что снаружи пытаются

ребенка. Я вскочила на ноги, бросившись к забаррикадированному окну, готовая кричать, умолять их остановиться.

Но это были не люди. Это была аудиозапись криков умирающих кроликов, которых забивают на скотобойне.

Они транслируют предсмертную агонию животных на громкости реактивного двигателя. Этот звук бьет по самым глубоким, первобытным инстинктам. Он вызывает неконтролируемый выброс адреналина, панику, животный ужас. Дети начинают кричать в унисон с этими записями. Сара забивается в угол, закрывая голову руками, и раскачивается из стороны в сторону. Михей бьется в истерику, пока не начинает задыхаться от кашля.

Я смотрю на лица своих соседей в тусклом свете прожекторов. Доктор Вэнс сидит, прижав ладони к вискам, его лицо искажено гримасой боли. Марта, наша пожилая пекарь, беззвучно шевелит губами, читая псалмы, по ее щекам текут слезы. Мы все медленно сходим с ума.

Зачем они это делают? Зачем ФБР, представляющее закон великой страны, использует методы, достойные гестапо, против горстки фермеров и их семей? Они говорят, что хотят спасти нас. Они говорят по телевизору — мы слышим обрывки новостей по маленькому радиоприемнику на батарейках, — что заботятся о благополучии детей. Но какая забота может заключаться в том, чтобы лишать младенцев сна, воды и сводить их с ума криками умирающих животных?

Ответ приходит ко мне в одну из таких бессонных ночей, когда визг кроликов сменяется оглушительным ревом тибетских песнопений. Они не спасают нас. Они ломают нас. Они хотят довести нас до такого состояния животного безумия, чтобы мы выбежали наружу, потеряв человеческий облик, подтвердив тем самым их теорию о том, что мы — неадекватные фанатики. Им нужна картинка для прессы. Им нужны сломленные, трясущиеся сектанты, которых можно заковать в цепи перед объективами телекамер.

И некоторые из нас действительно не выдерживают.

Каждый день переговорщики ФБР выходят на связь по полемому телефону, который они забросили нам в окно. Они обещают безопасность. Они говорят мягкими,

вкрадчивыми голосами: «Выведите детей. Мы позаботимся о них. Выйдите сами, вам окажут медицинскую помощь. Никто не причинит вам зла».

Двадцать один ребенок. Четырнадцать взрослых. Мы вели этот страшный счет каждый день. Именно столько людей покинули «Гору Хорив» за первые недели осады, поверив этим обещаниям.

Я никогда не забуду 12 марта. В тот день Мелисса, молодая женщина из Огайо, решила, что больше не может подвергать свою пятилетнюю дочь Эмму этой пытке. У Эммы началась астма от постоянной цементной пыли и пороховой гари, висящей в воздухе. У нее не было ингалятора. Мелисса плакала всю ночь, обнимая задыхающуюся девочку, а утром подошла к Дэниелу.

— Я должна уйти, — сказала она, глядя в пол. — Я не предаю веру, но моя дочь умрет здесь. Они обещали скорую помощь.

Дэниел кивнул. Он никогда никого не удерживал. Он обнял Мелиссу, благословил Эмму и попросил мужчин разобрать баррикаду у боковой двери.

Мы все собрались у окон второго этажа, прячась за уцелевшими кусками гипсокартона, чтобы посмотреть, как они уходят. Мелисса вышла на залитый солнцем двор, держа Эмму за руку. В другой руке у нее была белая наволочка, привязанная к швабре. Она шла медленно, спотыкаясь о гильзы и обломки дерева.

Из-за бронированных машин Брэдли немедленно выскочили люди в черной тактической форме. Их были десятки. Они не несли носилки. Они не вели за собой врачей.

Они наставили на женщину с ребенком штурмовые винтовки.

— Лицом на землю! — разнесся над двором усиленный мегафоном крик. — На землю, руки за голову!

Мелисса замерла, не понимая, что происходит. Она попыталась поднять Эмму на руки, чтобы защитить ее, но двое агентов в бронежилетах бросились к ней, грубо сбили с ног и впечатали лицом в весеннюю техасскую грязь. Один из них придавил ее спину коленом, защелкивая на запястьях пластиковые стяжки.

Эмма закричала. Тонким, пронзительным голосом, полным абсолютного ужаса. Другой агент схватил пятилетнюю девочку за куртку, оторвал ее от матери и потащил к подъехавшему черному фургону. Мелисса билась в грязи, пытаясь вырваться, кричала имя дочери, но ее просто подняли за скованные руки и поволокли в другую машину.

Двери фургонов захлопнулись. Машины развернулись и уехали, оставив после себя лишь облако пыли и звенящую тишину, которую через минуту снова разорвал рев громкоговорителей.

Я стояла у окна, вцепившись побелевшими пальцами в подоконник. Меня трясло. Рядом со мной стоял Джулиан, наш учитель математики. Он молча смотрел на пустой двор, и по его щекам текли слезы.

— Они забрали ее, — прошептала я. — Они просто украли ребенка.

Мы узнали позже, из коротких обрывков новостей, что происходит с теми, кто выходит. Взрослых немедленно отправляют в тюрьму округа Макленнан, предъявляя им обвинения в покушении на убийство федеральных агентов. Никакой презумпции невиновности. Никаких разбирательств о том, кто стрелял первым. Вышел из здания — значит, террорист.

Но самое страшное происходило с детьми. Все двадцать один ребенок, покинувшие ранчо, были немедленно переданы в Службу защиты детей (CPS). Их разлучили с родителями, братьями и сестрами. Их раскидали по приемным семьям и государственным приютам. К ним приставили психологов, которые начали агрессивно допрашивать их, пытаясь выбить показания о насилии внутри общины, чтобы оправдать этот кровавый рейд. Детей, переживших перестрелку, потерявших друзей, напуганных и дезориентированных, превратили в инструмент обвинения против их собственных семей.

Именно тогда я приняла окончательное решение.

Я сижу в темном коридоре, прижимая к себе Сару и Михея. Мои губы сухие и потрескавшиеся от жажды. Мой желудок сводит от голода. Мой муж истекает потом в соседней комнате, борясь с инфекцией. Но мой разум абсолютно ясен.

Переговорщик Байрон Сейдж звонил сегодня днем. Он снова говорил о безопасности. Он убеждал меня, что я плохая мать, раз держу детей в таких условиях. Он использовал все психологические уловки, чтобы заставить меня почувствовать вину.

Но я знаю правду. Я помню визиты социальных служб в прошлом году. Я помню холодные, оценивающие взгляды инспекторов, которые искали синяки на теле моей дочери. Я помню, как легко государственная машина может стереть твою жизнь, если на тебя повесили ярлык «члена культа».

Если я выйду за эти двери, я перестану быть Рэйчел Лейн, любящей матерью и женой. Я стану «биологической единицей секты», подозреваемой в терроризме. Меня бросят в бетонную камеру. А моих детей... моих прекрасных, умных детей, которые знают наизусть псалмы и умеют отличать созвездия на ночном небе, отдадут чужим людям. Их заставят забыть нас. Им внушат, что их родители были монстрами. Их лишат их истории, их веры, их семьи.

Государство не предлагает нам спасение. Оно предлагает нам капитуляцию с последующим уничтожением нашей идентичности.

Я смотрю на спящего Михея. Его ресницы дрожат. Он слишком мал, чтобы понимать концепции свободы, права и религиозных преследований. Он просто хочет пить, хочет теплого молока и хочет, чтобы мама пела ему колыбельную, а не вздрагивала от каждого шороха.

Сара поднимает на меня глаза. В них нет слез. За эти недели она разучилась плакать. В ее взгляде появилась недетская, пугающая серьезность.

— Мама, — шепчет она сухими губами. — Они сегодня будут снова включать кроликов?

Мое сердце сжимается так больно, что мне трудно сделать вдох.

— Я не знаю, милая. Может быть, сегодня они дадут нам поспать.

Но я лгу. Я знаю, что они не дадут.

Снаружи раздается тяжелый гул. Это заводятся дизельные генераторы, питающие прожекторы. Сквозь щели в забаррикадированных окнах пробиваются первые, острые

как бритва лучи искусственного света. Они скользят по пыльному полу, выхватывая из темноты разбросанные гильзы и брошенные детские игрушки.

Затем раздается щелчок включенных микрофонов. Короткое шипение статических помех.

И звук обрушивается на нас.

На этот раз это не музыка. Это снова животный визг, усиленный до такой степени, что кажется, будто рвется сам воздух. Звук заполняет каждый кубический сантиметр пространства, выдавливая кислород. Он проникает под кожу, заставляет вибрировать внутренние органы.

Михей просыпается с истошным криком. Он бьется в моих руках, его лицо краснеет от нехватки воздуха. Сара сжимается в комок, пряча лицо у меня на коленях.

Я не плачу. Я не молюсь. В этот момент во мне не остается ничего, кроме первобытного, глухого инстинкта защиты. Я наклоняюсь вперед, накрывая обоих детей своим телом, словно живым щитом. Я прижимаю ладони к их ушам, вдавливая их так сильно, как только смею, пытаюсь создать вакуум, пытаюсь отгородить их от этого акустического ада.

Стены дрожат. Визг из громкоговорителей сливается с плачем моего сына. Я закрываю глаза, упираюсь подбородком в макушку Сары и просто держу их. Держу изо всех сил, пока свет прожекторов выжигает тени в нашем разрушенном доме, а невидимые люди снаружи продолжают методично, хладнокровно и абсолютно законно сводить нас с ума.

Глава 9. Расследование Эбигейл. Часть 2.

CAN и Марк Броут

Утренний свет, пробивающийся сквозь жалюзи чикагской квартиры, казался тусклым и больным. Эбигейл сидела на полу в гостиной, скрестив ноги по-турецки, и смотрела на разложенные перед ней бумаги. Ковер был полностью скрыт под слоем ксерокопий, газетных вырезок, распечаток из библиотечных архивов и исписанных листов из желтых блокнотов. В центре этой бумажной мозаики лежал пульт от телевизора. Сам телевизор работал, но звук был выключен. На экране беззвучно шевелили губами очередные люди в строгих костюмах, а внизу бегущей строкой шли экстренные новости из Техаса. Осада продолжалась.

Вчерашнее открытие в библиотеке Регенстайна лишило Эбигейл сна. Осознание того, что федеральные агенты консультировались с Диком Россом — человеком с криминальным прошлым и задокументированным социопатическим диагнозом, — пробило брешь в ее картине мира. Но Эбигейл была учительницей. Она знала: если ученик списывает, он редко делает это один. Всегда есть тот, кто дает списать, и тот, кто организует процесс. Росс был лишь громким голосом, агрессивным исполнителем. Но кто обеспечил ему трибуну? Кто дал ему статус непререкаемого авторитета на национальном телевидении?

Она взяла красный маркер и пододвинула к себе список имен, который методично составляла все эти дни, сидя перед экраном. Симсен Хансен. Пол Мартин. Маргарет Сингер. Десятки имен людей, которых титры новостных каналов представляли как «независимых экспертов по деструктивным культам». Они появлялись на CNN, ABC, NBC, давали комментарии для Washington Post и New York Times. Они формировали общественное мнение, убеждая Америку в том, что на ранчо «Гора Хорив» засели не люди, а запрограммированные биологические единицы, готовые к массовому суициду.

Эбигейл начала проверять их биографии и профессиональные связи. Она звонила в приемные университетов, отправляла запросы в социологические ассоциации, искала упоминания их имен в академических вестниках. И к утру картина начала проясняться.

Они не были независимыми.

Красный маркер в руке Эбигейл раз за разом проводил линии от разных имен к одной и той же аббревиатуре, которая всплывала в их резюме, в списках участников одних и тех же конференций, в составах попечительских советов.

CAN. Cult Awareness Network. «Сеть осведомленности о культах».

Название звучало респектабельно, почти как правительственное агентство или благотворительный фонд. Но чем глубже Эбигейл погружалась в историю этой организации, тем сильнее становилось чувство брезгливости.

Из собранных Эбигейл материалов следовало, что CAN стала одной из самых известных структур американского антикультового движения. В 1970-х и 1980-х годах организация активно использовала риторику «промывания мозгов» и «контроля над разумом». Позиционируя себя как экспертный источник информации, CAN отслеживала множество групп, называя их «культами». Вокруг организации существовали тесные связи с практикой депрограммирования, которая в ряде случаев сопровождалась незаконным удержанием людей и становилась предметом уголовных и гражданских споров.

Эбигейл отложила маркер и потеряла уставшие глаза. CAN действовала по классической схеме рэкета. Они сами создавали проблему, нагнетая панику через прессу, пугали родителей тем, что их дети превратились в безвольных зомби, а затем предлагали решение — дорогостоящее и незаконное «депрограммирование». Когда же правоохранные органы начали обращать внимание на эти похищения, и многие депрограммисты столкнулись с уголовными последствиями, CAN сменила тактику. Они надели дорогие костюмы, назвали себя «консультантами» и пошли в телевизионные студии.

Все эти «эксперты», которые сейчас беззвучно вещали с экрана в ее гостиной, оправдывая применение танков против женщин и детей, были членами одной идеологической сети. Они не были объективными наблюдателями. Они были лоббистами организации, построившей свой капитал на похищениях и психологическом насилии.

Но как им удавалось убеждать общество и власти в том, что та или иная группа представляет смертельную опасность?

Эбигейл подошла к книжному шкафу, где хранились ее рабочие материалы по истории и социологии. Она достала несколько папок с архивными выписками, которые

сделала накануне в библиотеке, изучая старые газетные публикации о других религиозных группах, подвергшихся атакам CAN в восьмидесятые годы.

Она разложила на столе три статьи из разных газет, посвященные трем абсолютно разным, не связанным между собой религиозным общинам. Одна группа находилась в Калифорнии и практиковала восточные медитации. Другая — в Орегоне, это была строгая христианская коммуна. Третья — небольшое нью-эйдж поселение в штате Нью-Йорк.

Эбигейл взяла три текстовыделителя: желтый, зеленый и синий.

Она начала читать статью о калифорнийской группе. «Лидер общины обладает абсолютной властью и использует свое положение для сексуальной эксплуатации последователей», — гласил текст. Эбигейл выделила это предложение желтым. «Дети в коммуне содержатся в антисанитарных условиях, лишены нормального образования и подвергаются суровым наказаниям». Она провела зеленым маркером. «Бывшие участники предупреждают, что группа накапливает оружие и готовится к акту массового самоубийства в случае вмешательства властей». Синий маркер.

Она перешла ко второй статье, об орегонских христианах. Тот же процесс. Желтым — обвинения в сексуальных девиациях лидера. Зеленым — обвинения в жестоком обращении с детьми. Синим — предупреждения о грядущем вооруженном противостоянии и массовом суициде.

Третья статья. Нью-Йорк. Желтый. Зеленый. Синий.

Эбигейл отступила на шаг, глядя на три газетных листа. Они пестрели одинаковыми цветами в одних и тех же пропорциях.

Это был шаблон.

CAN не проводила никаких реальных расследований. Они не изучали теологию, быт или реальные правонарушения внутри этих групп. Они просто брали готовый, универсальный трафарет обвинений и накладывали его на любую общину, которую выбирали своей мишенью. Секс, дети, массовое самоубийство. Это была идеальная, безотказная триада. Обвинения в сексуальных преступлениях уничтожали моральный облик лидера. Обвинения в насилии над детьми вызывали мгновенную, рефлекторную

ярьость общества и заставляли вмешиваться социальные службы. А угроза массового самоубийства — ярлык «нового Джонстауна» — парализовала правоохранительные органы, заставляя их действовать жестко, превентивно и по военным сценариям.

Они использовали этот шаблон против десятков разных групп. И теперь этот же самый шаблон, слово в слово, был применен к «Горе Хорив». К дому ее сестры.

Но чтобы шаблон сработал, чтобы пресса и полиция поверили в него, нужны были свидетели. Нужны были голоса изнутри, которые подтвердили бы эти чудовищные обвинения. И CAN предоставляла таких свидетелей. Они называли их «выжившими». Социологи называли их иначе — апостатами, или отступниками.

Эбигейл открыла монографию социолога Брайана Р. Уилсона, которую взяла в университетской библиотеке. Ее палец скользнул по строчкам, останавливаясь на подчеркнутом абзаце: *«Отступник, как правило, нуждается в самооправдании. Он стремится пересмотреть свое прошлое, оправдать прежние связи и возложить вину на тех, кто был его ближайшими соратниками».*

Эбигейл, как историк, прекрасно знала, насколько опасными могут быть показания людей, чья идентичность строится на ненависти к своему прошлому. В ее памяти всплыл классический исторический прецедент, который она часто приводила своим ученикам на уроках, посвященных массовым истериям и охоте на ведьм.

Она подошла к полке и достала старый учебник по истории Америки XIX века. Открыв нужную главу, она быстро нашла микрокейс, который сейчас казался пугающе актуальным.

1834 год. Чарльстаун, штат Массачусетс. Девушка по имени Ребекка Рид, выросшая в протестантской семье, провела несколько месяцев в католическом монастыре урсулинок в качестве послушницы. Покинув монастырь, она написала книгу «Шесть месяцев в монастыре». В ней она утверждала, что ее удерживали против воли, подвергали пыткам и издевательствам, чтобы заставить принять католичество. Ее рассказы были настолько эмоциональными, подстрекательными и полными леденящих душу подробностей, что общество взорвалось. Разгневанная толпа, накрученная этими откровениями, напала на монастырь и сожгла его дотла. Монахини чудом спаслись, но толпа осквернила даже могилы на монастырском кладбище.

Лишь годы спустя историки и следователи установили: Ребекка Рид лгала. Она приняла католичество еще до поступления в монастырь, никто ее не пытал и не удерживал. Она просто монетизировала антикатолические настроения того времени, создав образ фейковой жертвы.

Эбигейл захлопнула книгу. Прошло сто шестьдесят лет, но методы не изменились. Изменились лишь декорации. Вместо разъяренной толпы с факелами теперь были федеральные агенты с танками и вертолетами. А вместо Ребекки Рид был другой человек.

Марк Броут.

Имя, которое Рэйчел произнесла с такой горечью во время их последнего телефонного разговора. Имя, которое Эбигейл слышала еще в 1989 году, сидя на залитой солнцем веранде тexasского ранчо. Тогда Рэйчел рассказывала о слепом австралийце, который покинул общину из-за уязвленных амбиций и нежелания Дэниела делить с ним власть. «Удивительно, как человек, лишенный физического зрения, может быть настолько ослеплен собственной гордыней», — сказала тогда сестра.

Теперь этот слепой человек стал главным оружием в руках CAN.

Эбигейл начала перебирать стопку газетных вырезок из «Вэйлор Трибьюн-Геральд» и «Даллас Морнинг Ньюс», вышедших за несколько недель до рейда. Журналисты щедро цитировали аффидевиты и заявления бывших членов общины, которые легли в основу расследования властей. Имя Марка Броута фигурировало почти в каждой статье.

Он позиционировал себя как «правую руку» лидера, как человека, который знал все тайны «Горы Хорив». Именно он в марте 1992 года начал рассылать властям заявления о том, что община планирует массовое самоубийство. Именно он утверждал, что Дэниел является сексуальным маньяком. Именно он описывал ужасающие условия содержания детей.

Эбигейл вчитывалась в цитаты Броута, и ее аналитический ум начал цепляться за детали, которые журналисты, ослепленные сенсацией, предпочли не заметить.

Броут описывал сцены, требующие зрительного восприятия. Он в деталях рассказывал о расположении предметов в комнатах, о том, как выглядели тайники с оружием, о выражениях лиц людей во время закрытых собраний. Он описывал обстановку внутри поселения с точностью архитектора.

Но Марк Броут был слепым. Юридически и физически слепым человеком.

Как он мог видеть то, о чем рассказывал с такой уверенностью? Ответ был очевиден: он этого не видел. Он транслировал чужие слова. Он озвучивал тот самый шаблон CAN, который ему заботливо вложили в уста. Он стал идеальным фейковым отступником, чья личная обида была профессионально направлена в нужное русло.

Но самое поразительное открытие ждало Эбигейл в копии предварительного отчета правоохранительных органов, который просочился в прессу в первые дни осады. В этом документе перечислялись показания информаторов, на основании которых Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием (ATF) принимало решение о штурме.

Эбигейл нашла абзац, посвященный показаниям Броута. Она прочитала его один раз. Моргнула. Протерла очки и прочитала снова.

В официальном документе, составленном федеральными агентами, Марк Броут описывался не просто как бывший член общины. Он был описан как *«вооруженный охранник, участвовавший в тактических стрельбах и патрулировании периметра»*.

Эбигейл медленно опустила бумагу на стол. В комнате стояла абсолютная тишина, нарушаемая лишь тихим гудением холодильника на кухне.

Слепой снайпер.

Федеральное агентство Соединенных Штатов Америки, обладающее многомиллионным бюджетом, аналитическими отделами и доступом к любым базам данных, построило военную операцию на показаниях человека, который физически не мог делать того, в чем признавался. Они поверили, что абсолютно слепой мужчина стоял в дозоре с винтовкой и участвовал в стрельбах по мишеням.

Это была не просто халатность. Это была демонстративная, вопиющая слепота самой системы. Агенты ATF не проверяли факты. Им не нужна была истина. Им нужен

был предлог. Когда антикультовая сеть CAN принесла им на блюдечке готового «свидетеля» с готовым набором шаблонных обвинений, власти просто переписали эти обвинения в свои рапорты, даже не удосужившись проверить базовые медицинские данные информатора.

Эбигейл встала с пола. Ее ноги затекли, спина ныла от многочасового сидения в неудобной позе, но она не чувствовала физического дискомфорта. Внутри нее пульсировала холодная, кристально чистая ярость.

Она подошла к большой пробковой доске, которую повесила на стену гостиной два дня назад. Доска была пуста, если не считать нескольких кнопок, воткнутых по краям.

Эбигейл взяла стопку фотографий, вырезанных из газет, и начала методично крепить их к пробковой поверхности.

В левый верхний угол она поместила логотип CAN. Под ним — фотографии Дика Росса, Симсена Хансена и других телевизионных «экспертов». От них она протянула красную шерстяную нить к центру доски.

В центре она прикрепила фотографию Марка Броута — слепого австралийца в темных очках, чья уязвленная гордыня стала детонатором трагедии.

От Броута нить потянулась вправо, к вырезкам из «Вэйлор Трибьюн-Геральд» с кричащими заголовками о «Грешном Мессии» и «новом Джонстауне».

А от газетных заголовков последняя, самая толстая нить спустилась вниз, к фотографии бронированных машин ATF, проламывающих деревянный забор ранчо «Гора Хорив».

Эбигейл отступила на шаг и посмотрела на созданную ею схему.

Это не было трагическим стечением обстоятельств. Это не было спонтанной реакцией общества на странную религиозную группу. То, что происходило сейчас в Техасе, было результатом работы отлаженной, циничной и безжалостной индустрии.

Она видела, как эта индустрия функционирует. CAN находила уязвимую группу. Затем они находили обиженного отступника вроде Броута. Они обучали его своему шаблону: секс, дети, оружие, суицид. Затем они передавали этого отступника в руки жадных до сенсаций журналистов. Пресса, не проверяя фактов, вываливала эту грязь на

страницы газет, создавая в обществе атмосферу паники и ненависти. А затем, когда общественное мнение было подготовлено, в дело вступали государственные органы, которые использовали газетную истерию как оправдание для применения силы.

И на каждом этапе этой цепи стояли люди из CAN, которые давали комментарии, консультировали полицию и получали свои дивиденды в виде грантов, пожертвований и телевизионных контрактов.

Эбигейл перевела взгляд на экран телевизора. Там, в прямом эфире, очередной репортер стоял на фоне полицейского оцепления в Вэйлоре. Ветер трепал его волосы, а лицо выражало профессиональную тревогу. Внизу экрана появилась плашка: «Эксклюзивное интервью с экспертом по контролю сознания». В кадре появился один из тех людей, чье фото сейчас висело на пробковой доске Эбигейл.

Он открыл рот, и хотя звук был выключен, Эбигейл точно знала, что он говорит. Он говорил о зомбированных сектантах. О необходимости жестких мер. О том, что люди внутри здания не имеют свободы воли.

Она смотрела на это беззвучное шоу, и внезапно осознала истинный, пугающий масштаб происходящего.

Журналисты, которые должны были быть сторожевыми псами демократии, которые должны были задавать неудобные вопросы властям и защищать права граждан, превратились в послушных стенографистов криминального синдиката. Они не расследовали. Они просто ретранслировали шаблонную ложь, легитимизируя убийство.

Миллионы американцев прямо сейчас сидели перед своими телевизорами, пили утренний кофе и впитывали эту ложь. Они верили, что государство защищает их от монстров. Они не знали, что монстры сидят в телевизионных студиях, а жертвы истекают кровью на грязном полу простреленного деревянного дома.

Эбигейл подошла к телевизору и положила ладонь на холодное стекло экрана, прямо поверх лица улыбающегося «эксперта».

Ее сестра просила найти первоисточник. И Эбигейл нашла его. Она увидела лицо системы, которая методично, по одному и тому же сценарию, уничтожала неудобных. Но

знание само по себе не могло остановить пули. Знание не могло включить воду в осажденном здании.

Она стояла в тишине своей квартиры, чувствуя, как тяжесть этого открытия давит на плечи. Она была всего лишь школьной учительницей из Чикаго. У нее не было связей в ФБР, у нее не было доступа к национальному эфиру. У нее была только пробковая доска, красные нити и абсолютная, непоколебимая уверенность в том, что если она не найдет способ прорвать эту информационную блокаду, ее семья будет уничтожена под аплодисменты одураченной страны.

Экран телевизора мигнул, сменив картинку. Теперь камера показывала ранчо «Гора Хорив» с высоты птичьего полета. Маленькая деревянная крепость, окруженная стальным кольцом бронетехники. Над крышей поднимался тонкий столб серого дыма.

Эбигейл смотрела на этот дым, и в ее голове билась только одна мысль: сколько времени у них осталось, прежде чем шаблон CAN потребует своего логического, кровавого финала?

Глава 10. Ложь под присягой

Запах нагретой термобумаги факсового аппарата навсегда останется для меня запахом государственной измены.

В начале марта 1993 года, когда осада ранчо превратилась в рутинное телевизионное шоу, я поняла, что газетных вырезок и телевизионных интервью недостаточно. Телевизионные эксперты формировали общественное мнение, но они не могли отдать приказ на штурм. Чтобы отправить десятки вооружённых федеральных агентов и военные вертолёты к частному дому, требовался юридический документ. Ордер на обыск и арест. А чтобы получить ордер, кто-то должен был поднять правую руку перед федеральным судьёй и поклясться говорить правду.

Мне нужен был этот документ. Аффидевит — письменное показание под присягой, послужившее основанием для выдачи ордера.

Получить его оказалось сложнее, чем я думала. Документ был опечатан, но в Вашингтоне и Техасе уже начались внутренние ведомственные проверки, и копии начали циркулировать среди адвокатов и судебных клерков. Я обзвонила всех своих бывших учеников, которые пошли в юриспруденцию, всех знакомых журналистов, с которыми пересекалась на городских общественных слушаниях в Чикаго. Наконец, один из контактов — помощник адвоката из Остина, чьё имя я поклялась никогда не называть, — согласился помочь.

«Я отправлю это на факс в библиотеке твоего университета, — сказал он мне по телефону, понизив голос. — Забери его немедленно. И Эбигейл... когда ты это прочитаешь, ты поймёшь, почему они перерезали телефонные линии. Они не могли позволить тем, кто внутри, прочитать это вслух».

Я стояла в пустом подсобном помещении университетской библиотеки, слушая пронзительный писк модемного соединения. Аппарат медленно, страница за страницей, выплёвывал длинные, скручивающиеся листы сероватой бумаги. Их было много. Десятки страниц плотного юридического текста.

На титульном листе значилось имя: Дэвон Агилар, специальный агент Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием (ATF).

Я собрала листы, сложила их в плотную папку и поспешила домой. На улице бушевал ледяной чикагский ветер, но меня бросало в жар. Я чувствовала, что несу в руках не просто бумагу, а детонатор, который запустил всю эту трагедию.

Дома я разложила страницы на кухонном столе, вооружилась красной ручкой, юридическим словарём и несколькими справочниками, которые успела взять в библиотеке. Я начала читать.

Первое, что бросилось в глаза, — это тон документа. Аффидевит должен быть сухим, беспристрастным перечислением фактов, дающих достаточные основания для подозрений. Но текст агента Агилара читался как сценарий дешёвого боевика. Он пестрел эмоциональными оценками, зловещими намёками и прямыми ссылками на показания отступников, чью несостоятельность я уже доказала для себя ранее.

Но прежде чем погрузиться в анализ самих обвинений, я обратила внимание на хронологию расследования, изложенную в первых абзацах. Агилар описывал, как ATF начало интересоваться общиной летом 1992 года. Он упоминал визит к лицензированному торговцу оружием Генри Макмахону, с которым сотрудничала община.

И здесь зияла логическая дыра размером с тexasский каньон.

Я знала от Рэйчел, что Дэниел Кордеш регулярно выезжал в город. Он не прятался. Более того, вчитавшись в мелкий шрифт сносок и сопоставив их с датами, я обнаружила поразительный факт, который позже будет подтверждён на высшем правительственном уровне. Когда Дэниел узнал, что агент Агилар задаёт вопросы Макмахону о легальности покупок общины, он сделал то, что сделал бы любой законопослушный гражданин. Он позвонил.

Дэниел Кордеш лично пригласил агентов ATF приехать на ранчо. Он предложил им открыть двери, показать все сейфы, предоставить все лицензии и чеки на каждую единицу оружия, находящуюся на территории «Горы Хорив».

Агент отказался.

Я обвела этот факт красным кружком, едва не порвав тонкую термобумагу. Федеральный агент, чьей прямой обязанностью является проверка соблюдения оружейного законодательства, получает прямое приглашение провести мирную, добровольную инспекцию. И он говорит «нет». Почему? Ответ был пугающе очевиден. Мирная инспекция с проверкой бумаг за чашкой кофе на кухне моей сестры не принесла бы славы. Она не оправдала бы многомесячную слежку. Она не позволила бы использовать тактику «динамичного вторжения» с привлечением прессы. Агилару не нужна была проверка. Ему нужна была война.

Из материалов Конгрессионального расследования 1996 года следовало: комитет Палаты представителей назвал расследование ATF «вопиюще некомпетентным» и указал, что заявление под присягой содержало многочисленные ошибки и искажения.

Я перевернула страницу и перешла к разделу, озаглавленному «Основания для обыска». Именно здесь Агилар должен был убедить судью в том, что на ранчо находится нелегальный арсенал, представляющий смертельную угрозу.

Мой взгляд остановился на пункте номер четыре. Агилар под присягой утверждал, что лидер общины незаконно владеет «британским противотанковым ружьём калибра .52».

Словосочетание «противотанковое ружьё» било по нервам. Оно создавало образ террористической ячейки, готовой сбивать правительственные вертолёты и уничтожать бронетехнику. Любой судья, прочитав это, немедленно подписал бы ордер.

Я пододвинула к себе справочник по стрелковому оружию, который одолжила у коллеги-историка, увлекавшегося военной реконструкцией. Я открыла индекс и начала искать калибр .52.

Его не существовало в природе современных коммерческих или военных стандартов, доступных на гражданском рынке.

Я начала искать похожие спецификации. И нашла. То, что Агилар назвал «.52-калиберным противотанковым ружьём», на самом деле было винтовкой Barret Light калибра .50. Это крупнокалиберная снайперская винтовка, которая абсолютно легально продавалась на территории штата Техас. Любой гражданин, не имеющий судимостей, мог купить её в оружейном магазине. Она использовалась для спортивной стрельбы на сверхдальние дистанции.

Агент ATF, профессионал, чья работа заключается в том, чтобы досконально разбираться в калибрах и классификациях огнестрельного оружия, намеренно исказил цифры и добавил пугающий эпитет «противотанковое». Он превратил легальную спортивную винтовку в несуществующее оружие судного дня. И он сделал это под присягой.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как колотится сердце, и перешла к следующему пункту.

Гранаты.

Агилар писал, что информаторы видели на территории комплекса «корпуса боевых гранат», что якобы свидетельствовало о подготовке к полномасштабным боевым действиям.

Я закрыла глаза и потёрла переносицу. В моей памяти всплыл один из телефонных разговоров с Рэйчел, состоявшийся около года назад. Она со смехом рассказывала, как Томас и другие мужчины общины нашли новый способ заработка для пополнения общего бюджета. Они закупали на армейских распродажах пустые, деактивированные корпуса старых гранат — куски ребристого металла, не содержащие ни грамма взрывчатки. Томас вытачивал для них красивые подставки из полированного орехового дерева, они покрывали их лаком и продавали на легальных оружейных ярмарках в Далласе и Хьюстоне как сувенирные пресс-папье для офисных столов. Это был популярный товар среди техасских клерков, желающих придать своему рабочему месту брутальный вид.

Агент Агилар знал об этом. Он не мог не знать, потому что агенты ATF регулярно патрулируют такие ярмарки. Но в своём affidavit он умышленно опустил слово «сувенирные». Он опустил факт наличия деревянных подставок. Он представил куски пустого металла как доказательство террористического заговора.

Из материалов Конгрессионального расследования 1996 года: «Заявление под присягой Агилеры содержало многочисленные ошибки и искажения, которые в совокупности делали его крайне ненадёжным. В заявлении ошибочно утверждалось, что у Кореша был британский противотанковый карабин калибра .52, тогда как на самом деле он владел законным оружием Barret Light .50. В нём также содержались ложные сведения о деталях M16, приобретённых у компании Nesard, с намёком, что они могли быть использованы для переделки полуавтоматического оружия в автоматическое. Заявление не упоминало, что корпуса гранат, указанные как “основание для подозрений”, фактически продавались как безобидные сувениры-бумажные пресс-папье».

Я читала дальше, и с каждой строчкой масштаб фальсификаций становился всё более сюрреалистичным.

Агилар утверждал, что община тайно закупает детали для переделки легальных полуавтоматических винтовок AR-15 в нелегальные автоматические пулемёты. В качестве доказательства он приводил чеки на покупку запчастей у компании Nesard. Но, как я выяснила из справочников, покупка этих деталей сама по себе не являлась преступлением. Преступлением была бы сама переделка — фрезеровка ствольной коробки, установка автоматического шептала. Агилар не привёл ни единого доказательства того, что такая переделка когда-либо осуществлялась. У него не было ни фотографий станков, ни показаний о том, что кто-то видел процесс модификации. Он просто взял легальную покупку запчастей и экстраполировал её в уголовное преступление, основываясь исключительно на своей фантазии.

Чтобы подкрепить образ военизированного культа, Агилар сослался на то, что члены общины читают «подпольную экстремистскую литературу». В качестве примера он привёл журнал *Shotgun News*.

Я отложила ручку, встала из-за стола, подошла к окну и посмотрела на заснеженную улицу. *Shotgun News*. Я видела этот журнал в газетном киоске на углу моей улицы в Чикаго. Это был огромный, толстый каталог, похожий на телефонную книгу, в котором публиковались объявления о продаже охотничьих ружей, камуфляжной одежды, палаток и запчастей. Его тираж составлял более ста шестидесяти тысяч экземпляров. Он доставлялся почтой по всей стране. Называть его «подпольным изданием» было всё равно что называть каталог Sears секретным манифестом.

Но судья, подписывавший ордер, скорее всего, не был охотником. Он увидел слова «подпольная литература» и поверил федеральному агенту на слово.

Однако самая чудовищная ложь ждала меня на двадцать восьмой странице документа. Ложь, которая объясняла присутствие военных вертолётчиков и танков Национальной гвардии.

Закон США, известный как Posse Comitatus Act, строго запрещает использование вооружённых сил против гражданского населения на территории страны. Полиция и федеральные агентства не могут просто так попросить у армии танки для ареста подозреваемых. Закон США, известный как Posse Comitatus Act, ограничивает использование федеральных вооружённых сил для непосредственного исполнения

законов внутри страны. К началу 1990-х существовал ряд законных форм косвенной военной поддержки правоохранительных органов, а специальные нормы о борьбе с наркотиками позволяли предоставлять дополнительную помощь на определённых условиях.

Агилару нужны были вертолёты. Ему нужна была бронетехника для его «динамичного вторжения». И поэтому в аффидевите появился пункт о наркотиках.

Агент под присягой заявил, что на территории «Горы Хорив» функционирует активная лаборатория по производству метамfetамина. Он сослался на показания информатора, который якобы видел химическое оборудование и специфические реактивы в одном из отдалённых зданий на территории ранчо.

Я начала судорожно рыться в своих записях, сопоставляя даты. Информатор, на которого ссылался Агилар, покинул общину несколько лет назад. Я нашла выписку из земельного кадастра округа Макленнан, которую запрашивала ранее, пытаясь составить план ранчо.

Здание, о котором шла речь. Старый сарай на северной границе участка.

В выписке из пожарного департамента Вэйлора значилось: «Строение полностью уничтожено огнём в результате случайного возгорания. Дата инцидента: апрель 1990 года».

Весна 1990 года. Три года назад.

Здания не существовало. Оно сгорело дотла за три года до того, как Агилар сел писать свой рапорт. Но агент ATF хладнокровно вписал несуществующую лабораторию в несуществующем здании в официальный документ, чтобы обмануть Министерство обороны и получить бесплатную военную поддержку. Он превратил религиозную общину в наркокартель росчерком пера.

Из материалов Конгрессионального расследования 1996 года: «Комитет Конгресса США пришёл к выводу, что ATF сознательно ввело в заблуждение Министерство обороны и военных, преувеличивая сведения о причастности “Ветви Давидовой” к наркоторговле. Это позволило ATF получить военную поддержку без финансовой компенсации... Здание, в котором, по утверждению источника,

находилось оборудование для производства наркотиков, сгорело весной 1990 года. Однако военные документы свидетельствуют, что ATF сообщало военным о наличии активной лаборатории по производству метамфетамина».

Я сидела за столом, обхватив голову руками. Передо мной лежал не просто документ с ошибками. Передо мной лежала анатомия государственного преступления.

Каждый пункт этого аффидевита был сконструирован с одной целью: дегуманизировать людей внутри здания и оправдать применение к ним максимальной, смертоносной силы.

Агилар упомянул в тексте показания заместителя шерифа Терри Фуллера, который якобы слышал «мощный взрыв» со стороны ранчо, намекая на испытания бомб. Но я уже знала из местных газетных архивов, что сам шериф Фуллер провёл проверку этого инцидента и официально закрыл дело, установив, что община легально использовала строительный динамит для выемки грунта под новый септик. Агилар взял факт взрыва, но умышленно отсёк результаты полицейской проверки, превратив строительные работы в акт терроризма.

Из материалов Конгрессионального расследования 1996 года: «В документе ссылались на свидетельство помощника шерифа, который слышал звук мощного взрыва с территории Маунт-Кармел. Однако не было указано, что расследование самого шерифа показало: “Ветвь Давидова” легально использовала взрывчатые вещества во время строительных работ... Расследование ATF в отношении давидианцев было вопиюще некомпетентным. Оно не соответствовало минимальному уровню профессионализма, которого можно ожидать от крупного федерального правоохранительного органа».

Я собрала листы термобумаги в ровную стопку. Мои пальцы были испачканы красными чернилами.

Вся эта осада, все эти танки, кружащие вокруг деревянного дома моей сестры, слепящие прожекторы по ночам, крики умирающих кроликов из громкоговорителей, пуля, раздробившая плечо Томаса, — всё это базировалось на абсолютной, стопроцентной, доказуемой лжи.

Они не ошиблись. Они не были введены в заблуждение. Они сознательно сфабриковали реальность. Они взяли легальную винтовку и назвали её противотанковой. Они взяли деревянные сувениры и назвали их боевыми гранатами. Они взяли пепелище трёхлетней давности и назвали его метамфетаминовой лабораторией. Они взяли почтовый каталог и назвали его подпольным манифестом.

И самое страшное заключалось в том, что система уже пришла в движение. Судья поставил свою подпись. Военные выделили технику. Пресса подхватила нарратив.

Я медленно провела ладонью по шершавой поверхности титульного листа. В комнате было тихо, только за окном глухо гудел ночной чикагский трафик.

Я больше не была просто испуганной сестрой, пытающейся узнать о судьбе своих родных. Я держала в руках физическое, неопровержимое доказательство того, что правительство Соединённых Штатов совершило подлог, приведший к массовому кровопролитию. Я видела, как слова на бумаге превращаются в пули. И я знала, что пока этот документ остаётся тайной, у Рэйчел, Сары, Михея и десятков других людей внутри «Горы Хорив» нет ни единого шанса выйти оттуда живыми.

Я подняла трубку телефона, лежащего на краю стола, и вслушалась в ровный, непрерывный гудок линии. Мне нужно было заставить кого-то прочесть эти страницы. Кого-то, кто не был частью этой системы. Кого-то, кто мог бы прорвать информационную блокаду до того, как танки снаружи получат приказ двигаться вперёд.

Глава 11. Эби, меня не показывают людям

Красный огонек на передней панели старой видеокамеры Panasonic мигал в полумраке коридора, словно крошечный, пульсирующий маяк надежды.

Был вечер 8 марта. Осада длилась уже больше недели. Воздух внутри «Горы Хорив» стал густым от цементной пыли, запаха немых тел и пороховой гари, вьющейся в деревянные стены. Мы жили в режиме постоянного, изматывающего

ожидания следующего удара, вздрагивая от каждого лязга гусениц бронетехники за окнами. Но в этот вечер внутри здания царило странное, почти забытое оживление.

Переговорщики ФБР по полемому телефону постоянно требовали доказательств того, что дети живы. Они утверждали, что мы держим их в заложниках, что они истощены, напуганы и подвергаются насилию. И тогда Дэниел принял решение. Если слова по телефону не работают, если наши заверения разбиваются о стену недоверия, мы покажем им правду. Мы снимем видеокассету и передадим ее наружу.

Это казалось таким простым и гениальным выходом. Видеокамера не умеет лгать. Объектив зафиксировывает реальность такой, какая она есть.

Я сидела на полу, скрестив ноги, и пыталась привести в порядок своих детей. Воды почти не было, поэтому я использовала влажную тряпку, смоченную последними каплями из утреннего пайка, чтобы стереть серую пыль с лица Сары. Она морщилась, но терпела. Я расчесала ее спутанные волосы пальцами, заплела их в тугую косу и поправила воротник ее платья. Михай сидел у меня на коленях, сжимая в руках своего потрепанного плюшевого медведя.

— Мама, зачем мы это делаем? — тихо спросила Сара, глядя на суету вокруг.

Джулиан, наш учитель математики, настраивал фокус камеры, пока Дэниел проверял заряд аккумулятора. Батарея была на исходе, у нас было всего около сорока минут записи.

— Мы будем снимать кино, милая, — я постаралась улыбнуться, хотя губы потрескались от обезвоживания. — Мы отправим эту кассету тете Эбигейл и другим людям снаружи. Они увидят, что с вами все хорошо, что вы здоровы и никто вас не обижает. И тогда они поймут, что совершили ошибку. Они уберут танки, и мы сможем выйти.

В глазах дочери мелькнул проблеск надежды. За эти дни она привыкла к темноте и грохоту, но мысль о том, что этот кошмар может закончиться благодаря простому видео, заставила ее выпрямить спину.

Съемка началась. Мы назвали эту запись «Внутри Горы Хорив».

Дэниел взял камеру и пошел по коридорам. Он не снимал баррикады или оружие. Он снимал людей. Он подходил к каждой матери, к каждому ребенку. Объектив выхватывал из полумрака лица, которые за последние дни осунулись и побледнели, но сохранили свое человеческое достоинство.

Я помню, как перед камерой встала маленькая Эби, дочь одной из наших соседок. Ей было всего семь лет. Она смотрела прямо в объектив своими огромными, серьезными глазами и говорила звонким голосом: «Привет, бабушка и дедушка. Я скучаю по вам. У нас все хорошо. Мы кушаем, мы играем. Пожалуйста, скажите этим людям на танках, чтобы они уехали. Мы просто хотим жить в нашем доме».

Затем очередь дошла до нас. Я посадила Михея на колени, обняла Сару за плечи и посмотрела в темный зрачок объектива. Сердце колотилось в груди. Я знала, что по ту сторону экрана на меня будет смотреть весь мир. Я хотела передать им всю свою любовь, всю свою мольбу о здравом смысле.

— Меня зовут Рэйчел Лейн, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Это мои дети, Сара и Михей. Мой муж Томас ранен, но он жив. Мы не заложники. Никто не держит нас здесь силой. Мы боимся выходить только потому, что по нам стреляли. Посмотрите на моих детей. Разве они похожи на жертв? Мы любим их больше жизни. Пожалуйста, дайте нам возможность разрешить это мирно.

Мы снимали, как дети рисуют мелками при свете единственного фонаря. Мы снимали, как доктор Вэнс осматривает раненых, демонстрируя, что мы заботимся друг о друге. Мы показывали простреленные стены, чтобы мир увидел, кто на самом деле принес насилие в наш дом.

Когда аккумулятор окончательно сел, и красный огонек погас, по коридору прокатился коллективный вздох облегчения. Мы сделали это. Мы создали неопровержимое доказательство нашей человечности.

Кассету аккуратно упаковали в пластиковый пакет. Дэниел связался с переговорщиками, и через час один из наших мужчин, подняв руки, приоткрыл входную дверь и положил пакет на крыльцо. Бронированная машина ФБР медленно подъехала к зданию, из нее высунулся человек в шлеме и забрал кассету.

В ту ночь мы спали немного спокойнее, несмотря на слепящий свет прожекторов и рев громкоговорителей. Мы верили, что завтра утром Америка проснется, включит телевизоры и увидит наши лица. Увидит улыбку Сары. Услышит голос маленькой Эби. Мы верили, что правда обладает собственной, непреодолимой силой, способной остановить любую военную машину.

В Чикаго Эбигейл сидела на полу своей гостиной, обхватив колени руками. Перед ней светился экран телевизора. На журнальном столике лежала стопка чистых видеокассет — она приготовилась записывать каждый выпуск новостей, чтобы сохранить кадры с сестрой и племянниками.

Она знала о кассете. ФБР официально объявило на утреннем брифинге, что они получили видеозапись изнутри комплекса. Эбигейл отменила все свои уроки в школе, взяла больничный и не отходила от экрана ни на шаг. Ее сердце сжималось от предвкушения. Увидеть Рэйчел живой, увидеть, как подросла Сара, убедиться, что маленький Михей в порядке — это было все, чего она желала в тот момент.

На экране появился логотип экстренного выпуска новостей CNN. Камера переключилась на пресс-центр ФБР, развернутый в Вэйлоре. К трибуне, утыканной десятками микрофонов, подошел официальный представитель бюро. Его лицо было суровым, непроницаемым, выражающим государственную озабоченность.

Эбигейл подалась вперед, затаив дыхание.

— Сегодня утром мы получили видеокассету от лиц, забаррикадировавшихся внутри комплекса, — начал представитель ФБР, чеканя каждое слово. — Мы внимательно изучили эти материалы.

Он сделал паузу, обводя взглядом собравшихся журналистов.

— Бюро приняло решение не публиковать данную видеозапись и не передавать ее средствам массовой информации для трансляции.

Эбигейл замерла. Ей показалось, что она ослышалась.

— Почему? — выкрикнул один из репортеров из зала. — Общественность имеет право видеть, что происходит внутри!

Представитель ФБР наклонился к микрофонам.

— То, что находится на этой кассете, не является объективной реальностью. Это классический пример культовой пропаганды. Лидер группы использует детей в качестве живого щита и инструмента для манипуляции общественным мнением. Дети на видео выглядят ухоженными, но наши эксперты подтверждают, что их поведение срежиссировано. Трансляция этих кадров сыграет на руку преступникам и может спровоцировать сочувствие к террористам. Мы не предоставим им национальную платформу для распространения их идеологии.

Вместо видео ФБР выпустило лишь несколько размытых, черно-белых стоп-кадров, на которых лица детей были неразличимы, и пару коротких аудиофрагментов, вырванных из контекста, где голос Дэниела звучал резко и напряженно.

Эбигейл смотрела на экран, и внутри нее поднималась волна ледяного, парализующего ужаса.

Они скрыли доказательства. Государственное агентство, обладающее монополией на информацию с места событий, просто взяло физическое подтверждение человечности людей внутри здания и спрятало его в сейф. Они лишили Рэйчел и ее детей права на голос. Они лишили их лиц.

Но информационный вакуум не мог оставаться пустым. Если ФБР отказалось показывать реальных людей, телевизионным продюсерам нужно было заполнить эфирное время чем-то другим. И они заполнили его теми, кто был готов интерпретировать невидимую кассету.

Камера в студии переключилась на ведущего, рядом с которым на разделенном экране появились два человека. Эбигейл уже знала их лица наизусть. Это были те самые люди, чьи имена она обводила красным маркером на своей пробковой доске.

Симсен Хансен сидел в кресле нью-йоркской студии. На нем был безупречный темно-синий костюм, галстук идеально подобран в тон. Его лицо выражало глубокое, профессиональное сочувствие, смешанное с академической строгостью.

— Мистер Хансен, — обратился к нему ведущий. — ФБР утверждает, что дети на видео выглядят счастливыми и здоровыми. Как это соотносится с вашими заявлениями о том, что внутри происходит насилие?

Хансен снисходительно улыбнулся, поправив микрофон-петличку на лацкане пиджака.

— Это классическая ошибка восприятия, которую допускают обыватели, — начал он бархатным, уверенным голосом. — Вы ожидаете увидеть плачущих, избитых заложников. Но мы имеем дело с тоталитарной сектой. Эти люди не просто удерживаются физически, их разум полностью поработан. То, что дети улыбаются на камеру, лишь доказывает глубину их психологического программирования.

Он сделал многозначительную паузу, позволяя своим словам осесть в сознании миллионов зрителей.

— Они больше не являются самостоятельными личностями. Это зомби, готовые к суициду по первому приказу своего лидера. Их улыбки — это улыбки людей, потерявших связь с реальностью. Их слова вложены им в уста. Мы не должны обманываться этой картинкой. Спасти их можно только путем полного, принудительного извлечения из этой среды и длительного депрограммирования.

Эбигейл вцепилась пальцами в подлокотники кресла. Логика Хансена была чудовищной в своей безупречной замкнутости. Это была идеальная ловушка, из которой не существовало выхода. Если люди внутри плачут и просят о помощи — значит, они жертвы культа, которых нужно спасти силой. Если они улыбаются и говорят, что у них все хорошо — значит, они запрограммированные зомби, которых тем более нужно спасти силой. Любое проявление их человечности, любая попытка защитить себя оборачивалась против них самих. Их лишили статуса субъектов. Их превратили в объекты, чьи собственные чувства и слова не имели абсолютно никакого значения.

В разговор вступил второй гость эфира — Дик Росс. В отличие от лощеного Хансена, Росс выглядел более агрессивным, его взгляд был колючим и безапелляционным.

— Эта кассета — не более чем тактическая уловка, — заявил Росс, рубя воздух ладонью. — Они тянут время. Я изучал подобные группы годами. Когда они понимают, что окружены, они начинают играть с властями в кошки-мышки, записывая подобные видео, чтобы снизить бдительность спецназа. Но внутри они уже готовят яд или взрывчатку. Каждый день промедления приближает массовый суицид. ФБР поступило

абсолютно верно, скрыв эту пленку. Общество не должно испытывать ложной эмпатии к фанатикам.

Ложная эмпатия.

Эбигейл закрыла лицо руками. Эти два человека, сидящие в безопасных, кондиционируемых студиях за тысячи миль от Техаса, прямо сейчас выносили смертный приговор ее сестре. Они методично, профессионально и хладнокровно уничтожали саму возможность сострадания со стороны американского общества. Они превращали Рэйчел, Томаса, Сару и Михея в абстрактную угрозу, в безликих «зомби», чье уничтожение не вызовет у зрителей ничего, кроме чувства облегчения.

Она смотрела на экран, где внизу бежала новостная строка: «Эксперты предупреждают о неизбежности массового самоубийства. ФБР усиливает давление».

Они не просто комментировали события. Они создавали реальность, в которой применение танков и газа против женщин и детей становилось единственным логичным и морально оправданным шагом.

Звонок раздался на следующий день, ближе к вечеру.

Полевой телефон, заброшенный ФБР в окно первого этажа «Горы Хорив», издал резкий, дребезжащий звук. Я сидела неподалеку, пытаюсь накормить Михея остатками сухих крекеров. Дэниел кивнул мне, разрешая снять трубку. Переговорщики иногда позволяли короткие звонки родственникам, надеясь, что давление семьи заставит нас сдаться на их условиях.

Я подняла тяжелую пластиковую трубку. Связь была отвратительной, полной статического треска и гула генераторов.

— Алло? — мой голос прозвучал хрипло.

— Рэйчел! — крик Эбигейл прорвался сквозь помехи, полный отчаяния и боли. — Рэйчел, это я!

— Эби... — я прикрыла глаза, чувствуя, как по щекам катятся горячие слезы. Услышать родной голос из внешнего мира было сродни глотку свежего воздуха в склепе. — Эби, слава Богу. Ты видела? Скажи мне, что ты видела!

— Что видела, родная? — голос сестры дрогнул.

— Кассету! — я вцепилась в трубку обеими руками, подаваясь вперед. — Мы передали им видео вчера вечером. Мы сняли Сару, Михея, всех детей. Мы показали, что мы живы, что мы нормальные люди. Ее показали по телевизору? Люди поняли, что мы не террористы? Скажи мне, что они остановили танки!

На другом конце провода повисла тяжелая, мертвая тишина. Я слышала только прерывистое дыхание Эбигейл и треск статического электричества. Эта тишина длилась всего несколько секунд, но в ней уместилась целая вечность. Мое сердце, которое еще минуту назад билось от надежды, начало медленно проваливаться в ледяную пустоту.

— Эби? — прошептала я. — Почему ты молчишь?

— Рэйчел... — Эбигейл всхлипнула. Она пыталась сдержать рыдания, но ее голос ломался. — Рэйчел, прости меня. Прости.

— Что случилось? Они не передали ее на телевидение?

— Они забрали ее, Рэйчел. ФБР провело пресс-конференцию. Они сказали, что это пропаганда. Они отказались показывать ваши лица. Они показали только пару размытых фотографий и включили звук на несколько секунд. Никто не видел Сару. Никто не видел Михея. Никто не видел ваших улыбок.

Я медленно опустилась на колени, прижимаясь спиной к простреленной стене. Воздух внезапно стал слишком плотным, чтобы им дышать.

— Как... как они могли? — мой голос превратился в жалкий шелест. — Это же наши дети. Это доказательство. Мы просто хотели показать, что мы люди.

— Я знаю, родная, я знаю! — Эбигейл плакала в трубку, не скрывая своего отчаяния. — Но они не хотят, чтобы вы были людьми! Рэйчел, послушай меня. Везде, на всех каналах сидят эти эксперты. Симсен Хансен, Дик Росс. Они комментируют вашу кассету, даже не показывая ее!

— Что они говорят? — я почувствовала, как внутри меня поднимается холодная, темная волна абсолютного бессилия.

— Они называют вас зомби, Рэйчел. Хансен сказал в прямом эфире, что вы — зомби, готовые к суициду. Он сказал, что если дети улыбаются, это значит, что они

запрограммированы. Они убеждают всю страну, что вы лишены разума, что ваши слова ничего не значат. Они создают стену, через которую невозможно пробиться!

Зомби.

Слово ударило меня наотмашь. Я посмотрела на Сару, которая сидела в нескольких метрах от меня. Она рисовала на куске картона обломком синего мелка. Ее лицо было перепачкано сажей, платье порвано на подоле, но она старательно выводила контуры домика с трубой и солнцем. Моя умная, добрая девочка, которая знала названия всех птиц на нашем ранчо и любила петь по утрам.

Для людей снаружи она больше не была Сарой Лейн. Она была запрограммированной единицей. Зомби.

Я посмотрела на Томаса, который лежал на матрасе в соседней комнате, стиснув зубы от боли в раздробленном плече. Мой муж, плотник, чьи руки пахли свежей стружкой и льняным маслом. Для них он был безмозглым фанатиком, террористом.

Слезы хлынули из моих глаз непрерывным потоком. Это были не слезы страха перед пулями или танками. Это были слезы глубочайшего, экзистенциального ужаса от осознания того, что нас стирают из реальности. Нас убивали не только физически. Нас убивали информационно, лишая нас права на человеческую природу.

— Эби, они нас не показывают людьми, — зарыдала я в трубку, раскачиваясь из стороны в сторону. — Они прячут наши лица. Они забирают наши голоса и отдают их этим экспертам. Мы кричим из-под завалов, а они включают музыку, чтобы никто не слышал нашего крика.

— Я борюсь, Рэйчел! — кричала Эбигейл сквозь слезы. — Я собираю документы, я звоню журналистам! Я пытаюсь прорвать эту блокаду! Я не сдамся, слышишь?!

— Эби, они готовятся нас убить, — я произнесла это с пугающей ясностью, внезапно осознав конечную цель этой кампании. — Если они убедили мир, что мы зомби, значит, им больше не нужно нас спасать. Зомби не спасают. Их уничтожают. Эта кассета была нашим последним шансом достучаться до их сердец. А они просто выключили экран.

Снаружи раздался тяжелый, вибрирующий гул. Танки снова пришли в движение, начиная свой ежевечерний ритуал устрашения, сминая остатки наших заборов. Свет прожекторов ударил в разбитые окна, разрезая полумрак коридора на острые, слепящие фрагменты.

— Миссис Лейн, ваше время вышло, — раздался в трубке холодный, металлический голос агента ФБР, контролирующего линию.

— Эби! — я вцепилась в трубку так, что побелели костяшки пальцев. — Эби, ответь мне только на один вопрос!

— Да, родная, да!

Я смотрела на своих детей, освещенных безжалостным светом полицейских прожекторов, и чувствовала, как мое сердце разрывается от несправедливости, масштабы которой я не могла постичь.

— Почему они так хотят, чтобы мы были монстрами?

Глава 12. Расследование Эбигейл. Часть 3.

Московский след

Тяжёлые дубовые двери кафедры религиоведения Чикагского университета всегда казались мне границей, отделяющей суету внешнего мира от пространства чистого, беспристрастного академического анализа. В середине марта 1993 года, когда осада техасского ранчо перешагнула двухнедельный рубеж, я пришла сюда не за утешением. Мне нужна была оптика, способная сфокусировать разрозненные фрагменты моего расследования в единую картину.

Я уже знала имена телевизионных «экспертов». Я знала об их криминальном прошлом и сфабрикованных affidavits. Но меня не отпускал один вопрос: как маргинальная группа самопровозглашённых депрограмматоров смогла выработать

настолько безупречный, унифицированный язык? Их терминология — «контроль сознания», «деструктивный культ», «зомбирование» — звучала слишком слаженно, слишком профессионально для людей без профильного образования. Это был не просто сленг уличных похитителей. Это был выверенный лингвистический конструкт.

Доктор Арис Торн, профессор социологии религии, с которым я часто пересекалась на междисциплинарных семинарах, сидел за своим массивным столом, заваленным гранками будущих монографий. В его кабинете пахло старой бумагой, крепким чёрным чаем и трубочным табаком. Я разложила перед ним свои записи: списки имён, выдержки из телевизионных интервью, газетные заголовки.

Торн долго изучал мои бумаги, потирая переносицу. Его лицо, обычно оживлённое академическим азартом, становилось всё более мрачным.

— Вы ищете источник этой риторики здесь, в Соединённых Штатах, Эбигейл, — наконец произнёс он, отодвигая от себя лист с цитатами Симсена Хансена. — И это логично, учитывая, что ваша сестра находится в Техасе. Но вы смотрите на проблему через слишком узкий объектив. То, что вы здесь собрали, — это не локальный американский феномен. Это экспортный товар.

— Экспортный? — я нахмурилась, доставая блокнот. — Вы хотите сказать, что они продают эту идеологию за рубеж?

— Я хочу сказать, что они мыслят глобально, — Торн поднялся, подошёл к высокому стеллажу и вытянул толстую папку с надписью «Восточная Европа: Транзитный период». — Подумайте о геополитическом контексте. Советский Союз рухнул чуть больше года назад. Семьдесят лет государственного атеизма закончились в одночасье. Образовался колоссальный, беспрецедентный в новейшей истории идеологический вакуум. Миллионы людей, потерявших прежнюю систему координат, начали искать новые смыслы. В Россию хлынули миссионеры со всего мира. И ровно в этот же момент, словно по щелчку невидимого тумблера, там начала формироваться агрессивная, прекрасно организованная структура противодействия.

Он положил папку передо мной. — Если вы хотите понять истинный масштаб сети, которая сейчас уничтожает репутацию вашей семьи в Техасе, вам нужно посмотреть, что происходит на другом конце земного шара. Прямо сейчас. В эти самые дни.

Следующие несколько суток я провела в читальном зале славистики, зарывшись в переводы российской периодики, академические вестники и отчёты международных правозащитных организаций. Я читала дайджесты московских газет, аналитические записки о религиозной ситуации в постсоветском пространстве и стенограммы публичных лекций.

Сначала это казалось безумием. Где Техас, а где Москва? Какое отношение рухнувшая коммунистическая империя могла иметь к деревянному дому, окружённому танками ФБР? Но чем глубже я погружалась в тексты, тем сильнее становилось чувство леденящего узнавания.

Я искала совпадения, а нашла зеркальное отражение.

В начале 1993 года — в том самом году, в те самые весенние месяцы, когда разворачивалась трагедия «Горы Хорив» — в Москве готовились к открытию новой организации — Информационно-консультационный центр имени священномученика Ириней Лионского.

Организацию должен был возглавить человек по имени Александр Дворкин.

Я начала собирать его биографическое досье, выписывая факты из различных интервью и официальных справок. Его жизненный путь был нетипичным для постсоветского чиновника или священнослужителя. В 1970-х годах он эмигрировал из Советского Союза в Соединённые Штаты Америки. Там он получил теологическое образование, интегрировался в западную академическую и медийную среду, работал на радиостанциях, вещавших на страны соцлагеря. А в начале девяностых, как только железный занавес окончательно пал, он вернулся в Москву.

Он вернулся не просто с американским дипломом. Он привёз с собой готовую, отточенную методологию.

Я положила рядом две стопки документов. Слева — распечатки выступлений американских антикультистов, тех самых людей, которые прямо сейчас оправдывали применение слезоточивого газа против детей моей сестры. Справа — переводы первых публичных лекций и статей Александра Дворкина в России.

Я взяла жёлтый текстовыделитель и начала отмечать ключевые фразы.

Слева: *«Они лишены свободы воли. Это деструктивный культ, использующий методы контроля сознания для порабощения своих адептов»*. Справа: *«Эти люди подверглись зомбированию. Мы имеем дело с тоталитарной сектой, которая применяет психотехники для подавления личности»*.

Слева: *«Лидеры этих групп изолируют последователей от общества, чтобы беспрепятственно эксплуатировать их финансово и физически»*. Справа: *«Руководители сект отрывают адептов от семей и государства, превращая их в безвольных рабов для личного обогащения»*.

Тексты совпадали не просто по смыслу. Они совпадали структурно, синтаксически, интонационно. Это была одна и та же методичка, просто переведённая на другой язык и адаптированная под местные страхи.

Я остановилась на термине, который Дворкин ввёл в российский оборот и который мгновенно подхватила местная пресса: «тоталитарная секта».

Как лингвист и историк, я не могла не оценить дьявольскую гениальность этого словосочетания. В Соединённых Штатах сеть CAN использовала термин «деструктивный культ», играя на свежей, болезненной памяти американцев о трагедии в Джонстауне. Слово «культ» в Америке было триггером, мгновенно отключающим критическое мышление и включающим панику.

Но в России начала девяностых слово «культ» не имело такого исторического веса. Зато там было другое слово, от которого у любого жителя постсоветского пространства стыла кровь. «Тоталитарный». Это слово ассоциировалось с ГУЛАГом, с ночными арестами, с абсолютным подавлением личности государством, с репрессиями и лагерями.

Дворкин взял американскую концепцию демонизации религиозных меньшинств и прикрепил к ней самый мощный психологический триггер, доступный в русской культуре. Назвав группу верующих «тоталитарной сектой», он мгновенно переносил на них всю ненависть и весь страх, которые общество испытывало к недавнему коммунистическому прошлому. Это была виртуозная лингвистическая манипуляция. Она не имела ничего общего с теологией или социологией. Это была социальная инженерия в чистом виде.

Я нашла в архивах упоминание о первой крупной публикации Дворкина — брошюре под названием «10 вопросов назойливому незнакомцу». Я запросила её перевод через кафедру славистики. Когда текст оказался у меня на столе, я положила его рядом с книгой Стивена Хассана, одного из главных идеологов американской антикультовой сети.

Сходство было не просто поразительным. Оно было документальным. Российская брошюра практически дословно повторяла целые концептуальные блоки из американского оригинала. Те же самые аргументативные штампы, те же самые приёмы убеждения, та же самая классификация «признаков опасности».

Это не было случайным заимствованием. Это была синхронизация нарративов. Дворкин последовательно и целенаправленно продвигал работы американских депрограмматоров на российском пространстве, легализуя их методы под эгидой своего нового центра. Вчерашний эмигрант внезапно стал непререкаемым авторитетом, чьи субъективные, полные яда оценки начали транслироваться не только в российских, но и в западных медиа.

Я сидела в тишине читального зала, глядя на эти параллельные тексты, и чувствовала, как рушится моя иллюзия о локальности происходящего.

Осада в Техасе не была изолированным инцидентом. Это не была просто ошибка местного отделения ATF или чрезмерная реакция техасской прессы. То, что происходило с моей сестрой, было частью глобального процесса. В то время как в США антикультисты использовали свои связи для натравливания федеральных агентов на ранчо, в Москве их идеологический двойник выстраивал фундамент для аналогичных действий в масштабах целого государства.

Мне нужно было понять архитектуру этой сети. Как именно они функционируют? Какова их конечная цель?

Ответ пришёл из источника, который я обнаружила в закрытой секции криминологической литературы университетской библиотеки. Это была объёмная, сложная для восприятия монография, представлявшая собой глубокий анализ современных форм идеологического экстремизма.

Исходя из фактов, изложенных в книге Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога», Эбигейл видит, как формируется глобальная идеологическая угроза.

Я читала страницы этой книги, и каждое слово отзывалось во мне ледяной ясностью. Автор провёл колоссальную работу, препарирруя методы тех самых людей, чьи лица сейчас не сходили с экранов американских телевизоров, и их коллег за рубежом. Он не рассматривал их как религиозных деятелей или независимых экспертов. Он анализировал их как организованный синдикат, действующий по строгим, повторяющимся алгоритмам.

В книге подробно описывался трёхэтапный процесс, который эта сеть использовала для уничтожения своих жертв. Я переписывала эти этапы в свой блокнот, сопоставляя их с тем, что видела в новостях из Техаса и в переводах из Москвы.

Первый этап — конструирование угрозы. Сеть произвольно выбирает группу людей. Это могут быть фермеры, изучающие Библию в Техасе, или представители нового религиозного движения в Сибири. Группа маркируется ярлыком «деструктивный культ» или «тоталитарная секта». Начинается массированная кампания по демонизации. Людей внутри группы лишают человеческого статуса. Их объявляют «зомби», «биологическими единицами», лишёнными свободы воли. Для легитимации этой лжи используются псевдонаучные концепты вроде «промывания мозгов», которые не имеют под собой ни эмпирической, ни юридической базы, но отлично звучат в телевизионных эфирах.

Второй этап — монетизация «спасения». Создав панику в обществе, сеть предлагает свои услуги по решению проблемы. В США это принимало форму коммерческих контрактов: напуганные родственники платили десятки тысяч долларов таким людям, как Дик Росс, за насильственное похищение и «депрограммирование» своих близких. В России, как следовало из собранных материалов, Дворкин пошёл ещё дальше. Он транслировал эту модель государственным структурам, обменивая свои «экспертные» заключения на статус, влияние и административный ресурс.

Третий этап — легитимация насилия. Это был самый страшный пункт. Под прикрытием «помощи» и «освобождения» осуществлялось физическое принуждение и психологическое давление. Но если уличные депрограмматоры действовали в серой

правовой зоне, рискуя попасть под суд за похищение, то теперь сеть перешла на новый уровень. Они научились вовлекать в свои схемы репрессивные государственные механизмы.

Я перечитала этот абзац трижды. Вовлечение репрессивных государственных механизмов.

Именно это прямо сейчас происходило на «Горе Хорив». Антикультовая сеть не стала сама нападать на ранчо. Они использовали Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием как свою личную армию. Они вложили в уста информаторов нужные слова, они помогли составить фальшивые affidavits, они создали информационную дымовую завесу в прессе. И теперь федеральные агенты, уверенные, что спасают заложников, выполняли грязную работу за тех, кто сидел в телевизионных студиях.

А в Москве Александр Дворкин выстраивал точно такую же систему, но с гораздо большим размахом. Я нашла в переводах российской прессы упоминания о его логистике. Его визиты в различные регионы России не ограничивались лекциями для студентов. В его график в обязательном порядке входили закрытые встречи с местной администрацией, руководителями силовых ведомств, начальниками региональных управлений внутренних дел.

Он проникал в кровеносную систему государственного аппарата. Он выстраивал бесперебойную систему идеологической обработки силового блока. Он учил полицейских и чиновников смотреть на верующих людей через призму своей ненависти. Он навязывал огромной стране свою собственную, глубоко патологическую модель выживания, суть которой сводилась к методичному уничтожению всего, что не вписывалось в его личную трактовку реальности.

Я отложила книгу и потёрла виски. Голова гудела от объёма информации.

Картина, вырисовывавшаяся передо мной, была пугающей в своей симметрии. В США Стивен Хассан и Дик Росс обрабатывали ФБР и ATF, убеждая их в необходимости жёстких мер против «культистов». В России Александр Дворкин обрабатывал постсоветские спецслужбы, убеждая их в необходимости репрессий против

«тоталитарных сект». Они использовали одни и те же слова. Они публиковали одни и те же книги. Они выступали на одних и тех же международных конференциях.

Это не было совпадением. В криминалистике и социологии совпадений такого калибра просто не существует.

Я подошла к окну читального зала. На улице темнело. Студенты спешили по заснеженным дорожкам кампуса, кутаясь в шарфы. Они смеялись, обсуждали экзамены, планировали выходные. Они жили в нормальном, безопасном мире, где слова имеют словарные значения, а государство защищает своих граждан.

Они не знали, что прямо сейчас, в эту самую минуту, в телевизионных студиях Нью-Йорка и в правительственных кабинетах Москвы пишется совершенно другой сценарий реальности. Сценарий, в котором любого из них можно объявить «зомбированным сектантом», лишит базовых прав и уничтожить под аплодисменты одураченной толпы.

Я вернулась к столу и достала чистый лист бумаги. В центре я написала слово «Уэйко». От него провела линию к аббревиатуре «CAN». От CAN стрелки разошлись к именам: Росс, Хассан. От них — толстая, жирная линия через океан, прямо к слову «Москва» и имени «Дворкин».

Я смотрела на эту схему, и внутри меня росло понимание истинной природы того зла, с которым столкнулась моя семья.

Рэйчел думала, что они стали жертвами трагической ошибки. Она верила, что если показать миру видеокассету с улыбающимися детьми, власти поймут свою неправоту и отступят. Она не понимала, что их улыбки не имеют значения для тех, кто написал этот сценарий.

Осада «Горы Хорив» не была операцией по спасению. Это был полигон.

Глобальный синдикат, объединивший людей с садистскими наклонностями под масками «экспертов по культам», тестировал свои методы. Они проверяли, насколько далеко может зайти государственная машина, если её правильно напугать. Они измеряли реакцию прессы. Они смотрели, проглотит ли общество концепцию «двухлетнего члена культа».

И общество глотало.

Успех в Техасе означал, что эта модель работает. А значит, её можно масштабировать. То, что сегодня происходило с горсткой адвентистов на пыльном ранчо, завтра могло произойти с любой другой группой в любой точке мира. Дворкин уже готовил для этого почву в России, создавая прецеденты нетерпимости и обучая силовиков языку ненависти.

Они выстраивали транснациональный конгломерат, глобальную сеть, которая должна была стать гаванью для идеологического террора. Они хотели на легитимном, государственном уровне узаконить право на уничтожение инакомыслящих.

Я аккуратно сложила распечатки, переводы и выписки в свою кожаную сумку. Мои руки больше не дрожали. Страх за сестру, который парализовал меня в первые дни осады, трансформировался во что-то иное. В холодную, расчётливую решимость.

Я знала их имена. Я видела их связи. Я понимала их методы.

Но знание само по себе было мёртвым грузом, если оно оставалось запертым в стенах университетской библиотеки. Мне нужно было найти способ прорвать информационную блокаду. Мне нужно было заставить журналистов, ослеплённых сенсацией, посмотреть на эти документы. Посмотреть на синхронность событий в Техасе и Москве. Увидеть, что они стали слепыми орудиями в руках глобальной сети манипуляторов.

Я вышла из библиотеки в морозную чикагскую ночь. Ветер с озера Мичиган обжигал лицо, но я не ускорила шаг. Я шла к метро, прокручивая в голове план действий на завтрашний день. Кому звонить? В какие редакции отправлять факсы? Как заставить их слушать?

Внезапно моё внимание привлёк газетный киоск на углу улицы. В тусклом свете фонаря желтела передовица вечернего выпуска «Chicago Tribune». Крупный, чёрный заголовок кричал с первой полосы:

«ФБР меняет тактику: переговоры зашли в тупик. эксперты предупреждают о неизбежности силового решения».

Я остановилась, глядя на эти буквы. «Эксперты предупреждают».

Они не предупреждали. Они отдавали приказ.

Спектакль, разыгрываемый в Техасе, входил в свою финальную, самую тёмную фазу. И теперь я точно знала: режиссёры этого спектакля сидели не только в Вашингтоне. Их голоса эхом отражались от стен московских кабинетов, сплетаясь в единую, глобальную симфонию разрушения. И если я не найду способ сорвать с них маски в ближайшие дни, эта симфония завершится кровью моей семьи.

Глава 13. Голос Бога

Пыль внутри нашего дома давно перестала быть просто грязью. Она превратилась во вторую кожу, в неотъемлемую часть воздуха, которым мы дышим. Она оседает на страницах наших Библий, забивается в складки одежды, скрипит на зубах с каждым глотком скудного пайка. К середине марта физическое истощение внутри общины достигло той стадии, когда тело начинает питаться собственными ресурсами, а движения становятся медленными, почти сомнамбулическими.

Мы научились передвигаться по коридорам первого этажа бесшумно, словно тени. Воды оставалось катастрофически мало. Доктор Вэнс установил строжайший режим: несколько глотков утром и вечером, только чтобы поддерживать работу почек. Я видела, как осунулись лица моих соседей. У Марты, нашей пекарихи, всегда отличавшейся румянцем и полнотой, скулы заострились так сильно, что обтянули кожу, сделав её похожей на пергамент. Мой муж Томас проводил большую часть времени в полузабытьи — его простреленное плечо пульсировало жаром, и хотя инфекцию удавалось сдерживать остатками антибиотиков, лихорадка вытягивала из него последние силы.

Сара и Михей спали у меня на коленях, свернувшись в тугие, напряжённые комочки. Дети теряли вес быстрее взрослых. Я отдавала им свою порцию крекеров, размачивая их в капле воды, чтобы Михею было легче глотать, но их маленькие тела всё равно таяли на глазах.

И всё же, вопреки логике физиологии, чем слабее мы становились телесно, тем плотнее смыкались наши духовные ряды. Внешний мир, окруживший нас кольцом

бронетехники, ожидал увидеть панику, истерику и внутренние распри. Они думали, что голод и страх заставят нас вцепиться друг другу в глотки, что мы начнём умолять о пощаде и предавать свои убеждения ради куска хлеба.

Но происходило ровно обратное.

По вечерам, когда снаружи заводились дизельные генераторы и прожекторы начинали резать темноту своими безжалостными лучами, мы собирались во внутренних комнатах, подальше от окон. Кто-то тихо запевал псалом. Голоса были слабыми, надтреснутыми от жажды, но они сливались в единый, чистый аккорд. Мы делились последними каплями воды, передавая пластиковый стаканчик по кругу, как величайшую святыню. Мужчины отдавали свои порции еды женщинам, женщины — детям. В этом тёмном, простреленном, пропахшем порохом и потом пространстве царила абсолютная, кристальная любовь. Мы поддерживали друг друга взглядами, прикосновениями, тихими молитвами. Никто не роптал. Никто не обвинял Дэниела в том, что мы оказались в этой ловушке. Мы знали, кто именно привёл танки к нашему порогу, и эта ясность давала нам силы терпеть.

Однако моя тревога росла с каждым днём, и её источником был не голод. Источником моего страха стал тяжёлый пластиковый аппарат полевого телефона, который федеральные агенты забросили нам в окно в первые дни осады.

Этот телефон был нашей единственной нитью, связывающей нас с теми, кто принимал решения снаружи. Дэниел проводил у аппарата часы. Он пытался вести теологические диспуты, пытался объяснить переговорщикам ФБР наши мотивы, наше понимание Писания, нашу готовность к мирному разрешению ситуации. Он был ранен в живот, его одежда пропиталась засохшей кровью, но он держался за эту трубку, как за спасательный круг, искренне веря, что если он сможет донести до них логику наших действий, они поймут свою ошибку и отступят.

Я сидела неподалёку, баюкая Михея, и могла слышать обрывки этих разговоров. Голос переговорщика на том конце провода всегда звучал ровно, профессионально, с выверенными интонациями человека, прошедшего десятки тренингов по кризисной психологии. Он называл Дэниела по имени, использовал техники активного слушания, выражал показное сочувствие.

Но я начала замечать пугающую закономерность.

Каждый раз, когда переговоры сдвигались с мёртвой точки, каждый раз, когда Дэниел и агенты приходили к какому-то конкретному соглашению, происходило нечто необъяснимое.

Я помню утро двадцать второго марта. Накануне вечером Дэниел долго говорил с координатором ФБР. Они договорились о чётком плане: мы проведём утреннюю молитву, соберём вещи, и группа из десяти человек, включая нескольких матерей с детьми, выйдет наружу через парадную дверь. Взамен ФБР обещало отодвинуть бронетехнику от периметра и заглушить громкоговорители, чтобы не пугать выходящих.

В ту ночь мы почти не спали. Женщины собирали скудные пожитки в наволочки и спортивные сумки. Я помогала Марте застёгивать куртки на её внуках. В воздухе витало хрупкое, робкое чувство надежды. Дэниел стоял у стены, бледный, но спокойный, кивком подтверждая, что время пришло.

Мы подошли к коридору, ведущему к выходу. Наступило утро. Мы ждали обещанной тишины.

Вместо этого снаружи раздался оглушительный рёв танкового двигателя. Земля под нашими ногами содрогнулась. Бронированная инженерная машина M728, которая до этого стояла на почтительном расстоянии, внезапно рванула вперёд. Она не просто приблизилась к зданию. Она на полном ходу врезалась в деревянный навес над нашим крыльцом — тем самым крыльцом, через которое мы должны были выйти с детьми.

Балки затрещали и рухнули, подняв облако едкой пыли. Следом за грохотом ломающегося дерева из громкоговорителей ударил пронзительный, искажённый звук сирены, от которого заложило уши.

Дети с криками бросились обратно во внутренние комнаты. Марта упала на колени, закрывая голову руками. Я схватила Сару и потащила её прочь от осыпающейся стены.

Дэниел бросился к полевому телефону. Его пальцы дрожали, когда он крутил ручку вызова.

— Что вы делаете?! — кричал он в трубку, перекрывая вой сирены. — Мы же договорились! Люди стояли у дверей! Вы чуть не убили нас!

Я видела его лицо в тот момент. В нём не было агрессии, в нём было абсолютное, искреннее непонимание человека, которого только что жестоко предали.

Голос переговорщика из динамика прозвучал с ледяным спокойствием, контрастирующим с хаосом вокруг: — Дэниел, успокойтесь. Произошло недопонимание на тактическом уровне. Водитель машины неправильно понял приказ о смене позиции. Мы контролируем ситуацию. Выводите людей.

Недопонимание.

Я прижала Сару к груди, чувствуя, как по спине ползёт холодный пот. Водитель танка не может «неправильно понять приказ» и случайно снести крыльцо именно в ту минуту, когда за ним стоят женщины и дети, готовые сдаться. Это была не ошибка. Это был выверенный, точечный удар по нашей психике.

И это повторялось снова и снова.

ФБР обещало передать по национальному радио обращение Дэниела в обмен на выход части людей. Обращение передавали, но в урезанном виде, снабдив его издевательскими комментариями дикторов. Дэниел соглашался на новые уступки, просил лишь немного времени для завершения своих записей. Ему давали это время, а затем, посреди ночи, внезапно включали стадионные прожекторы прямо в окна его комнаты и транслировали звуки бормашины на максимальной громкости.

Они систематически, хладнокровно срывали собственные договорённости в самый последний момент. Они создавали иллюзию выхода, позволяли нам поверить в спасение, а затем с размаху захлопывали дверь перед нашим носом, сопровождая это актами бессмысленного вандализма и акустического террора.

Я наблюдала за Дэниелом, и моё сердце сжималось от дурных предчувствий. Он был сильным лидером, харизматичным проповедником, способным часами удерживать внимание аудитории, разбирая сложные библейские тексты. Но он не был готов к столкновению с профессиональной машиной психологического подавления.

С каждым сорванным договором, с каждым новым ударом по доверию в ходе переговоров его поведение начало меняться. Из его голоса уходила уверенность. Он стал более замкнутым, его реакции становились всё более непредсказуемыми. Он мог часами сидеть над своими рукописями, бормоча под нос фрагменты из Откровения, а затем внезапно бросался к телефону, пытаясь снова и снова достучаться до людей, которые явно не собирались его слушать.

Я сидела в темноте коридора, слушая монотонный гул генераторов снаружи, и пыталась осмыслить происходящее. Мой разум, очищенный голодом от всего лишнего, работал с пугающей ясностью.

Зачем они это делают? Если их цель — спасти нас, вывести наружу без потерь, то их тактика абсолютно контрпродуктивна. Любой полицейский знает, что для успешного разрешения кризиса с заложниками или забаррикадировавшимися людьми необходимо выстраивать доверие. Нужно выполнять мелкие обещания, снижать градус напряжения, создавать безопасный коридор.

Но люди снаружи делали всё, чтобы уничтожить малейшие ростки доверия. Они провоцировали Дэниела. Они дразнили его, как дикого зверя в клетке, тыкая в него палками каждый раз, когда он пытался пойти на контакт. Они не хотели, чтобы мы вышли.

Эта мысль ударила меня, как электрический разряд. Я посмотрела на спящих соседей, на измождённое лицо доктора Вэнса, на перебинтованное плечо моего мужа. Власти снаружи не пытались разрешить ситуацию. Они пытались довести её до фатального конца. Им нужен был срыв. Им нужен был повод, чтобы оправдать применение окончательной, смертоносной силы. И для этого им нужно было сломать психику нашего лидера, заставить его отказаться от идеи выхода, загнать его в угол, из которого нет возврата.

Атмосфера внутри здания начала неумовимо меняться. Воздух стал густым, тяжёлым, словно перед грозой. Я физически ощущала это давление. Это было похоже на присутствие в комнате кого-то невидимого, чужого.

Я не могла подобрать правильных слов, чтобы описать это чувство. Я была простой женщиной, матерью, фермером. Я не знала терминов из области психиатрии или

поведенческого анализа. Но мой материнский инстинкт, обострённый до предела постоянной угрозой жизни моих детей, кричал об опасности.

Я чувствовала, что реакции Дэниела больше не принадлежат ему полностью. Словно кто-то снаружи нащупал невидимые нити, ведущие к его сознанию, и теперь методично дёргал за них. Они изучили его профиль. Они поняли его теологическую картину мира, его веру в пророческое предназначение, его ответственность за общину. И теперь они использовали эту веру против него самого, выстраивая вокруг него лабиринт из сорванных договорённостей и внезапных агрессивных выпадов.

К середине апреля этот невидимый психологический шторм продолжался уже много недель.

Дни слились в одну бесконечную, серую полосу. Мы потеряли счёт времени. Дэниел почти не спал. Он работал над толкованием Семи Печатей — текстом, который, как он верил, должен был объяснить миру нашу позицию и стать ключом к нашему освобождению. В середине апреля Дэниел сообщил переговорщикам и адвокатам, что намерен выйти вместе с остальными после того, как закончит рукопись о Семи Печатах. Он говорил, что ему потребуется на это около двух недель.

В тот вечер Дэниел собрал нас всех в центральном коридоре первого этажа. Люди подтягивались медленно, опираясь на стены. Кто-то кашлял от цементной пыли. Я держала Сару за руку, Михей дремал у меня на плече.

Дэниел вышел в центр круга, освещённый тусклым светом единственного керосинового фонаря. Его лицо было серым, под глазами залегли глубокие чёрные тени. Он выглядел как человек, вернувшийся из долгого, изматывающего путешествия по пустыне.

Он обвёл нас взглядом. В комнате стояла абсолютная тишина, нарушаемая лишь далёким гулом вертолёт, кружащего над ранчо.

— Я говорил с ними сегодня, — начал Дэниел, и его голос прозвучал глухо, лишённый привычной проповеднической силы. — Я сказал им, что закончу то, что должен закончить. А потом мы выйдем.

По толпе прокатился тихий вздох. Джулиан, наш учитель, закрыл глаза и прислонился затылком к стене. Неужели это конец? Неужели мы сможем выйти на солнечный свет, напиться чистой воды, уложить детей в нормальные постели?

Но Дэниел поднял руку, призывая к тишине. Его пальцы дрожали.

— Я не знаю, сколько мне понадобится, — продолжил он, глядя куда-то поверх наших голов, в темноту разрушенного лестничного пролёта. — Может быть, две недели. Может быть, меньше. Но я должен закончить Семь Печатей. После этого я выведу вас.

Он замолчал, судорожно сглотнув. Я подалась вперёд, чувствуя, как волосы на моих руках встают дыбом. Что-то было не так. В его позе, в его взгляде сквозила глубокая, неестественная усталость.

— Я молился, — сказал Дэниел шёпотом, который в тишине коридора прозвучал громче крика. — Я просил у Господа дать мне закончить то, ради чего я всё это время жил. И теперь я должен написать этот текст.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинцовые гири.

— Когда я закончу, мы выйдем, — Дэниел перевёл взгляд на нас, и в его глазах плескалась лихорадочная убеждённость человека, загнанного в угол. — Я передам им рукопись. Пусть мир прочтёт её. И тогда всё закончится.

В коридоре воцарилось гробовое молчание. Никто не произнёс ни звука. Люди просто смотрели на своего лидера, пытаясь осознать смысл сказанного.

Я верила в Бога. Мы все здесь верили в Бога. Мы читали Писание, мы искали божественное руководство в нашей повседневной жизни. Но то, что я услышала сейчас, не принесло мне того облегчения, которое, казалось, должно было прийти.

Я смотрела на Дэниела и не узнавала его. Я знала его много лет. Я знала, как звучит его голос, когда он вдохновлён истинным духовным озарением — он становился светлым, полным любви и заботы о пастве. Но сейчас перед нами стоял сломленный, истощённый человек, чьё сознание было измотано неделями акустического давления, бессонницы и постоянных срывов доверия.

Я закрыла глаза, и то самое чувство чужого присутствия в воздухе навалилось на меня с удушающей силой.

Они довели его до этого состояния. Они методично давили на него, лишая его сна, транслируя по ночам крики умирающих животных и другие раздражающие звуки. Они создали вокруг него среду постоянного напряжения, в которой его страхи, религиозные убеждения и ощущение пророческого предназначения только усиливались.

Я не знала, как именно они это сделали. Я не знала о служебных записках, психологических профилях и спорах специалистов о том, усилит ли давление желание людей выйти или, наоборот, заставит их ещё крепче замкнуться внутри. Я была просто матерью, сидящей на грязном полу. Но мне не нужны были секретные документы, чтобы видеть результат.

Я видела, как наш лидер, измученный неделями осады, цепляется за рукопись как за последнюю возможность вывести нас отсюда на своих условиях. И я не могла понять, дадут ли ему закончить её.

Меня мучила другая мысль: что, если снаружи его обещание услышат не как обещание выйти, а как очередную отсрочку? «Он снова тянет время». Этой фразы будет достаточно, чтобы перечеркнуть всё остальное.

Собрание закончилось в тягостном молчании. Люди расходились по своим углам, каждый по-своему пытаясь удержать внезапно появившуюся надежду. Никто не спорил с Дэниелом. У нас не было сил на бунт, да и куда нам было идти? За дверями нас ждали пулемёты и наручники.

Я вернулась на своё место у стены. Томас спал, тяжело дыша. Я уложила Сару и Михея на расстеленное одеяло, укрыла их своей курткой.

Наступила ночь. Снаружи привычно взревели генераторы. Сквозь щели в забаррикадированных окнах ударили лучи прожекторов. Они скользили по стенам, выхватывая из темноты куски оборванных обоев, пулевые отверстия, брошенные детские игрушки.

Я подошла к окну и прильнула глазом к узкой щели между листами фанеры. Техасская равнина была залита мертвенно-белым, искусственным светом. Бронированные машины стояли плотным кольцом, похожие на гигантских металлических жуков, ожидающих приказа к атаке. На позициях по периметру виднелись вооружённые силуэты.

А прямо передо мной, на высоких мачтах, горели лампы прожекторов. Их резкий свет часами бил в здание, не давая темноте стать настоящей темнотой, а ночи — ночью.

Я смотрела на эти прожекторы, и иллюзии, которые я питала все эти недели, окончательно рассыпались в прах. Мы не были гражданами, чьи права пытаются защитить. Мы даже не были преступниками, с которыми ведут переговоры.

Я прижала ладонь к холодной фанере, чувствуя вибрацию от работающих снаружи двигателей. Мне казалось, что кто-то с одной из позиций по периметру смотрит прямо на это окно, сквозь дерево и темноту. Они наблюдали за нами. Мне казалось, они следят за каждой нашей реакцией, проверяя, сколько ещё человек способен выдержать без нормального сна и как далеко можно зайти, усиливая давление на нашего лидера.

В ту ночь мне казалось, что мы находились внутри гигантской, жестокой лаборатории, построенной посреди тexasской степи. За её пределами люди включали и выключали свет, звук, электричество, передвигали бронемашины, приближали и отводили их, а мы внутри реагировали на каждое новое действие, даже когда старались этого не показывать.

Я не знала, чем закончится этот эксперимент с человеческим терпением. Но впервые мне стало страшно не только от того, что Дэниел может отказаться выйти. Мне стало страшно от мысли, что он наконец пообещал выйти — а времени выполнить это обещание ему могут просто не дать.

Глава 14. Расследование Эбигейл. Часть 4.

За линией оцепления

Холодный чикагский ветер с яростью бился в оконное стекло моей гостиной, швыряя в него горсти ледяной крупы, но я не чувствовала холода. Я сидела на полу, скрестив ноги, и неотрывно смотрела на пробковую доску, прислонённую к стене. За

последние недели эта доска превратилась в пугающую карту человеческого лицемерия. Красные нити соединяли фотографии телевизионных экспертов, логотипы антикультовых организаций, вырезки из тexasских газет и распечатки противоречивых свидетельств и судебных материалов. Я видела структуру информационной атаки. Я понимала, как именно они создали образ врага, как лишили мою сестру и её соседей права называться людьми в глазах американского общества.

Но после вчерашнего телефонного разговора с Рэйчел в этой идеальной, замкнутой схеме появилась зияющая, пугающая брешь. Слова сестры непрерывным эхом звучали в моей голове. *«Он слышал голос Бога, велевший ему ждать».*

Я знала Дэниела Кордеша. Я сидела с ним за одним столом на залитой солнцем веранде ранчо, мы спорили о теологии, о текстах Писания, о границах человеческой свободы. Он был глубоко верующим человеком, харизматичным проповедником, склонным к мистическому восприятию мира. Но он не был безумцем. Его действия всегда подчинялись внутренней, пусть и своеобразной, но строгой логике. Внезапный, иррациональный отказ от мирного выхода, о котором уже была достигнута твёрдая договорённость с переговорщиками, не вписывался в тот образ Дэниела, который я знала. Этот внезапный «голос», прозвучавший в его голове именно в тот момент, когда спасение было на расстоянии вытянутой руки, казался искусственным. Чужеродным.

Рэйчел сказала, что почувствовала «что-то чужое в воздухе». Она, находясь внутри этого акустического ада, интуитивно уловила нечто, чему я пока не могла найти рационального объяснения.

Если информационная кампания в прессе была лишь прикрытием, дымовой завесой, то что на самом деле происходило за линией оцепления? Какие методы использовали федеральные агенты, пытаясь воздействовать на людей внутри здания?

Я знала о стадионных прожекторах. Я знала о трансляции криков животных и поп-музыки на оглушающей громкости. Это были очевидные средства психологического давления, способные мешать людям спать и поддерживать постоянное нервное напряжение. Но интуиция подсказывала мне, что это лишь поверхностный слой.

Утром я отправилась в библиотеку Регенстайна, решив сменить вектор поиска. Я больше не искала социологов или религиоведов. Я открыла базы данных, посвящённые

оборонным технологиям, правительственным контрактам и стенограммам международных новостных агентств. Если ФБР применяло нестандартные тактические решения, следы этого могли остаться в публикациях, научной литературе или материалах о программах психологического воздействия.

Часы сливались в единый, монотонный поток мерцающих зелёных строк на экранах терминалов. Я просматривала страницы технической документации, журнальные статьи и доступные правительственные материалы.

Поиск неожиданно увёл меня гораздо дальше — к советским исследованиям скрытого психологического воздействия. Среди множества фамилий мне несколько раз встретилось одно имя: Игорь Смирнов.

Журналисты и авторы отдельных публикаций описывали его как специалиста в области необычных методов психодиагностики и подпорогового воздействия.

Я достала чистый блокнот и начала методично выписывать всё, что могла найти об этом человеке в доступных академических архивах. Поиск по научным публикациям оказался необычным. Игорь Смирнов не был обычным психиатром. Он развивал направление, которое называл «психозкологией». Одним из используемых им терминов была «психокоррекция».

Я читала о самой идее подпорогового воздействия и постоянно возвращалась к словам Рэйчел. Мог ли продолжительный шум, бессонница и страх действительно изменить восприятие Дэниела? Безусловно. Но могло ли за этим скрываться что-то более сложное? На этот вопрос у меня не было ответа.

Я закрыла глаза. В темноте под веками вспыхнуло измождённое, покрытое цементной пылью лицо моей сестры. Я вспомнила её срывающийся шёпот в телефонной трубке: *«Он слышал голос Бога, велевший ему ждать»*.

Я поймала себя на опасной мысли: мне хотелось найти одно объяснение, которое соединит шум, бессонницу, внезапные перемены Дэниела и действия людей снаружи. Но доказательств у меня не было. Пока я могла утверждать только одно: давление существовало, и оно было реальным. Всё остальное оставалось вопросом.

Я встала из-за стола и начала ходить по узкому проходу между стеллажами библиотеки, пытаюсь справиться с приступом удушья. Меня пугало уже то, что методы психологического давления применялись к зданию, где находились дети, раненые и люди, жившие неделями в состоянии постоянного страха.

Мне нужно было узнать больше об Игоре Смирнове. Я вернулась к терминалу и запросила биографические данные Смирнова. Справка, появившаяся на экране, поначалу выглядела стандартно для советского учёного. Родился в 1951 году. Получил медицинское образование. Занимался исследованиями психики.

Затем мой взгляд остановился на фамилии, связанной с его происхождением. Абакумов... Фамилия показалась мне знакомой. Как историк, я изучала период холодной войны и сталинских репрессий, но мне нужно было освежить память. Я открыла историческую энциклопедию.

Виктор Абакумов. Он не был просто партийным функционером. Виктор Абакумов возглавлял Главное управление контрразведки СМЕРШ в годы Второй мировой войны. А с 1946 по 1951 год занимал пост министра государственной безопасности СССР при Иосифе Сталине.

Абакумов принадлежал к высшему руководству советских органов государственной безопасности сталинского периода и был непосредственно связан с системой политических репрессий.

Я сидела перед экраном, пытаюсь не позволить самому факту родства превратиться для меня в доказательство вины сына. Родство ничего не доказывало. Но совпадение заставляло меня продолжать искать.

Я начала искать конкретные сведения о деятельности Абакумова. В исторических материалах я нашла упоминание докладной записки, направленной Виктором Абакумовым Иосифу Сталину 19 февраля 1951 года. Документ касался массового выселения Свидетелей Иеговы из западных республик СССР — операции, вошедшей в историю как «Север».

Я выписала несколько слов из языка советских документов: «антисоветская секта», «главари», «активисты», «вражеская работа». За бюрократическими формулировками стояло решение выселить тысячи мужчин, женщин и детей в Сибирь.

Я смотрела на эти слова, написанные в 1951 году в Москве, и невольно вспоминала язык, которым теперь описывали людей в Техасе.

Я не могла назвать эти две эпохи одинаковыми. Но механизм ярлыка казался пугающе знакомым: сначала сложную группу людей превращают в одно опасное слово, а потом это слово начинает оправдывать всё более жёсткие действия.

Операция «Север» привела к принудительной депортации тысяч Свидетелей Иеговы и членов их семей в Сибирь.

Я закрыла биографическую справку. Наследуется ли способ мыслить о человеческой воле? Конечно, такой вывод был бы слишком простым. Сын не отвечает за преступления отца. Но история заставляла меня внимательнее относиться к любому языку, в котором человек превращается из личности в объект воздействия.

Я открыла свои записи и начала выстраивать схему. С одной стороны находились антикультовые активисты и эксперты, выступавшие в прессе и описывавшие религиозные общины через понятия «промывания мозгов» и «контроля сознания».

С другой — государственные структуры, которые прямо сейчас пытались заставить людей покинуть здание с помощью переговоров, давления, света, громкого звука и демонстрации силы.

Я провела между двумя колонками тонкую красную линию, а рядом поставила знак вопроса. Было бы слишком легко объявить эту линию доказанной связью. Пока её не существовало. Но сам вопрос уже казался важным: где проходит граница между попыткой убедить человека и попыткой сломать его?

Я собрала распечатки, копии исторических материалов и выписки из статей. Моя сумка отяжелела от этого груза, но ясности не прибавилось.

Наоборот — расследование неожиданно разомкнулось.

У меня появились вопросы, на которые доступные материалы пока не отвечали. И впервые за много дней это пугало меня сильнее любой найденной цитаты.

Я вышла из библиотеки в сгущающиеся сумерки. Дождь прекратился, но ветер с озера Мичиган стал ещё более пронизывающим. Я шла по мокрым аллеям кампуса, крепко прижимая сумку к боку. Моя сестра, её раненый муж, маленькие Сара и Михей

находились прямо сейчас внутри осаждённого здания. Они жили среди шума, прожекторов, вооружённых машин и бесконечных переговоров, не зная, каким будет следующий день.

Я всё ещё не знала правды. Именно это было страшнее всего. Но когда я подошла к дверям своей квартиры и посмотрела на телефонный аппарат, стоящий на тумбочке в прихожей, меня накрыло осознание собственного бессилия. Кому я могла позвонить? Кто станет разбираться в моих вопросах, пока вся страна наблюдает за противостоянием как за телевизионным спектаклем?

Газетные заголовки становились всё жёстче. От людей внутри здания оставались главным образом ярлыки, фотографии Дэниела и бесконечные разговоры о «культе».

Я стояла в тёмной прихожей, слушая, как за окном воет ветер, и понимала, что время уходит. Где-то далеко в Техасе моя сестра ждала следующего утра. Я же впервые поймала себя на мысли, что боюсь не тайной технологии и не невидимого оружия. Я боялась гораздо более простой вещи: что люди с обеих сторон перестанут верить в возможность разговора раньше, чем кто-нибудь успеет выйти наружу.

Глава 15. Симфония разрушения

Тяжёлый, ритмичный гул факсового аппарата заполнял тесную гостиную чикагской квартиры, сливаясь с шумом весеннего ливня за окном. Этот звук стал для меня саундтреком последних недель. Я стояла у стола, наблюдая, как машина медленно втягивает в своё нутро листы с собранными материалами. Копия составленного с многочисленными ошибками и спорными утверждениями аффидевита федерального агента. Выписки из материалов о деятельности телевизионных депрограмматоров. Документы о психологическом давлении, военной технике и противоречиях между переговорами и тактическими действиями.

Я отправляла эти пакеты документов в крупнейшие редакции страны. В «Нью-Йорк Таймс», в «Вашингтон Пост», в новостные отделы национальных телеканалов, в независимые синдикаты расследовательской журналистики. Я рассылала их конгрессменам, сенаторам, в офисы правозащитных организаций. Мои пальцы были стёрты до мозолей от постоянного набора номеров, а голос осип от бесконечных уговоров секретарей соединить меня с кем-нибудь, кто принимает решения.

Я верила в силу фактов. Как учитель истории, я всегда внушала своим ученикам, что истина, подкреплённая документами, обладает собственной, непреодолимой гравитацией. Я была убеждена, что если положить перед профессиональным журналистом документы, показывающие серьёзные ошибки и противоречия в действиях государственных ведомств, он ухватится за них мёртвой хваткой. Ведь это была сенсация десятилетия: федеральные ведомства применяют против собственных граждан бронетехнику и методы психологического давления, а часть оснований, использованных для получения военной поддержки, вызывает серьёзные вопросы.

Но факсовый аппарат выплёвывал лишь подтверждения об успешной отправке, которые падали на пол, образуя белую, бесполезную гору. А в ответ стояла глухая, непроницаемая тишина.

На третий день этой изматывающей рассылки я наконец смогла пробиться через кордон секретарей и выйти на прямую линию с Робертом Вэнсом — старшим редактором отдела национальных новостей одного из ведущих чикагских изданий. Я знала его имя по серии блестящих расследований о коррупции в мэрии. Он казался мне человеком, способным мыслить критически.

— Мистер Вэнс, — начала я, стараясь говорить максимально чётко и спокойно, подавляя дрожь в голосе. — Вы получили мою папку? Я отправила её вчера утром. Там содержатся документы, показывающие, что affidavit, на основании которого получали ордера, содержал серьёзные ошибки и вводящие в заблуждение сведения.

На другом конце провода послышался тяжёлый вздох и шорох переключаемых бумаг.

— Да, мисс Лейн. Я просмотрел ваши материалы, — голос редактора звучал устало и отстранённо. — Я понимаю вашу личную вовлечённость. Ваша сестра находится

внутри, и это ужасная трагедия для вашей семьи. Но то, что вы мне прислали... мы не можем с этим работать.

— Не можете работать с официальными документами? — я вцепилась в телефонную трубку. — Там копия аффидевита! Там сведения о старых обвинениях в существовании нарколаборатории и о здании, с которым связывали эти обвинения и которое сгорело ещё в 1990 году! Там документы о том, какое давление оказывается на людей внутри! Это не мои домыслы, это факты!

— Мисс Лейн, послушайте меня внимательно, — тон Вэнса стал жёстче, в нём появились снисходительные нотки профессионала, разговаривающего с дилетантом. — У нас есть репортёры на месте событий. Мы получаем ежедневные брифинги от Министерства юстиции и ФБР. Мы консультируемся с экспертами, которые считают, что их лидер оказывает чрезвычайно сильное психологическое и религиозное влияние на своих последователей.

— Эти ваши «эксперты» вызывают у меня серьёзные вопросы! — вырвалось у меня. — Вы проверяли их биографии? Вы знаете, что некоторые депрограмматоры участвовали в крайне спорных практиках принудительного удержания людей?

— Мы опираемся на информацию наших корреспондентов и консультантов, — отрезал редактор. — Ваша сестра и другие последователи могут быть жертвами глубокой психологической зависимости от лидера. Публикация ваших теорий о заговоре спецслужб только сыграет на руку людям внутри. Мы не станем предоставлять трибуну для оправдания культа. Мне очень жаль, мисс Лейн. Я советую вам молиться, чтобы ФБР смогло вытащить вашу сестру оттуда живой.

Короткие гудки ударили по барабанным перепонкам. Я медленно опустила трубку на рычаг. В комнате было тихо, только дождь продолжал хлестать по стеклу. В этот момент иллюзия, в которой я жила всю свою сознательную жизнь, окончательно рухнула.

Мне казалось, что журналистика, которую я считала сторожевым псом демократии, слишком легко принимает официальную версию событий. Роберт Вэнс не был глупым человеком. Он не был участником заговора. Он просто уже смотрел на происходящее через готовую систему объяснений.

Антикультовый нарратив, который я слышала от телевизионных экспертов, проникал в редакции газет, в кабинеты политиков, в гостиные обычных американцев. Чем чаще людей внутри называли одним и тем же словом — «культ», — тем труднее, как мне казалось, было увидеть за этим словом отдельных людей.

Я подошла к журнальному столику, на котором лежала стопка свежих утренних газет. Я начала методично просматривать передовицы, вчитываясь в тексты статей, посвящённых осаде. Я больше не искала в них правду. Я искала следы того, как именно работает эта система стигматизации.

И я увидела это с пугающей ясностью. Медийное освещение создало в стране образ противостояния, в котором почти всё внимание было сосредоточено на лидере группы, оружии, возможном насилии и угрозе массовой гибели. Читая репортажи из Техаса, я заметила одну деталь, которая раньше ускользала от моего внимания. Имена некоторых людей внутри появлялись в новостях, особенно тех, кто участвовал в переговорах или выходил наружу, но большинство оставалось для публики безликой массой.

Я искала имя Рэйчел. Я искала имя Томаса. Я искала имена Сары и Михея. Их там не было.

Слишком многие тексты, которые я читала, изображали жителей ранчо исключительно как безликую, однородную массу. Они использовали собирательные существительные: «сектанты», «культисты», «фанатики», «последователи».

Я не могла доказать, что это делалось намеренно. Но результат был именно таким: человек постепенно исчезал за ярлыком.

Когда вы называете человека по имени, когда вы пишете, что внутри находится Рэйчел Лейн, мать двоих детей, которая любит печь хлеб и читать псалмы, вы делаете её человеком. Вы заставляете читателя сопереживать ей. Вы заставляете общество задавать вопросы: что переживает эта женщина? Как воздействуют на её детей постоянный страх, яркий свет и громкий шум по ночам?

Но когда вы стираете её имя и называете её просто культисткой или последовательницей, вы лишаете её индивидуальности. Вы превращаете её в объект. И

тогда гораздо легче обсуждать силовые решения, почти не представляя себе конкретных людей, которые окажутся под их воздействием.

Я отбросила газету в сторону и закрыла лицо руками. Мне казалось, что мою семью постепенно стирают из этой истории, оставляя вместо неё только образ опасной группы.

На следующий день я решила сменить тактику. Если пресса отказывается слушать, возможно, закон сможет остановить это безумие. Я собрала свои документы и отправилась в центр Чикаго, в офис одной из самых известных правозащитных организаций, специализирующейся на защите гражданских свобод.

Меня принял старший юрист, седовласый мужчина в дорогом костюме, чьи стены были увешаны дипломами и фотографиями с известными политиками. Я разложила перед ним материалы о привлечении военной техники и Национальной гвардии, показала нестыковки в аффидевите, рассказала о применении громкого звука, прожекторов и других методов психологического давления.

Он слушал меня внимательно, не перебивая. Его лицо оставалось непроницаемым. Когда я закончила, он аккуратно сложил мои бумаги обратно в папку и пододвинул её ко мне.

— Вы проделали впечатляющую работу, мисс Лейн, — сказал он мягким, профессионально-сочувствующим тоном. — С юридической точки зрения, здесь действительно есть вопросы, которые заслуживают проверки. Само использование военной техники ещё не означает нарушения закона, но основания, на которых федеральное ведомство добивалось военной поддержки, выглядят спорно.

— Тогда вы поможете мне? — я подалась вперёд, чувствуя, как в груди вспыхивает искра надежды. — Вы подадите судебный запрет? Вы потребуете независимого расследования действий ФБР?

Юрист покачал головой, отводя взгляд.

— Мы не можем взять это дело.

— Почему? Вы же сами только что признали, что здесь есть серьёзные вопросы!

— Потому что речь идёт о культе, мисс Лейн, — он произнёс это слово так, словно оно было ядовитым. — Сейчас практически любое вмешательство будет воспринято как

поддержка этого культа. А у нас нет возможности за несколько дней проверить всё, что вы принесли, и построить на этом дело против федерального правительства.

— Но ведь во время осады у ФБР нет прямых доказательств того, что детей сейчас подвергают физическому или сексуальному насилию! Старые обвинения — это одно, а утверждать, что это происходит прямо сейчас, совсем другое!

— Именно поэтому такие вещи должны проверяться, — тихо ответил юрист. — Но суд не остановит федеральную операцию только на основании подозрений и материалов, которые принесла родственница человека внутри.

Я вышла из его офиса на шумную улицу, чувствуя себя абсолютно опустошённой. Вокруг меня спешили по своим делам люди. Клерки с портфелями, студенты со стаканчиками кофе, туристы с фотоаппаратами. Они смеялись, разговаривали, жили своей нормальной, безопасной жизнью.

Я смотрела на них и понимала, что они даже не подозревают, насколько сложной становится защита прав человека, когда этот человек уже воспринимается обществом как угроза.

Мне казалось, что достаточно одного ярлыка, чтобы вопросы, которые в другой ситуации вызвали бы немедленную тревогу, вдруг начали восприниматься как второстепенные.

Я вернулась домой и встала перед своей пробковой доской. Красные нити, соединяющие фотографии, газетные вырезки и документы, сплетались в сложный, зловещий узор. Я смотрела на эту схему, и разрозненные фрагменты моего расследования начали сливаться в картину, которая одновременно притягивала и пугала меня своей кажущейся логичностью.

Я всё чаще ловила себя на мысли: а что, если Уэйко — не просто цепь ошибок? Что, если происходящее здесь показывает нечто более общее — насколько легко страх перед необычной религиозной группой меняет границы допустимого?

Я вспомнила материалы из России. Александр Дворкин уже занимался антисектантской деятельностью; совсем недавно, в марте, в Москве проходила конференция, посвящённая одной из новых религиозных групп. Я вспомнила

телевизионные эфиры американских депрограмматоров, говоривших о «контроле сознания» и опасности культов.

Сходство языка тревожило меня, но я старалась не превращать его в доказательство связи, которой пока не могла подтвердить.

На доске постепенно вырисовывалась другая закономерность — последовательность, которая не могла возникать сама собой.

Сначала группа людей, чьи взгляды, образ жизни или верования резко отличались от общепринятой нормы, становилась объектом общественного внимания. Затем появлялись бывшие участники, эксперты, активисты, журналистские расследования. В публичное пространство выходили обвинения: сексуальное насилие, насилие над детьми, финансовые злоупотребления, опасные пророчества.

Пресса подхватывала наиболее драматичные истории. Постепенно образ всей группы начинал складываться из самых страшных обвинений, независимо от того, насколько одинаково хорошо было доказано каждое из них.

И когда общество было достаточно напугано, государству становилось легче применять всё более жёсткие меры. В Техасе я уже видела, к чему это может привести: бронемашины, прожекторы, громкоговорители, отключённое электричество и всё возрастающее тактическое давление.

Но самым страшным в этой схеме было то, как легко любое действие людей внутри можно было интерпретировать против них.

Если люди внутри осаждённого здания пытались защищаться — их можно было назвать агрессивными фанатиками. Если они пытались вести переговоры — решить, что они просто тянут время. Даже обычное спокойствие можно было принять за доказательство патологической преданности лидеру.

Я боялась, что система интерпретаций становилась замкнутой: что бы ни сделал Дэниел, это можно было объяснить через уже созданный образ опасного лидера. Но я всё ещё не знала, означает ли это, что исход действительно предрешён.

Я стояла перед доской, и холодный пот струился по моей спине. Впервые я подумала о том, что последствия происходящего могут оказаться гораздо шире судьбы одной общины.

Если операция закончится катастрофой и общество решит, что подобный уровень силы был неизбежен только потому, что перед ним находился «культ», это может стать опасным прецедентом.

Сегодня это небольшая религиозная община на пыльном ранчо. Завтра в центре подобного кризиса может оказаться другая конфессия. Я не знала, насколько далеко можно провести эту аналогию. Но сам механизм — страх, ярлык, постепенное расширение допустимых мер — пугал меня.

Я посмотрела на красные нити. Мне всё сильнее хотелось соединить американских активистов, европейские организации и зарождавшееся антисектантское движение в России одной линией. Но желание увидеть систему ещё не означало, что система существовала. Мне нужны были факты, а не красивая теория.

Моя сестра оказалась внутри реального кризиса, исход которого становился с каждым днём всё менее предсказуемым.

Я опустилась на пол прямо перед доской, чувствуя, как физическое истощение берёт верх над адреналином. Я не спала нормально уже несколько недель. Мои глаза воспалились от постоянного чтения мелкого шрифта документов. Мой желудок сводило от спазмов, потому что я забывала есть, думая о том, что Рэйчел и дети прямо сейчас живут без электричества, среди постоянного напряжения в темноте простреленного коридора.

Я сделала всё, что могла. Я нашла документы, противоречия, старые свидетельства, имена людей, влиявших на публичное восприятие происходящего. Но чем больше я узнавала, тем меньше могла честно сказать, что понимаю всю картину.

Но я оказалась абсолютно бессильна перед глухой стеной между собой и огромной федеральной операцией, разворачивавшейся за тысячу миль от меня. Мой голос был слишком слаб, чтобы перекричать рёв телевизионных экспертов и гул танковых двигателей. Я была всего лишь школьной учительницей, пытающейся остановить несущийся на полном ходу локомотив голыми руками.

В квартире становилось темно. Дождь за окном перешёл в мелкую, холодную морось. Я поднялась с пола, опираясь на край стола, и побрела на кухню, чтобы налить себе стакан воды.

Проходя мимо стены, я остановилась. Там висел большой перекидной календарь с видами национальных парков Америки. Я всегда любила отмечать на нём даты школьных каникул, дни рождения учеников, планы на выходные. Сейчас этот календарь превратился в хронику затянувшейся осады.

Я смотрела на сетку дней. Февраль был полностью перечёркнут жирным чёрным маркером. Март зиял пустыми, вычеркнутыми квадратами. Мой взгляд скользнул ниже, на текущий месяц. Первая неделя апреля была зачёркнута. Вторая неделя была зачёркнута. Я подняла руку и коснулась пальцем сегодняшней даты. Бумага под подушечкой пальца казалась неестественно холодной.

Новости, которые я слышала сегодня утром по радио, звучали иначе, чем неделю назад. В них всё чаще звучали слова о тупике, затянувшемся противостоянии, безопасности детей и опасности того, что кризис может закончиться массовой гибелью.

Я не знала, означала ли эта перемена, что решение уже принято. Но впервые мне показалось, что ожидание перестаёт восприниматься снаружи как возможная стратегия. Симфония разрушения, которая началась с неудачного рейда и продолжилась неделями переговоров, давления и взаимного недоверия, становилась всё громче.

Я стояла на тёмной кухне, глядя на календарь. Мой палец медленно скользнул вправо, останавливаясь на пустых, ещё не зачёркнутых клетках. Наступала середина апреля.

Воздух в квартире внезапно стал тяжёлым, удушливым, словно пропитанным дымом, которого здесь не было. Я закрыла глаза, и в звенящей тишине чикагской ночи мне почудился далёкий, нарастающий лязг тяжёлых металлических гусениц.

Я не знала, сколько ещё продлится осада. Но впервые за все эти недели мне стало по-настоящему страшно от того, что следующий день может оказаться совсем не похож на предыдущий.

Глава 16. Последние дни

Семнадцатое апреля началось так же, как начинались многие дни почти семи недель нашей изоляции, — с ощущения песка на зубах и ломоты во всём теле. Воздух внутри «Горы Хорив» давно потерял свою прозрачность. Он состоял из взвеси цементной пыли, пыли, запаха невымытых тел и застоявшейся сырости. Мы просыпались не от солнечного света, пробивающегося сквозь заколоченные фанерой окна, а от того, что наши тела больше не могли выносить жесткость бетонного пола.

Но в то утро, едва открыв глаза и прижав к себе замерзшего за ночь Михея, я почувствовала неуловимую перемену. Это было похоже на изменение атмосферного давления перед тем, как долгая, изматывающая засуха наконец сменяется первым дождем. В коридорах первого этажа, где обычно царило напряженное, настороженное молчание, прерываемое лишь стонами раненых, появилось движение. Оно было тихим, почти призрачным, но в нем чувствовалась забытая целеустремленность.

Я осторожно переложил голову спящего сына на свернутую валиком куртку, поправила одеяло на Саре и поднялась на ноги. Мои колени хрустнули. Недели бессонницы и постоянного напряжения оставили след даже на теле: одежда сидела свободнее, движения давались тяжелее. Опираясь о стену, я вышла из нашей импровизированной спальни в центральный коридор.

Там, у единственного уцелевшего стола, освещенного тусклым желтым светом аккумуляторного фонаря, сидел Дэниел.

Он не метался по комнате, как в последние дни. Он не сидел, уставившись в одну точку невидящим взглядом человека, изнурённого бессонницей и постоянным шумом. Он работал. Его спина была согблена, правая рука, испачканная в саже и чернилах, быстро двигалась по листу бумаги. Рядом с ним лежала открытая Библия, страницы которой были испещрены мелкими пометками.

Джулиан, наш учитель математики, стоял рядом, держа в руках стопку исписанных листов. Его лицо, заросшее густой неопрятной бородой, светилось выражением,

которого я не видела с февраля. Это было выражение абсолютного, кристального облегчения.

Я подошла ближе, стараясь не шуметь. Джулиан заметил меня и слабо улыбнулся, кивнув на стол.

— Он пишет, Рэйчел, — прошептал Джулиан так тихо, чтобы не нарушить концентрацию лидера. — Он наконец-то пишет.

Я перевела взгляд на Дэниела. Три дня назад, четырнадцатого апреля, произошло событие, которое прошло почти незамеченным в хаосе нашего выживания, но теперь обретало колоссальный смысл. В тот день Дэниел сообщил через своего адвоката, что получил возможность завершить то, что считал своим последним теологическим трудом, — толкование Семи Печатей. Вместе с этим появилось и главное обещание: после завершения текста он выйдет.

Первый экземпляр рукописи он хотел передать своему адвокату, а копии — двум исследователям Библии, с которыми в последние недели вёл заочный богословский диалог. Как только он убедится, что текст сохранён и сможет быть прочитан людьми снаружи, он обещал выйти.

Для меня не менее важным было то, что рядом с ним всё это время оставался адвокат. Дэниел уже говорил с ним, встречался с ним и обсуждал то, что произойдёт после выхода.

Я помню, как стояла у окна после очередного разговора с адвокатом и думала о том, насколько абсурдной должна казаться наша ситуация любому здравомыслящему человеку снаружи. Телевизионные эксперты, чьи голоса иногда прорывались к нам через обрывки радиопередач, убеждали всю страну, что мы — фанатики, готовые к массовому самоубийству. Они обсуждали возможность того, что всё может закончиться массовой гибелью. Но человек, который планирует умереть, зачем ему адвокат?

Для меня само присутствие адвоката и разговоры о том, что будет после выхода, были доказательством надежды. Дэниел готовился к тому, что после выхода ему придётся отвечать на обвинения и защищать себя в суде. По крайней мере, именно так я понимала происходящее.

И теперь, глядя на то, как быстро двигается его ручка по бумаге, я понимала: ожидание закончилось. Тот странный, парализующий ступор, то наваждение, которое заставляло его тянуть время, отступило. У него была цель. У нас всех появилась цель.

— Я пишу, — тихо сказал Дэниел, не поднимая головы. Его голос был хриплым, сорванным, но в нем звучала былая уверенность. — Первую часть я уже закончил. Нужно идти дальше. Господь открывает мне слова.

Он отложил ручку, потер уставшие глаза и посмотрел на нас. В тусклом свете фонаря его лицо казалось высеченным из серого камня, но в глазах горел живой, осмысленный свет.

— Будьте готовы, — сказал он просто. — Когда я закончу, мы выйдем.

Эти слова пронесли по зданию, как порыв свежего ветра. Новость передавалась из уст в уста, от комнаты к комнате, спускаясь в подвал и поднимаясь на простреленный второй этаж. «Мы выходим. Он пишет. Мы скоро выйдем».

Атмосфера внутри «Горы Хорив» изменилась до неузнаваемости. Страх, который сковывал нас ледяным панцирем все эти недели, начал таять, уступая место осторожной надежде.

Я вернулась в нашу комнату. Томас не спал. Он сидел, прислонившись здоровым плечом к стене, и смотрел на меня лихорадочно блестящими глазами. Его рана все еще воспалялась, несмотря на усилия доктора Вэнса, и каждое движение давалось ему с трудом.

— Ты слышал? — спросила я, опускаясь рядом с ним на колени и беря его горячую, сухую руку в свои.

— Слышал, — он слабо сжал мои пальцы. Его губы тронула слабая улыбка. — Значит, все-таки суд. Значит, мы сможем рассказать правду.

— Да, милый. Мы расскажем им все. Про вертолеты, про то, что произошло в первые минуты рейда. У нас есть адвокат. Эбигейл наверняка уже подняла шум снаружи. Нам просто нужно продержаться еще немного.

Весь день семнадцатого апреля прошел в состоянии тихого, сосредоточенного ожидания. Дэниел писал. Это был сложный теологический текст, полный библейских

аллюзий и метафор, но для нас он значил нечто гораздо большее, чем просто толкование древних пророчеств. Этот текст был нашим билетом на свободу. Нам хотелось верить, что он станет гарантией того, что мир снаружи наконец услышит нас, а не только тех, кто называл нас монстрами.

К восемнадцатому апреля возникла практическая проблема. Я сидела на кухне, разбирая вещи детей, когда туда вошел Джулиан. Он выглядел встревоженным.

— Нам нужны батареи и новая лента, — сказал он. — Рукопись надо перенести в нормальный текст и сохранить.

Доктор Вэнс нахмурился, завязывая узел на бинте.

— Попросите у них.

— У ФБР? — Джулиан нервно усмехнулся. — Они глушат нас сиренами. Вы думаете, они дадут нам то, что нужно?

— У нас нет выбора, — твердо сказал Вэнс. — Если они хотят, чтобы мы вышли, они должны дать ему возможность закончить. Иди к телефону.

Мы снова передали просьбу переговорщикам: нужны были принадлежности для устройства, на котором можно было набрать и сохранить рукопись. Мы ждали подвоха. Мы привыкли к тому, что любая наша просьба могла обернуться новым разочарованием. Но на этот раз реакция была иной.

Вечером пришла неожиданная новость: снаружи согласились передать молоко и новую ленту для устройства, на котором мы собирались набирать текст.

Я смотрела на принесённые принадлежности, и на мои глаза навернулись слезы. Это был не просто канцелярский набор. Это был символ. Это было физическое, осязаемое доказательство того, что диалог существует. Если они прислали то, что мы просили для работы над рукописью, значит, они ждут текст. Если они ждут текст, значит, у нас всё ещё есть шанс закончить всё мирно. Они действительно хотят, чтобы мы вышли.

Я провела пальцами по упаковке. Обычная вещь из обычного мира вдруг показалась мне обещанием, что этот мир всё ещё существует и что мы сможем в него вернуться.

Рядом с Дэниелом устроилась Рут. Он продолжал работать над рукописью, а готовые фрагменты постепенно переносились в электронный текст и сохранялись на диск. Работа над текстом стала нашим новым отсчётом времени. Каждая законченная страница приближала, как нам казалось, момент, когда мы сможем открыть двери и вдохнуть свежий воздух.

— Пора собираться, — сказала Марта, наша пекариха, тронув меня за плечо. Ее обычно круглое лицо осунулось, но в глазах светилась мягкая, материнская решимость. — Идем вниз. Нужно подготовить детей.

Я кивнула и поспешила в подвал, где находилась большая часть женщин и младших детей. Спустившись по бетонным ступеням, я окунулась в атмосферу, разительно отличавшуюся от того ужаса, который царил здесь в первые дни осады. Тогда мы сидели в темноте, вздрагивая от каждого взрыва, ожидая, что потолок рухнет нам на головы. Теперь подвал напоминал зал ожидания на вокзале перед долгим, но неизбежным путешествием.

Женщины доставали из-под матрасов спортивные сумки, наволочки и пластиковые пакеты. Мы начали сортировать вещи. Это была сюрреалистичная задача — пытаться собрать багаж после почти пятидесяти дней жизни в зоне боевых действий.

Я опустилась на колени рядом со своим углом и вытащила небольшую дорожную сумку. Сара сидела рядом, обнимая плюшевого медведя, у которого не хватало одного глаза. Михей спал на расстеленном одеяле.

— Мама, мы поедem к тете Эбигейл? — тихо спросила Сара, наблюдая, как я складываю ее запасное платье.

— Я не знаю точно, милая, — ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно и уверенно. — Сначала нам придется поговорить с полицейскими. Потом, возможно, мы проживем в другом месте, пока адвокаты будут разбираться с бумагами. Но мы обязательно позвоним тете Эбигейл. Она нас ждет.

Я достала из глубины сумки чистую пару носков для Михея. Они пахли детским порошком — запахом, который чудом сохранился сквозь слои пыли. Я прижала их к лицу, вдыхая этот аромат, и почувствовала, как напряжение, сковывавшее мои мышцы полтора месяца, начинает медленно отпускать.

Рядом со мной Мэри, молодая мать двоих мальчиков, пыталась оттереть влажной тряпкой пятно сажи с курточки своего старшего сына.

— Как думаешь, Рэйчел, — прошептала она, не поднимая глаз от своего занятия.
— Они нас разлучат? Социальные службы... они заберут у нас детей?

Этот страх жил в каждой из нас. Мы знали, что произошло с некоторыми взрослыми, вышедшими в марте: их могли задержать или удерживать как свидетелей, а детей отделяли от родителей и передавали под опеку. Эта мысль была невыносимой, она парализовала волю. Но сейчас, зная, что наверху продолжается работа над рукописью, этот страх казался преодолимым.

— У нас есть адвокат, Мэри, — твердо сказала я, складывая носки в сумку. — Мы не просто выходим с поднятыми руками, мы выходим с юридической защитой. Мы покажем им рукопись. Мы сможем объяснить свою сторону. Если они захотят разбираться с тем, что происходило здесь и раньше, пусть разбираются в суде. Мы будем бороться за наших детей.

Мэри кивнула, и ее плечи слегка расслабились.

— Главное — выйти отсюда, — сказала она. — Главное, чтобы над головой больше не летали вертолеты.

Мы продолжали сборы. Я нашла чистую синюю ленточку и аккуратно вплела ее в спутанные волосы Сары. Я хотела, чтобы, когда мы выйдем на свет, когда на нас направят объективы телекамер, мир увидел не «зомбированных сектантов», а обычных, ухоженных красивых детей. Я хотела, чтобы они увидели мою дочь такой, какой она была на самом деле — красивой, умной девочкой, которая заслуживает нормального детства.

Я сложила в сумку Библию, несколько семейных фотографий, которые чудом уцелели при первых обстрелах, и смену белья для Томаса. Сумка получилась легкой. Вся наша прошлая жизнь, все наше имущество оставалось здесь, в этих простреленных стенах. Но мне было все равно. Вещи можно купить заново. Главное, что мы были ещё живы.

К позднему вечеру подвал погрузился в состояние тихого, благоговейного покоя. Сумки были собраны и стояли вдоль стен. Женщины сидели кружками, тихо переговариваясь или молясь. Это не были молитвы отчаяния или просьбы о чуде. Это были молитвы благодарности. Мы благодарили Бога за то, что Он дал Дэниелу силы работать над текстом, за то, что люди снаружи наконец передали необходимые принадлежности, за то, что эта долгая, бессмысленная осада может подходить к концу.

Я поднялась на первый этаж, чтобы проведать Томаса. Коридор был погружен в полумрак, но из комнаты, где работал Дэниел, падал ровный прямоугольник света. Я заглянула в приоткрытую дверь. Дэниел сидел за столом, полностью поглощенный процессом. Рут сидела рядом за устройством, перенося его слова в электронный текст. Возле них лежали исписанные листы и Библия. Их лица были изможденными, покрытыми слоем грязи и пота, но в их движениях была энергия людей, которые видят финишную черту.

Я прошла в соседнюю комнату. Томас спал. Его дыхание было тяжелым, прерывистым, но лицо казалось умиротворенным. Я поправила одеяло на его груди, стараясь не задеть раненое плечо.

— Скоро, милый, — прошептала я, касаясь губами его горячего лба. — Ты окажешься в настоящей больнице. Тебе дадут нормальные лекарства. Все закончится.

Я вернулась в подвал. Время близилось к полуночи. Снаружи продолжалась привычная рутина осады. Взревели двигатели бронемашин. Включились прожекторы, их лучи скользнули по заколоченным окнам верхних этажей. Но в эту ночь происходящее снаружи тревожило меня меньше обычного.

Мы больше не чувствовали себя напуганными людьми, запертыми в ловушке. У нас был план. Шум снаружи казался теперь не угрозой, а лишь досадной помехой, бессмысленным фоном, который скоро исчезнет навсегда. Мы верили, что люди снаружи знают о рукописи и готовы дать Дэниелу закончить её.

Я легла на свой матрас, притянув к себе Сару и Михея. Бетонный пол был холодным, но тепло детских тел согревало меня. Михей тихо сопел, уткнувшись носом мне в шею. Сара положила голову мне на плечо, ее дыхание было ровным и спокойным. Я закрыла глаза.

В моей голове проносились картины ближайшего дня. Я представляла, как Дэниел ставит последнюю точку. Как он сохраняет последний фрагмент текста. Как он берет полевой телефон и говорит переговорщикам: «Я закончил. Мы готовы».

Я представляла, как мы выстраиваемся в коридоре. Как Томас опирается на мое плечо. Как скрипят петли входной двери, открывая нам вид на техасскую равнину, залитую утренним солнцем. Я представляла, как мы выходим наружу — медленно, с достоинством, держа детей за руки. Как замолкают громкоговорители. Как опускаются стволы винтовок.

Я чувствовала абсолютную, непоколебимую уверенность в том, что самое страшное позади. Мы прошли через этот ад, мы сохранили свою веру, мы не поддались на провокации, и теперь мы возвращаемся в мир людей. Переданные принадлежности для работы над текстом казались мне залогом этого возвращения. Адвокат снаружи — нашей единственной защитой.

Я знала, что наверху Дэниел и Рут продолжают работать. Эта мысль убаюкивала меня, обещая безопасность и справедливость. Я глубже зарылась лицом в волосы Михея, чувствуя тепло его щеки у своей шеи. Мои мышцы окончательно расслабились. Тяжесть почти пятидесяти дней осады начала отступать, растворяясь в спасительной темноте сна.

Я засыпала с легкой улыбкой на потрескавшихся губах, обнимая своих детей, чувствуя себя защищенной и спокойной, абсолютно не подозревая о том, что решение о применении CS-газа утром девятнадцатого апреля уже было одобрено. В тот самый день, когда мы получили принадлежности для работы над рукописью и увидели в них обещание продолжения переговоров, люди снаружи уже готовились к операции, которая должна была начаться через несколько часов.

Глава 17. 19 апреля. 6:00 утра

Бетонный пол подвала начал вибрировать за десять минут до шести утра. Это была не та привычная, мелкая дрожь от проезжающих вдалеке патрульных джипов, к которой мы успели привыкнуть за полтора месяца. Эта вибрация имела совершенно иную природу. Она была глубокой, тяжелой, проникающей сквозь тонкий матрас прямо в кости. Она поднималась от земли, заставляя мелко дребезжать оставшиеся целыми чашки на импровизированном столе и поднимая в воздух тонкую взвесь серой пыли.

Я открыла глаза. В подвале царил полумрак, разбавляемый лишь тусклым светом дежурного фонаря в дальнем конце помещения. Сара спала, прижавшись спиной к моему животу, ее дыхание было ровным и спокойным. Михей свернулся калачиком у меня на груди. Вчерашний вечер, наполненный надеждой, работой над рукописью и полученными снаружи принадлежностями, казался сейчас сном, который стремительно растворялся в нарастающем гуле тяжелых дизельных двигателей.

Гул становился громче с каждой секундой. Это был рев многотонных машин. Внезапно тишину раннего утра разорвал треск статических помех, многократно усиленный мощными динамиками, установленными по периметру нашего дома. За эти недели мы выучили наизусть все интонации переговорщиков. Но голос, который зазвучал сейчас, был другим — официальный, бесстрастный, многократно усиленный громкоговорителями.

— Мы вводим слезоточивый газ в здание. Это не штурм. Мы не войдём внутрь. Не стреляйте. Выходите из здания и следуйте инструкциям.

Я резко села, прижимая к себе проснувшегося и захныкавшего Михея. Вокруг меня начали просыпаться другие женщины. Мэри вскочила на ноги, озираясь по сторонам безумным взглядом. Кто-то вскрикнул.

— Это не нападение, — продолжил голос из динамиков. — Газ временно сделает здание непригодным для пребывания. Вы арестованы. Выходите с поднятыми руками! Ничего не берите. Мы не хотим, чтобы кто-нибудь пострадал. Это не нападение.

Слова «это не нападение» еще висели в воздухе, когда раздался первый удар.

Звук был таким, словно в наш деревянный дом врезался товарный поезд. Здание содрогнулось. С потолка подвала посыпалась пыль и крошка. Деревянные перекрытия над нашими головами застонали.

Я схватила Сару за руку, рывком поднимая ее с матраса.

— Мама, что происходит?! — закричала она, пытаясь перекрыть грохот.

— Держись за меня! Не отпускай мою руку! — крикнула я в ответ, подхватывая Михея на другую руку.

Мы бросились к лестнице, ведущей на первый этаж. Навстречу нам, спотыкаясь, спускался Джулиан. Его лицо было белым как мел, глаза расширены от ужаса.

— Танки! — крикнул он, перехватывая дыхание. — Инженерные машины! Они уже у здания! Приготовьте противогазы! Сейчас же!

Противогазы. В здании хранились армейские противогазы — часть запасов и снаряжения, которые держали мужчины общины. Никто из нас в самых страшных кошмарах не мог представить, что эти куски черной резины и пластика однажды понадобятся здесь.

Я втащила детей на первый этаж. То, что я увидела, навсегда врезалось в мою память картиной абсолютного, сюрреалистичного разрушения. В холодном, сером свете утра сквозь повреждённую часть стены была видна огромная бронированная инженерная машина — CEV, машина на базе танка M60, оснащённая длинной стрелой для подачи газа.

Машина дала задний ход, оставляя после себя пролом. В образовавшуюся рану ворвался холодный техасский ветер. Затем металлическая стрела снова двинулась к стене. Из системы на её конце с шипением начала подаваться жидкая смесь, содержащая CS. Одновременно в других частях здания били окна. Сквозь проёмы внутрь попадали небольшие Ferret-боеприпасы, содержащие тот же раздражающий агент. Это был CS.

Официальные лица снаружи называли его «слезоточивым газом». В действительности CS — о-хлорбензилиденмалононитрил — мощный химический раздражитель, воздействующий прежде всего на глаза, кожу и дыхательные пути.

Через несколько лет вступит в силу Конвенция о химическом оружии, запрещающая применение средств подавления беспорядков, включая CS, как метода ведения войны. При этом их использование правоохрнительными органами внутри

страны останется разрешённым. Я, конечно, тогда этого не знала. Я знала только одно: агент, который снаружи называли нелетальным, сейчас вводили в здание, где оставались женщины и маленькие дети. Первая волна достигла того места, где мы стояли.

Это не было похоже на дым от костра. Как только облако коснулось моего лица, глаза обожгло так, словно в них насыпали раскалённый песок. Я инстинктивно вдохнула и тут же согнулась от кашля. Горло перехватило. Из глаз и носа потекло. Я упала на колени, выпустив руку Сары. Рядом закричала Сара. Михей закашлялся, его лицо покраснело, он судорожно хватал воздух открытым ртом.

В высокой концентрации, особенно в закрытом пространстве, CS способен вызвать тяжёлое раздражение дыхательных путей, мучительный кашель, ощущение удушья и затруднение дыхания. Что такая концентрация сделает с маленьким ребёнком, никто из нас знать не мог.

— Маски! Надевайте маски! — сквозь кашель я услышала крик Стива.

Я нащупала на полу брошенную мне маску. Мои пальцы дрожали, глаза почти ничего не видели из-за слез. Я натянула резину на лицо и затянула ремни. Через несколько вдохов дышать стало немного легче. Я схватила вторую маску и потянулась к Саре.

— Сара, иди ко мне! Стой смирно!

Я попыталась натянуть противогаз на ее лицо. И в этот момент столкнулась с простой физической проблемой. Противогаз был рассчитан на взрослого. Лицо шестилетней девочки было слишком маленьким. Я затянула ремни до упора, но герметичности добиться не удавалось. Сара запаниковала и сорвала маску. Я посмотрела на Михея. Ему было два года. На него взрослый противогаз не налез бы вообще.

Я знала, что люди снаружи осведомлены о присутствии детей. Я не могла понять, на что они рассчитывали: что матери просто возьмут детей на руки и побегут через заполненные газом комнаты наружу?

Из соседней комнаты выбежала Дженнифер Андраде. Она несла ведро с водой.

— Полотенца! Рэйчел, бери полотенца!

Я сорвала с себя маску, намочила два полотенца и прижала их к лицам Сары и Михея.

— Прикройте рот! Не отпускайте!

Я не знала, насколько это поможет. Мне просто нужно было сделать хоть что-нибудь. Здание вокруг нас продолжало содрогаться.

Я подняла голову и увидела, как в дальнем конце коридора появился мой сосед, Джейми Кастильо. По его щекам текли слезы, маска съехала набок. Он пытался пробраться к нам, но в этот момент рядом снова раздался оглушительный треск.

Бронированная машина пробивала новые отверстия в здании, через которые продолжали вводить CS. Я подхватила детей. Михей тяжело дышал. Сара цеплялась за мою шею. Мне нужно было найти Томаса. Мне нужно было уйти от внешних стен. Я двинулась по коридору. Под ногами лежали куски гипсокартона, разбитое стекло, перевернутая мебель. Воздух был мутным от пыли и химического аэрозоля.

Каждый новый удар менял знакомые проходы. Там, где ещё вчера стояла стена, теперь зиял пролом; в другом месте обломки и перевернутая мебель мешали пройти. Я смотрела на разрушенный коридор, и ледяной ужас, более сильный, чем жжение газа, сковал сердце. Я не знала, зачем машины разрушали столько стен. Снаружи это, возможно, считали созданием новых выходов. Изнутри же разрушенное здание всё больше превращалось в незнакомый лабиринт.

Громкоговорители продолжали повторять:

— Выходите. Это не нападение.

Но где теперь ближайший безопасный выход, я уже не понимала.

— Рэйчел! Сюда!

Я обернулась. Из дверного проема выглядывал Томас. Его правая рука висела плетью, повязка на плече пропиталась свежей кровью. На лице был противогаз.

— В хранилище! — крикнул он. — Женщины и дети идут в хранилище!

В центре комплекса находилась бетонная комната, которую использовали для хранения припасов и других вещей. У неё не было наружных окон, вход вёл из внутренней части здания. В тот момент она казалась самым защищённым местом. Я перехватила детей и бросилась к мужу. Мы вместе двинулись к центру здания. По пути я видела других членов общины. Люди кашляли, закрывали лица одеждой, пытались найти родственников.

Воздух становился тяжелее. На мебели и полу оседала белёсая пыль CS, а в воздухе оставался резкий запах химической смеси. Растворителем в составе жидкости, которой распыляли CS, был метиленхлорид — дихлорметан, летучее вещество, быстро переходящее в пар.

Мы добрались до хранилища. Внутри уже находилось много людей — среди них женщины и дети. В полумраке раздавались кашель, плач и молитвы. Мы протиснулись внутрь и опустились на бетонный пол. Я прижала Сару и Михея к стене. Томас сел рядом.

— Мы в безопасности здесь? — прошептала Сара.

— Здесь стены толстые, — сказала я.

Но очень скоро стало ясно, что бетон защищает только от механических ударов. В комнате почти не было движения воздуха. Раздражающий агент проникал внутрь вместе с воздухом из коридора и оставался в замкнутом пространстве.

CS был не настоящим газом, а химическим агентом, распространявшимся здесь в виде аэрозоля и частиц. В плохо вентилируемом помещении даже небольшое количество ощущалось гораздо сильнее. Женщины вокруг пытались помочь детям — прикрывали им лица тканью, держали на руках, пытались найти место, где можно было дышать. Время потеряло значение.

Снаружи продолжалось разрушение здания. Мы слышали скрежет металла, удары и рев двигателей. Периодически концентрация раздражителя снова возрастала. Я не знала, могли ли люди снаружи видеть, где именно мы собрались.

Ближе к полудню удары снова приблизились к этой части здания. Грохот стал почти оглушительным. Одна из инженерных машин проникала всё глубже в заднюю часть комплекса. Затем воздух в хранилище снова стал резко едким. Люди закашлялись

сильнее. Было невозможно понять, попал ли CS непосредственно сюда или проник из соседних помещений через открытый вход.

Я не знала, что происходило снаружи. Я знала только, что помещение, которое мы выбрали как укрытие для детей, больше не защищало нас от газа. Кашель и детский плач сливались в один непрерывный шум. Я накрыла Сару и Михея собой. Глаза горели, горло саднило, каждый вдох вызывал новый приступ кашля.

В этой удушающей темноте мой разум внезапно обрёл пугающую ясность. Я вспомнила вчерашний вечер. Рукопись. Переданные снаружи принадлежности. Адвоката. Ещё вчера я была уверена, что нам дадут время закончить рукопись. Теперь эта уверенность рассыпалась. Почему они прислали всё необходимое для работы вечером, если операция уже была назначена на утро? Знали ли переговорщики? Знали ли те, кто передавал нам эти вещи? Или решения принимались где-то совсем в другом месте?

В тот момент мне было невозможно поверить, что происходящее всё ещё называется операцией по спасению. Но я не знала, что именно происходит в головах людей снаружи. Я видела только результат их решений вокруг себя.

Моя рука, шарящая по полу в поисках сползшего полотенца, наткнулась на твердый, угловатый предмет в кармане юбки. Это был мой сотовый телефон. Старая, тяжелая Motorola. Я вытащила его дрожащими пальцами. Связь была слабой, но индикатор сети ещё появлялся. Я не могла остановить машины или рассеять химический аэрозоль. Но я могла позвонить Эбигейл. Я знала, что она следит за новостями из Чикаго. Я поднесла телефон к лицу. Мои пальцы с трудом нажимали на пластиковые кнопки. Код города. Номер. Я прижала телефон к уху. В трубке раздался гудок. Затем второй.

Сквозь шум я услышала новый звук. Это был не скрежет металла и не шипение системы подачи газа. Где-то в другой части здания поднялся крик. А затем появился запах дыма. Не химический раздражитель. Настоящий дым. Температура воздуха начала меняться.

В трубке щелкнуло.

— Алло? — раздался далекий голос моей сестры.

Я вдохнула столько воздуха, сколько позволяли воспалённые лёгкие, и прижалась губами к микрофону.

Глава 18. Эпилог. Эбигейл пишет

Девятнадцатое апреля 1994 года. Ровно год.

За окном моего чикагского кабинета идет тяжелый, беспросветный весенний дождь. Капли бьются о стекло с монотонной настойчивостью, словно пытаются смыть с этого города, с этой страны, с этого мира ту невидимую, но въевшуюся в каждую пору грязь, которую оставил после себя прошлый апрель. Я сижу за своим массивным дубовым столом, окруженная горами картонных коробок, архивных папок, кассет с записями новостных эфиров и стопками официальных правительственных отчетов. Мой кабинет давно перестал быть местом для проверки школьных тетрадей и подготовки к урокам истории. Он превратился одновременно в архив, рабочий кабинет и место, где я пыталась восстановить события, которые год назад разрушили мою семью.

Пятьдесят один день осады. Семьдесят пять погибших девятнадцатого апреля. Двадцать пять из них — дети младше пятнадцати лет. И ещё погибшие в перестрелке двадцать восьмого февраля.

Эти цифры больше не вызывают у меня слез. Спустя год слёзы приходили всё реже, оставляя после себя тяжёлую, почти холодную сосредоточенность. Для миллионов американцев, которые следили за событиями по телевизору, эти цифры — лишь сухая статистика из вечерних новостей, итог катастрофически завершившегося противостояния. Для меня эти цифры имеют имена, лица и голоса. Это Томас, чьи руки пахли свежей древесной стружкой. Это Дэниел, искренне веривший в силу печатного слова и закона. Это моя племянница Сара, любившая рисовать домики с желтым солнцем, и маленький Михей, на лицо которого невозможно было надеть взрослый армейский противогаз. Это моя младшая сестра Рэйчел, которая хотела жить в соответствии со своей верой на своей собственной земле.

Я беру в руки одну из фотографий, лежащих на самом верху стопки документов, полученных мной через запросы по Закону о свободе информации. Этот снимок не показывали в прайм-тайм по CNN. Его не печатали на первых полосах национальных газет.

На фотографии — обугленные руины ранчо в Техасе. После пожара место ещё несколько недель исследовали криминалисты, судебные медики и специалисты по пожарам. Позднее, в мае, на территорию вышли бульдозеры. Официально это объясняли расчисткой и приведением опасного участка в порядок. Адвокаты и критики операции уже тогда задавали вопрос, не уничтожается ли вместе с руинами то, что ещё могло иметь доказательственное значение.

Но самое сильное на этой фотографии — не бульдозеры. Над обугленными остатками комплекса развевались государственные флаги — американский, техасский и флаг ATF.

Я смотрю на фотографию и пытаюсь понять, что означал этот жест для людей, которые подняли флаги. Победу? Возвращение контроля? Память о четырёх агентах ATF, погибших двадцать восьмого февраля? Для меня он означал совсем другое.

Я понимала, что могу приписывать этому изображению собственный смысл. Флаг сам по себе ничего не доказывал. Но после года чтения газетных заголовков и просмотра телевизионных архивов мне было невозможно смотреть на него как на нейтральную деталь.

Против кого была выиграна эта война, если её вообще можно было назвать войной? Внутри здания находились взрослые, подростки и маленькие дети. Среди них были моя сестра, Сара и Михей. Против них применили CS — средство подавления беспорядков, применение которого международное право запрещает как метод ведения войны, но допускает в правоохранительных целях внутри государства. Юридически это различие существовало. Для меня, рассматривавшей фотографию погибших детей, оно не делало произошедшее менее страшным.

Я откладываю фотографию и поддвигаю к себе толстую папку. В ней лежит копия отчёта профессора Нэнси Аммерман, подготовленного для Министерств юстиции и финансов после Уэйко, и её сентябрьское дополнение.

В течение этого года я изучила эти страницы столько раз, что некоторые места знала почти наизусть. Аммерман была специалистом по социологии религии. Её выводы не совпадали со многими выводами основного правительственного отчёта, и именно поэтому они казались мне особенно важными.

Я открываю закладку. Она писала, что Рик Росс имел наиболее широкий доступ к ATF и ФБР среди фигурировавших в материалах «экспертов по культам» и что к нему, по её оценке, прислушивались внимательнее, чем к другим. Она отмечала, что в конце марта Росс предлагал публично унижать Кордеша, рассчитывая вызвать разлад внутри группы.

В материалах ФБР, которые получила Аммерман, была ещё одна формулировка. Росс, согласно записи агента, испытывал «личную ненависть ко всем религиозным культам» и был готов помогать правоохранительным органам в попытке «уничтожить культ». Я долго смотрю на эти слова.

Но рядом на столе лежит и основной отчёт Министерства юстиции. В нём утверждается прямо противоположное по степени влияния Росса: ФБР не считало его советником, на которого оно опиралось при принятии решений.

Именно это противоречие не давало мне покоя. Один официальный массив документов показывал, что Росс общался с обоими ведомствами, передавал им информацию и предлагал тактику. Другой настаивал, что его влияние на действия ФБР было незначительным. Где между этими двумя описаниями проходила реальная граница?

Зато другое было ясно: Аммерман считала серьёзной ошибкой то, что взгляды некоторых антикультовых активистов воспринимались внимательнее, чем советы специалистов по религии, пытавшихся объяснить внутреннюю логику осаждённой общины. Она предупреждала, что методы, основанные на конфронтации и унижении, могут работать совсем не так, как предполагают их сторонники.

Почему всё произошло именно так? Год назад я была уверена, что знаю ответ. Теперь я была осторожнее.

Документы показывали конфликт подходов: переговорщики, тактическое командование, психологи, религиоведы и внешние консультанты далеко не всегда

одинаково понимали Кордеша и людей внутри. Из этих противоречий постепенно складывалась стратегия, которая утром девятнадцатого апреля привела тяжёлую бронетехнику к стенам жилого здания. Но свести всё произошедшее к одному человеку, одной организации или одному тайному плану означало бы заменить расследование удобной легендой.

Я встаю из-за стола и подхожу к большой пробковой доске, занимающей почти всю стену кабинета. За этот год она превратилась в карту моего расследования. Красные нити, кнопки, вырезки из газет, копии судебных решений, распечатки зарубежных публикаций.

В центре доски — CAN, Cult Awareness Network. Рядом — Рик Росс. Отдельными группами — газетные публикации, бывшие участники религиозных движений, государственные ведомства, исследователи новых религий.

Некоторые линии на доске были сплошными: их подтверждали документы. Другие я нарисовала пунктиром. Они означали сходство, контакт или просто вопрос, на который у меня пока не было ответа.

На правом краю доски — Россия. Там, в Москве, через несколько месяцев после трагедии в Техасе, пятого сентября 1993 года открылся Информационно-консультационный центр св. Ириней Лионского, который возглавил Александр Дворкин. Ещё в марте того года он проводил конференцию, посвящённую новым религиозным движениям, и использовал выражение «тоталитарная секта».

Я смотрю на параллельные столбцы терминов, встречавшихся в американской и российской антикультовой риторике: «деструктивный культ», «контроль сознания», «тоталитарная секта», «промывание мозгов». Сходство было заметным.

Я видела повторяющиеся элементы: рассказы бывших членов, крайне жёсткие характеристики религиозных лидеров, концепции контроля сознания, обращения к государственным органам и прессе. Иногда эти элементы действительно переходили из одной страны в другую.

Уэйко стало прецедентом — событием, после которого невозможно было рассуждать о религиозных меньшинствах, государственной силе, экспертном влиянии и

языке «культов» так, словно между этими вещами никогда не возникало опасного взаимодействия.

Американское государство само принимало решения в Уэйко и само несёт ответственность за качество этих решений. Нельзя переложить эту ответственность на телевизионных экспертов или антикультовых активистов. Но нельзя и делать вид, будто язык, которым общество описывало людей внутри, никак не влиял на атмосферу, в которой эти решения принимались.

И самое тяжёлое открытие этого года заключалось не только в существовании единого заговора. Тяжелее было другое: достаточно было множества людей и институтов, каждый из которых видел только свою часть картины и был уверен в собственной правоте.

Через год споры об ответственности продолжаются. Правительственные отчёты защищают одни решения и критикуют другие. Академические эксперты спорят с выводами ведомств. Выжившие рассказывают свою версию. Адвокаты разбирают действия обеих сторон уже в суде. Чем больше документов появляется, тем менее простой выглядит история, которую телевизор когда-то уместил в несколько слов: «ФБР против опасного культа».

В России тем временем центр Дворкина продолжает работу. Его язык и само понятие «тоталитарной секты» заслуживали, на мой взгляд, такого же внимательного изучения, как американская риторика о «деструктивных культах». Но что из этого вырастет в России, в апреле 1994 года ещё невозможно было знать.

Я возвращаюсь к своему столу. Рядом со стопками документов стоит моя электрическая печатная машинка. В нее заправлен чистый белый лист бумаги. Справа лежит толстая папка с готовой рукописью. Это книга, которую я писала весь этот год. Книга, в которую я вложила свою боль, собранные документы, расшифровки разговоров с Рэйчел, выдержки из правительственных отчетов и академических исследований. Я писала ее ночами, когда перед глазами вставали лица Сары и Михея. Я писала её потому, что не хотела, чтобы последним словом о моей сестре осталось слово «культистка».

Я сажусь в кресло и кладу руки на клавиатуру. Пластик клавиш холодит подушечки пальцев. Я вспоминаю наш последний разговор с сестрой. Ее срывающийся шепот

сквозь грохот стен и кашель. Она просила меня рассказать миру, что они не были безликой массой. Они были людьми.

Я не нашла одного центра, одного режиссёра или одного документа, который объяснял бы всё. Я нашла нечто менее удобное: множество связей, ошибок, предубеждений, конфликтующих экспертных мнений и решений, последствия которых никто уже не мог отменить.

Эта книга — не обвинительный приговор. Для приговора существует суд. Это и не руководство по выживанию. Это попытка сохранить вопросы, которые слишком легко исчезают, когда людей заменяют ярлыками. Потому что слово действительно способно изменить то, как мы видим другого человека. «Сектант». «Фанатик». «Зомби». Иногда после такого слова становится легче не услышать имя. Легче не спросить, кто находится внутри здания. Легче решить, что любой следующий шаг неизбежен.

Я смотрю на чистый лист бумаги, вставленный в каретку машинки. Мне осталось написать один последний абзац. Мои пальцы ложатся на клавиши. Я долго не пишу ничего. Потом начинаю.

Моей сестры больше нет. Но теперь её история записана — не как история «культа», не как строка в правительственном отчёте и не как телевизионный сюжет. Как история людей. И этого у них уже не отнять.